БК
20
О-21

Осипенко
методическое
и мелко-
колхозное
дело...
ОЦ, 1928.

Личный

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СССР

В. В. Оболенский (Осинский)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ

В ДОВОЕННОЙ РОССИИ И СССР

ИЗДАНИЕ ЦСУ СССР
МОСКВА—1928

20
0-21

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
СССР

В. В. Оболенский (Осинский)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ

В ДОВОЕННОЙ РОССИИ И СССР

ИЗДАНИЕ ЦСУ СССР
МОСКВА—1928

3-я ТИПОГРАФИЯ
ТРАНСПЕЧАТИ
Москва, Центр, Дмитровский,
Мосгублит № 14164
Тираж 1000 экз.
Заказ № 1271

Государств. публичная
историческая
библиотека СССР
1394947

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа написана по предложению известного американского статистика, проф. Вальтера Вилькокса, для издаваемого им коллективного труда, освещающего итоги международной и межконтинентальной миграции в XIX столетии и начале XX века. Часть, касающаяся довоенной России и нынешнего СССР, было предложено взять на себя нижеподписавшемуся, который охотно на это согласился, полагая, что участие советской государственной статистики в такой работе может содействовать упрочению научных и культурных связей СССР с заграницей. В процессе работы статья сравнительно небольших размеров волей-неволей разрослась в довольно большую работу. Так как по затрагиваемым в работе вопросам (кроме переселения) в русской литературе почти вовсе отсутствуют специальные исследования, пришлось принять на себя восполнение этих пробелов и несколько раз давать сводки материалов, которые до того не делались; а это также неизбежно увеличивало объем предлагаемой работы.

То, что работа предназначалась к опубликованию в американском научном сборнике, разумеется, должно было наложить на нее особый отпечаток. Для читателей такого сборника потребовалась специальная форма изложения, а также представление некоторых данных и справок, в которых подготовленный русский читатель мало нуждается. Впрочем, благодаря таким дополнениям, работа доступна и более широкому кругу читателей; с другой стороны, ряд примечаний и пояснений в русском издании опущен и появится только в английском тексте.

Что касается принципиальной точки зрения автора, то как согласятся, вероятно, читатели, она не подверглась никакому воздействию в зависимости от выхода работы в свет за-границей.

Автор отмечает с благодарностью, что часть работы по собиранию литературного материала и вся работа по собиранию и сводке русского статистического материала была выполнена работниками отдела демографической статистики ЦСУ СССР. Этой работой руководил М. П. Красильников и в ней принимали участие проф. Л. О. Лубны-Герцык, С. Д. Корсуновский и С. Д. Шиманский.

М. П. Красильников и Л. О. Лубны-Герцык взяли на себя труд прочитать рукопись работы и сделали автору немало существенных замечаний.

И. Л. Ямзин оказал автору помощь библиографическими указаниями и предоставлением книг по вопросам переселения.

В. Д. Бонч-Бруевич предоставил автору специально написанную сводку известных ему случаев эмиграции приверженцев различных религиозных сект.

Я. С. Цегельницкий и работники общества распространения земледельческого и ремесленного труда среди евреев помогали автору в собирании материала об еврейской эмиграции.

Большая часть иностранного статистического материала была получена от д-ра И. Ференчи (Женева).

Центральное Статистическое Управление Германии и д-р Р. Кучинский сделали ряд ценных библиографических указаний по вопросу о миграции немцев в Россию и из России.

Техническая часть работы была выполнена В. И. Александрович, К. Н. Донченко, А. П. Немтиновой, А. А. Орловой, Е. Д. Полесской, В. В. Попатенко, Е. А. Степановой, С. Р. Фарман, Е. Г. Штемплиной.

Большую помощь при выполнении работы оказала Н. Ф. Тархова, заведующая библиотекой Центрального Статистического Управления Союза Советских Социалистических Республик, и ее помощники.

В. О.

I. Юридическое положение российской эмиграции. Статистические материалы о российской эмиграции и иммиграции.

Несмотря на то, что эмиграция из пределов бывшей российской империи, приняв особенно крупные размеры с начала XX столетия, составила более $4^1/_2$ миллионов человек за период с 1828 г. и до начала мировой войны, это миграционное движение оставалось не только не урегулированным в законодательном порядке за весь этот срок, но и более того—частью нелегальным, противозаконным.

Дореволюционный русский закон не допускал свободного перехода русских поданных в иностранное подданство, он ограничивал пребывание русских подданных за границей сроком в пять лет, по истечении которых надо было просить губернатора, выдавшего заграничный паспорт, об отсрочке. Нарушение этих положений каралось, причем в первом случае виновный считался навеки изгнанным из страны, а имущество его переходило в опекунское управление.

Лишь в 1892 г. в „Положении Комитета Министров", касающемся условий деятельности в России Еврейского Колонизационного Общества (фонд бар. Гирша) и имевшем силу закона, была дана первая легальная санкция на эмиграцию из России евреев. При этом характерным образом было, однако, подчеркнуто, что выехавшие согласно этому положению евреи „признаются покинувшими навсегда пределы России"[1]). В 1898 г. особым распоряжением царя, полученным в ответ на поданное императрице Марии прошение, было разрешено выезжать за границу приверженцам религиозной секты духоборов, причем в этом случае возвращение обратно было прямиком воспрещено и нарушителям была обещана „высылка в отдаленные местности".[2])

---

[1]) С. Я. Яновский.—„Русское законодательство и эмиграция", статья в „Журнале Министерства Юстиции", апрель 1909 г., стр. 107. Перевод этой статьи помещен в vol. 12 Reports of the Immigration Commission, Washington, 1911, page 251 и след.

[2]) Вл. Бонч-Бруевич, „Духоборцы в канадских прериях", Петроград, 1918 г. стр. 1. Весьма вероятно, что и некоторым другим группам эмигрантов давались подобного рода разрешения, но в печати они, сколько известно, не опубликованы.

В остальных случаях эмиграция совершалась с точки зрения легальной за страх и риск выезжавшего, который запасался паспортом или краткосрочным удостоверением (введенным с 1875 г. преимущественно для рабочих, отправлявшихся за границу на заработки) и отправлялся в намеченную страну. Он имел фактическую возможность и возвратиться обратно, поскольку у него оставался паспорт и поскольку он не перешел еще в иностранное подданство, или умалчивал по возвращении о таком переходе. Очень много было случаев и нелегального (без всяких документов или с чужими документами, используемыми „заимообразно") перехода границы, как вследствие отсутствия средств на получение документа, так и вследствие нежелания отбывать воинскую повинность и т. п.

В позднейшие годы (с начала XX века) устарелость законодательства по этому вопросу стала ясна вообще, в стране была разрешена (при помощи истолкования закона) деятельность эмиграционных агентств, в 1905 г. была издана инструкция начальникам портов „для руководства при надзоре за судами, перевозящими эмигрантов"[1]), а в 1906 г. был выработан проект „Положения об эмиграции", который, впрочем, так и остался неутвержденным вплоть до начала революции. Эмиграция оставалась, если не нелегальным, то полулегальным общественным явлением, молчаливо признаваемым, но официально не урегулированным.

При таких обстоятельствах совершенно понятно, что и статистика эмиграции в точном смысле слова в России почти совершенно отсутствовала. Вместо статистики эмиграции, мы в качестве массового материала по этому вопросу имеем статистику выезда и в'езда русских подданных через границы бывшей российской империи.[2]) Опубликованные данные сгруппированы: 1) по границам — европейской и азиатской, 2) по категориям декументов (заграничные паспорта и различного рода краткосрочные документы), 3) по полу (последнее лишь с середины 70-х гг., да и то с пробелами).

Данные о национальности, возрасте, семейном состоянии, занятиях, стране назначения пассажиров отсутствуют. Что еще важнее, отсутствуют данные о губерниях, из которых выехали пассажиры. Поскольку заграничные паспорта выдавались канцеляриями губернаторов, можно было предполагать, что в ежегодных отчетах губернаторов окажутся подобного рода данные. Предпринятые поиски обнаружили, что и здесь

---

[1]) Материалы к вопросу об упорядочении эмиграционного движения из России. Записка Министерства Торговли и Промышленности, Отдела Торгового мореплавания, СПБ. 1906 г. с. 62.

[2]) Собиралась Министерством Торговли и Промышленности и публиковалась в его обзорах Внешней Торговли, а также в Статистических Ежегодниках Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дел.

таких данных не имеется.[1]) Таким образом, отсутствует то звено, при помощи которого можно связать эмигранта с определенным районом, характеризуемым определенной плотностью населения, определенными экономическими условиями и определенной бытовой обстановкой.

На основании массовой русской статистики можно поэтому только 1) при помощи выведения баланса из выезда и в'езда пассажиров определить об'ем и динамику легально (т.-е. с документами на руках) эмигрировавших из России граждан и 2) попытаться определить временную миграцию (на заработки по краткосрочным документам), отделив ее от эмиграции.[2]) Немного дополнительных черт могли бы прибавить группировки по перейденным границам и по полу.

В дополнение к этому имеются два района, где производились местные статистические обследования. Это 1) прежние польские губернии, составлявшие район деятельности Варшавского Статистического Комитета. Названный Комитет произвел несколько обследований в 1890-х г. и начале 1900-х г. Кроме этого, 2) имеются регулярно собиравшиеся специальные данные о финской эмиграции. Наконец, отрывочный материал, большею частью не носящий статистического характера, имеется в отношении некоторых других очагов эмиграции.

Подобного рода состояние русских статистических источников всегда заставляло русских исследователей вопроса обращать внимание на источники заграничные. Из стран прибытия эмигрантов наилучшую статистику иммиграции имеют Соединенные Штаты. Можно только пожалеть, с точки зрения восполнения того звена, на отсутствие которого мы жаловались выше, что американские данные не локализируют более подробно очагов эмиграции в пределах отдельных стран.[3]) К сожалению, также лишь с 1908 г. имеются данные об эмигрантах, покинувших С. Ш. или возвратившихся обратно в Европу. Такие данные с давних пор имеются в Аргентине. Зато вовсе отсутствуют они в Канаде, что затрудняет разрешение вопроса о фактическом оседании эмигрантов в Канаде.

Движение русских эмигрантов регистрировалось также и в передаточных пунктах, т.-е. в тех заграничных портах (преимущественно немецких и английских), в которых русские

---

[1]) Они оказались только в отчетах тех губернаторов, в губерниях которых производились обследования Варшавского Статистического Комитета (см. ниже).

[2]) Фактически такая классификация ничего не дает, т. к. 1) часть постоянных эмигрантов пользовалась „временными" документами и 2) жители пограничной полосы совершали массу переходов границы туда и обратно, которых нельзя считать ни постоянной, ни временной миграцией.

[3]) Что это можно было бы сделать, показывает интересная картограмма № 1, приложенная к отчету Commissioner General of Immigration за 1902 г. К сожалению, к картограмме не приложено таблиц, да и сама картограмма осталась единственной в своем роде.

эмигранты садились на трансокеанские пароходы. Наилучшая статистика здесь—немецкая. К сожалению, хотя в Бремене и Гамбурге собирались данные о месте выхода эмигрантов (в пределах данного государства), но они не были ни опубликованы, ни даже разработаны. Статистика в передаточных пунктах служит, главным образом, контролирующим и дополняющим материалом к статистике прибытия: она учитывает частью отправление в такие страны, о прибытии в которые эмигрантов нет известий.

Что касается иммиграции в Россию, то здесь мы располагаем почти исключительно русскими данными. Характер их очерчен выше в применении к учету эмиграции. Надо только отметить, что в приезде и выезде иностранцев отмечалось их подданство, благодаря чему мы имеем здесь в грубых чертах и национальную характеристику иммиграции в Россию[1]).

Косвенными вспомогательными источниками для характеристики иммиграции и эмиграции могут служит данные народных переписей об иностранных поданных и о лицах, имеющих родным языком иностранные языки. Такие данные мы старались использовать, как в отношении заграничных государств, так и самой России (всеобщая перепись 1897 г. и всеобщая перепись 1926 г.).

Мы были вынуждены не ограничивать рассмотрения российской довоенной эмиграции рамками современных границ Советской России (Союза Социалистических Советских Республик). Как уже отмечено выше, нет возможности точно локализовать очаги эмиграции в пределах бывшей Российской Империи, а потому нет возможности и отделить точно долю современного СССР от доли выделившихся из него государств[2]). Здесь не помогает и американско-канадская статистика, где иммигранты классифицируются не только по подданству, но и по национальности. Из 1.597.366 эмигрантов, прибывших из России и допущенных в С. Ш. за 1901—1910 г. г., 44% или 704.345 человек составляли русские евреи, а последние выезжали не только из губерний, отошедших к Польше и Литве, но также и из губерний, оставшихся в составе нынешнего СССР. Вот почему поток эмиграции из прежней Российской Империи приходится анализировать в совокупно-

---

[1]) В грубых чертах потому, что приезжавшие в Россию германские и австро-венгерские подданые частью относились к польской и еврейской национальности, австро-венгерские же подданные могли быть также венграми и представителями других, кроме польской, разновидностей славянского племени. Турецкие подданные частью были греками и т. п.

[2]) Не помогло бы делу и расчленение эмиграции по участкам государственной границы, ибо на одних и тех же участках концентрировались пассажиры из различных пунктов. Да соответствующих данных и не опубликовано.

сти, по крайней мере поскольку ставится вопрос о его географическом расчленении.

Мы также занимаемся преимущественно анализом *довоенной* эмиграции и иммиграции. Война и последовавшая за ней революция почти приостановили старый миграционный процесс. Они заменили его миграциями нового, экстраординарного типа, вышедшими за пределы статистического учета. Затем изменились и самые границы государства, а также расстроилась на некоторое время и регистрирующая система.

Поэтому лишь в виде краткого дополнения мы приведем и рассмотрим данные о движении пассажиров через границы *советского* государства, каковыми данными и поныне ограничивается эмиграционная статистика. Более обширное дополнение мы посвятим миграции, происходившей и происходящей в пределах бывшей России, но имеющей значение *трансконтинентальной* миграции: переселению из *европейской* части государства в Сибирь и другие местности его *азиатской* части. Такое дополнение необходимо также потому, что эмиграция населения *русской* национальности за океан, в Америку и переселение—два взаимно связанных явления.

2. Общий размер отлива населения бывшей российской империи за границу. Три эпохи в этом отливе. Сопоставление отлива из России с приливом в странах иммиграции

Статистика перехода границы российскими и иностранными пассажирами начинается в России с 1828 г. Только с этого момента, приблизительно совпадающего с началом царствования императора Николая I, мы и будем рассматривать эмиграционное движение. Да оно было и весьма ничтожным до этого времени. Как известно, американская статистика иммиграционного движения также начинается около этого времени (с 1820 г.). С 1828 г. по 1915 г. включительно баланс выезда и въезда русских подданных через российские границы дает отрицательное сальдо в 4.509.495 человек.[1]) Это и есть то количество людей, которые за рассматриваемые 88 лет покинули Россию, пользуясь каким-либо правительственным удостоверением и в мирной обстановке. Сверх этого, некоторое количество перешло границу также и без документов, тайно, а другая часть переходила ее в военной обстановке (во время войн с Турцией и Персией, польских восстаний и т. п.), когда границы становились изменчивыми и регистрация на них нарушалась. Вряд ли, однако, общее количество перешедших таким образом границы до начала мировой войны превысило несколько сот тысяч. С другой стороны, надо принять во внимание, что в одном 1914 г. отрицательное сальдо составило 525.987 человек, между тем как в ближайшие предшествующие годы чистый отлив колебался между 150—180 тысячами. Судя уже по этим данным, 200—300 тысяч сел.-хоз. рабочих были задержаны в Германии, куда они вышли на временные заработки. Приняв во внимание, что наш итог оказывается преувеличенным в этом направлении, мы даже при учете незарегистрированного перехода границы должны возвратиться к той же валовой цифре: $4^1/_2$ миллиона—вот,

---

[1]) 1915 г. мы, собственно говоря, могли бы вовсе оставить в стороне, так как оборот пассажиров за этот год сразу упал и чистый отлив русских подданных составил всего 2.209 человек.

повидимому, реальный размер всего отлива за 88 рассматриваемых лет.

Три явственно различимых эпохи намечаются в пределах взятого нами периода: 1) до начала 60-х г.г., т.-е. до начала реформ Александра II и падения крепостного права, 2) с начала 60-х г.г. и до начала 90-х г.г. (точнее—до их середины) и 3) с этого последнего момента и до начала мировой войны. В первую эпоху главная масса населения—крестьянство—была прикреплена к земле и помещику, а городское население было связано сословными узами; выезжать за границу имели возможность преимущественно дворяне, и лишь небольшое количество представителей других сословий объективно оказывалось в состоянии эмигрировать; самостоятельная эмиграция рассматривалась, как государственное преступление. Во вторую эпоху, несмотря на сохранение в хозяйственном и правовом строе государства значительной массы феодальных пережитков, все же совершился переход к новому экономическому, а отчасти и правовому порядку; причем именно противоречие между этими пережитками и потребностями нового времени вызвало к жизни волну эмиграции. В третью эпоху она достигла особенно крупных размеров, ибо в России начался значительный рост капитализма и производительных сил; названное противоречие все более обострялось, несмотря на то, что и „модернизация" страны (особенно после 1905 г.) сделала новые успехи, а вместе с тем и эмиграция становилась явлением наполовину легальным. Торговый договор с Германией (1894 г.) весьма облегчил переход границы с краткосрочными документами.

Вот размеры чистого отлива русских подданных в каждую из этих трех эпох:

	1828—59 г.г. (32 года)	1860—89 г.г. (30 лет)	1890—1915 г.г. (26 лет)	За 88 лет.
В сумме.....	33.314	1.128.563	3.347.618	4.509.495
В среднем за год.....	1.041	37.619	128.755	51.244
В %% от общей суммы за 88 л.	0,74	25,03	74 23	100,00

Как видим, учтенная легальная эмиграция в первую эпоху дала менее одного процента от всей суммы; во второй период она составила одну четверть, а на последнюю падают почти три четверти общего итога. Если мы даже вычтем в последнем случае 200—300 тысяч сельско-хозяйственных рабочих, задержанных в Германии, мы получим, что за последнюю четверть века перед войной страну покинуло около трех миллионов человек или около 70% от общего количества эмигрантов.

Но является ли эта статистика надежной и нет ли в ней значительных пропусков? Лучшим способом проверить это

является сопоставление со статистикой стран иммиграции. Сделаем такое сопоставление за десятилетие 1901—10 г.г. т.-е. за период, когда и эмиграция из России уже была сильно развита, и статистика иммиграции в С. Ш., Канаде и Аргентине была достаточно хорошо поставлена. Такое сопоставление натыкается на ряд затруднений: несовпадение отчетных периодов [1]); поздняя постановка (в С. Ш.) и отсутствие (в Канаде) регистрации обратного движения иммигрантов; неясности в вопросе о „взаимном обмене" эмигрантами между странами прибытия; различия и несовершенства в постановке учета подданства и национальности эмигрантов в отдельных странах и т. д. Но в общих чертах сравнение вполне возможно, и оно может во всяком случае дать ответ о том, имеются ли значительные пропуски в русской регистрации. Одновременно мы при этом выясним и элементы „баланса" эмиграции и иммиграции.

Итак, мы прежде всего констатируем, что чистый отлив русских поданных за границу по русским данным составляет за 1901—10 г.г. 1.559.145 человек.

За этот же срок было допущено (admitted) в С.Ш. иммигрантов из Российской Империи, включая Финляндию и прежнюю русскую Польшу 1.597.306 человек. Однако, не все эти иммигранты остались в С.Ш. Поставленная в 1908 г. статистика обратного выезда иммигрантов в Россию дает за последние три года взятого десятилетия 74.846 человек. А за шестилетие 1908—1913 г. г. обратный выезд составил $163^1/_2$ тысячи, что в отношении к числу „допущенных" за эти годы дает $15{,}3^0/_0$. Если бы мы распространили это соотношение на взятое нами десятилетие, мы получим обратный отход в размере 244.388 человек. Как ни крупна эта цифра, но, повидимому, она является преуменьшенной, как мы увидим ниже.

Но отлив эмигрантов происходил также и в Канаду. Соответствующий учет был поставлен лишь в 1909 г., и за два последних года нашего десятилетия мы имеем 1.749 и 2.185 человек финнов, русских, русских евреев и русских поляков. отправившихся в Канаду [2]). В последующие годы цифры увеличились, и за 1909—13 г.г. в среднем составили 2.675 человек ежегодно. При этом огромная доля переходивших в Ка-

---

[1]) Так как наше сопоставление не претендует на полную точность, мы во второстепенных случаях пренебрегаем этими различиями. В отношении Канады, где отчетные годы кончаются 31-м марта, мы передвигаем номенклатуру годов на единицу назад и всюду здесь и ниже берем годы, начинающиеся в этот срок.

[2]) „Русских" евреев и поляков, которые в „Reports of the Commissioner General" особо не выделены, мы получили, принимая, что первые составляют $72{,}1^0/_0$ всех евреев, а последние $49{,}6^0/_0$ всех поляков—как это было за 1901—10 годы в отношении к допущенным в С.Ш. евреям и полякам.

наду эмигрантов по национальности не распределена (47,8%). Мы, наверное, не преувеличим, а преуменьшим, если примем, что за взятое десятилетие в Канаду перешло 20.000 эмигрантов, прибывших из России.

Но русские эмигранты приходили в С. Ш. не только из одной России. Они прибывали также, пожив некоторое время в Канаде и в Англии. Последняя была важным передаточным пунктом еврейской эмиграции, но через нее проходили также литовцы, поляки, русские и финны. Возьмем американские данные о прибытии в 1901—10 г.г. представителей этих племен из Канады и Англии, исчислив по известным нормам долю российских уроженцев[1]).

	Из Канады	Из Англии
Евреев	8.028	30.724
Поляков	2.436	795
Литовцев	595	3.331
Финнов	1.827	321
Русских	1.184	548
Итого	14.070	35.719
		49.789

Таким образом, около 50.000 эмигрантов прибыли в С. Ш. via Канада и Англия. Но кроме прибытия и отбытия эмигрантов, мы должны принять во внимание движение пассажиров не-эмигрантов, тем более, что мы делаем сопоставление с русскими данными, охватывающими всех пассажиров вообще. Соответствующая статистика в С. Ш. (с распределением по национальностям) имеется с 1909 г. За 1909 и 1910 г.г. чистый отлив из С. Ш. представителей пяти обследуемых нами национальностей (применяя отмеченные выше коэффициенты) дает 3.042 человека, а за пятилетие 1909—1913 г.г.— 25.343 человека [2]). Мы и здесь не ошибемся, сказав, что за за 1901—1910 г.г. чистый отлив составляет, вероятно, не менее 15.000 человек.

---

[1]) Для прибывших из Англии евреев и поляков берем выше указанные американские коэффициенты; для литовцев соответствующий коэффициент составляет 95,9%, для финнов берем 99%. Для прибывших из Канады берем тамошние коэффициенты за шестилетие 1905—10 г.г.—46,6% поляков и 82,7% евреев. На литовцев и финнов распространяем американские нормы. Надо отметить, что ехавшие через Канаду и Англию эмигранты по дороге росли в числе, что несколько преувеличивает данные.

[2]) В данном случае преобладает выезд, так как часть прежних пассажиров эмигрантских кораблей, заработав в С. Ш. некоторую сумму денег, едет обратно на родину каютными пассажирами. Надо, впрочем, отметить, что в движении пассажиров „не-эмигрантов", к сожалению, включены едущие транзитом из Канады палубные пассажиры и это запутывает дело.

В итоге мы пока получаем такую картину:

Допущено прибывших из России иммигрантов.	Допущено прибывших via Канада и Англия.	Обратный выезд в Россию иммигрантов.	Чистый отлив каютных пассажиров.	Переход в Канаду.	Итого осело эмигр.
+1.597.306	+49.789	—244.388	—15.000	—20.000	1.367.707

Таким образом, оседание русских подданных в С. Ш. за 1901—1910 г.г. намечается пока в размере 1.368 тысяч человек.

Попробуем проконтролировать эту цифру данными американских цензов 1900 и 1910 г.г. о населении, родившемся в России, Финляндии и Польше. В 1910 г. эта группа чужестранцев составляла 640.473 человека. За десять лет эта группа, применяя к ней норму смертности 1,8% в год [1]), должна была сократиться до 535.111 человека. А в 1910 г. ей противостоят 1.732.462 человека, родившихся в России и Финляндии, а также и поляков, родившихся в русской Польше. Прирост получается в 1.197 тысяч человек. Эту цифру надо увеличить на 35 тысяч, если мы хотим сделать ее сравнимой с цифрой, выведенной из иммиграционной статистики [2]). Вновь полученная сумма 1.232 тысяч человек расходится на 135 тысяч с выведенной из иммиграционной статистики цифрой в 1.368 тысяч. Трудно сказать, какая из этих цифр вернее. С одной стороны, возможно, что цифра обратного отъезда нами преуменьшена, а, следовательно, цифра 1.368 тысяч преувеличена.

С другой стороны, возможно, что исчисления по данным цензов преуменьшают число осевших в С. Ш. русских поселенцев (ср. ниже результаты исчислений за 1890 г.). Примем условно, что общая сумма оседания составляет цифру в 1.300.000 человек, т.-е число, лежащее посередине между двумя выведенными цифрами.

Так как читателям теперь ясны наши методы расчета, мы можем короче изложить соответствующие данные о Канаде. За 1901—1910 г.г. в Канаду прибыло из Европы финнов, русских, а также „русских" евреев и поляков — 93.352 человека [3]). Данных об обратном выезде и переходе в С. Ш.

---

[1]) Повышаем для иммигрантов общую норму смертности 1,57% за 1901—1910 г.г. до 1,8%.

[2]) Дело в том, что ценз 1900 г. был произведен 1 июня, а ценз 1910 г.— 15 апреля. Отчетные годы иммиграционной статистики оканчиваются 30-м июня. Иными словами, с точки зрения иммиграционной статистики, десятилетие 1901 — 1910 г.г. для нас начинается 1 июля 1900 г. и кончается 30 июня 1910 г. Расчеты, сделанные по цензам, оказываются ничтожно увеличенными за счет июня 1900 г. и более значительно преуменьшенными за счет половины апреля, мая и июня 1910 г. Сальдо того и другого—около 35 тысяч.

[3]) Мы оставляем здесь в стороне евреев и поляков, не распределенных между Россией, Австрией и Германией. Попытка распределить их могла бы увеличить на 4—5 тысяч цифру приезда, а также соответственно увеличить размеры обратного выезда эмигрантов.

не имеется, что весьма затрудняет расчеты. Данные же об иммигрантах из С. Ш. по национальностям не разбиты. Но по американским данным мы вывели, что 20.000 русских эмигрантов прибыло в Канаду из С. Ш., а 14.070 русских эмигрантов покинуло Канаду, направляясь в С. Ш. Эти цифры частью балансируются между собой и в общем итоге мы пока имеем приток в 99.282 человека.

Попробуем сопоставить эту цифру с данными канадских переписей. Цифра населения, родившегося в России, по цензу 1901 г. составляет 31.231 человек. За отсутствием правильной статистики смертности в начале XX столетия принимаем американскую норму при выяснении того, сколько людей из этой группы должно было дожить до 1911 г., до следующей переписи. Таковых оказывается 26.044 человека, а следующая перепись дает цифру российских уроженцев в 100.971 человек. Следовательно, за десять лет мы имеем увеличение в 73.927 лиц, или почти на двадцать пять тысяч меньше полученного выше притока.

В переписи 1911 г. есть также данные о количестве российских и финляндских выходцев, распределенные по годам прибытия их в Канаду. Они показывают, что за 1901—1911 г.г. из них прибыло 72.959 человек. Это почти совпадает с цифрой, только что нами полученной [1]).

Мы не ошибемся, если примем чистый приток иммигрантов из России за 1901—1910 г.г. в размере $73^1/_2$—74 тысяч человек и вместе с тем выведем, что обратное движение в Россию составило за тот же срок более двадцати пяти тысяч людей, или около $22^0/_0$ от общего числа российских уроженцев, прибывших в Канаду прямым путем или через С. Ш.

Канадский баланс, таким образом, получает следующий вид:

Прибыло иммигрантов из России.	Переход из С. Ш.	Вероятный обратный выезд в Россию.	Переход в С. Ш.	Итого осело иммигрантов.
+ 93.352	+ 20.000	— 25.000	— 14.070	около 74.000 (74.282)

Из других стран Аргентина имеет статистику как прибытия, так и обратного отъезда иммигрантов. Из России

---

[1]) См. „Special Report on the Foreign Born Population", Ottawa, 1915, page 10. При этом, хотя 1901 отчетный иммиграционный год захватывает 9 месяцев, предшествующих цензу 1901 г., вследствие чего мы должны были бы отбавить 2—3 тысячи человек, но, с другой стороны, в расчет не вошли $4^1/_2$ тысячи человек, время прибытия которых неизвестно. Эти последние в большинстве своем прибыли также за 1901—1911 г.г., ибо за этот срок, вообще говоря въехало $72^0/_0$ всех уроженцев России, охваченных переписью.

таковых приехало за взятое десятилетие 84.493 человека, отправилось обратно 26.403 (31,2%) и осело на месте прибытия 58.090 человек.

Мы имеем данные только о прибытии в Бразилии (17.221 чел.) и в Австралии (2.758 чел.). Об Южной Африке мы знаем, что через немецкие порты туда прошло 4.290 человек. Из стран Зап. Европы мы имеем данные об иммиграции только в отношении Англии. До 1906 г. здесь оседали значительные массы русских иммигрантов (по преимуществу евреев), оказавшихся не в состоянии добраться до конечной цели своих странствий—Америки. По данным Statistical Tables relating to Emigration and Immigration число таких иммигрантов, прибывших в Англию без наличия билета на дальнейший проезд, за 1901—1905 г.г. составило 163.488. Все возможные скидки на последующую реэмиграцию этих русских выходцев сокращают это число только до размера 100.000 человек [1]). Однако, английские источники указывают, что действительные размеры оседания в несколько раз меньше формальных данных о прибытии [2]). А если мы попробуем из сопоставления английских цензов 1901 и 1911 г.г. вывести вероятную цифру оседания русских эмигрантов, мы получим менее 30.000 человек [3]). Принимаем эту последнюю цифру.

Если мы теперь сделаем генеральную сводку всех полученных нами данных, мы получаем такую картину (в округленных числах):

I. Осело в перечисленных странах

1. Соед. Штаты	1.300.000
2. Канада	74.000
3. Аргентина	58.000

---

[1]) Скидки можно сделать: 1) в размере 11% на иммигрантов, которые по данным таможенных чиновников собирались ехать дальше, 2) в размере 15.000 на тех евреев, которым благотворительные организации помогли выехать из Англии за 1901—1905 г.г. (то и другое, исходя из данных Statistical Tables), 3) в размере 35.719 на прибывших в С. Ш. из Англии российских уроженцев (см. выше); подавляющее большинство этой последней группы выехало из Англии после 1905 г.

[2]) См. напр. Statistical Tables relating to Emigration and Immigration in the year 1905, page 11.

[3]) Если взять цифру иностранцев, родившихся в России и русской Польше, за 1901 год—82.844, применить к ней норму смертности в размере 1,8% и сопоставить ее с соответствующей цифрой 1911 г.—95.541, мы получаем увеличение в 26½ тысяч. Подобный расчет в данном случае весьма условен, поскольку в отличие от С. Ш. среди иностранцев, находящихся в Англии, процент пребывающих в стране временно значительно выше. Кроме того, часть выходцев из России, переписанных в 1901 г., к 1911 г. стали английскими гражданами, хотя таких среди еврейских иммигрантов было немного. Но этот расчет все же дает более надежную цифру, чем та, которая получается по данным статистики иммиграции. Он во всяком случае показывает, что 100.000 человек не могли осесть в Англии в течение взятых нами десяти лет.

4. Бразилия	12.000[1])
5. Англия	30.000
II. Прошло в перечисленные страны	
6. Южная Африка	4.000[2])
7. Австралия	3.000[2])
	1.481.000

Получившаяся у нас итоговая цифра меньше цифры чистого отлива русских подданных за границу, полученной по русским данным (1.599.145 человек). Это доказывает, что если цифра отлива является несколько преуменьшенной против действительности (за счет нелегальных переходов границы), то недоучет этот все же вероятно очень невелик.

В самом деле, пробелы на другой стороне балансового листа (статистика оседания) не могут быть велики. В сумме они составляют вероятно около 175.000. Сюда относятся, прежде всего, пропуски во второстепенных заокеанских странах прибытия (вряд ли более 10.000 человек). Далее надо учесть оседание русских выходцев в Европе, за исключением Англии, и в пограничных с Россией государствах Азии, в качестве ли эмигрантов или только долгосрочно отсутствующих (последнюю категорию надо принять во внимание, поскольку мы делаем сопоставление с цифрой чистого отлива, в которой она объединяется с группой эмигрантов). Если мы примем общий размер наших пробелов в 175 тысяч человек [3]), то окажется, что фактический отлив был 1.656.000 человек, что превышает зарегистрированный отлив на 97.000 человек или 6,2%. Отсюда ясно, что русская статистика охватывала движение через границы достаточно полно.

Составить подобного же рода баланс за 1890 г. еще труднее и результаты получаются гораздо менее удовлетво-

[1]) За вычетом обратного выезда, который мы принимаем в 31,2% по по аналогии с Аргентиной.

[2]) Обратного выезда, в виду дальности расстояния, во внимание не принимаем.

[3]) К этой цифре мы приходим следующим образом. Чистый отлив русских подданных по азиатской границе составил за 1901—1910 г.г. 50.445 человек. Из этого отлива около 15.000 надо о нести на заокеанскую эмиграцию, уже нами учтенную, остальные 35.000 человек осели, вероятно, в азиатских государствах; кроме того, по европейской границе выехало в Палестину около 15.000 евреев, в Турцию—значительное количество крымских татар, а всего в Азию—до 60.000. Сопоставление переписных данных важнейших, кроме Англии, стран, где оседали русские подданные, дает следующую картину (в тысячах человек):

	Германия	Австрия	Франция	Швейцария	Итого
1900 или 1901 г.	47	21	16	3	87
1910 или 1911 г.	138	41	35	8	222
	+ 91	+20	+19	+5	+135

Из получающегося прироста более половины в Германии и около одной четверти в Австрии и во Франции надо отнести на увеличение кратко-

Государств. ... историч...

рительные. Как по С. Ш., так и по Канаде никаких данных об обратном движении и об „обмене“ переселенцами за эти годы нет. Приходится использовать по С. Ш. и Канаде данные цензов [1]), по Аргентине использовать имеющуюся статистику въезда и выезда, применить к Бразилии аргентинские нормы обратного движения иммигрантов, учесть данные о прохождении эмигрантов через немецкие порты в отношении Южной Африки, и использовать данные английских цензов указанным выше способом. Тогда мы получаем нижеследующую таблицу.

I. Осело в перечисленных странах

1. Соед. Штаты	444.000
2. Канада	23.000
3. Аргентина	10.000
4. Бразилия	9.000
5. Англия	50.000

II. Прошло в перечисленные страны

6. Южная Африка	6.000
7. Австралия	300
	542.300

Итог оседания в главнейших странах, согласно вышеприведенной таблице, составляет 542.000 человек, между тем как цифра чистого отлива по русским данным равняется 724 тысячам, т.-е. последняя цифра на 182.000 б о л ь ш е первой. Часть этого крупного расхождения поддается объяснению и устранению. Так, например, русские цифры должны быть преувеличенными, примерно, на 40.000, в связи с разницей отчетных периодов: отчетный год в России начинается 1 января, а цензы в С. Ш. и в Канаде производились 1 июня. Мы также имеем недоучет на другой стороне балансового листа за счет второстепенных заокеанских стран, пограничных азиатских государств и стран Европы, кроме Англии, общей суммой около 90.000 [2]). У нас остаются, однако, „не-

---

с р о ч н о пребывающих за границей. Размер оседания в этих странах русских эмигрантов и долгосрочно отсутствующих за взятые 10 лет, можно принять в размере 75.000 человек. Складывая вместе недоучет по второстепенным заокеанским странам (10.000), оседание в азиатских странах (60.000), оседание в четырех взятых европейских государствах (75.000), получаем 145.000. Эту цифру можно увеличить до 175.000, чтобы принять во внимание все прочие неучтенные случаи и разницу в календарных сроках русских и американских (она п р е у м е н ь ш а е т американские данные).

[1]) Мы принимаем норму смертности для иммигрантов за 90-е годы в 2,0% и исчисляем количество русских поляков в С. Ш. за 1890 год по норме 1900 года (40,3% от общего количества). Здесь же, кстати, отмечаем, что и для русских иммигрантов в Англии (см. ниже) принимаем норму смертности 2,0%.

[2]) Берем 10.000 человек за счет второстепенных заокеанских стран, 30.000 кладем на оседание в азиатских государствах, включая Палестину 35.000 относим на счет Германии, Австрии, Франции и Швейцарии и 15.000 насчет всех прочих неучтенных стран и государств.

размещенными“ около 50 тысяч человек, да, кроме того, надо и в данном случае принимать во внимание нелегальный переход границы, который приходится считать в размере около 45 тысяч, если исчислять его по нормам 1901—1910 г.

Итого, около 100.000 человек остаются „неразмещенными“. Источники этого расхождения лежат либо в преувеличении цифр отлива за 1890 год по русским данным (что могло бы быть, например, результатом менее тщательной регистрации возвращающихся обратно русских подданных), либо в преуменьшении цифры оседания русских иммигрантов в С. Ш. и Канаде (в результате, например, недоразумений с вопросом о месте рождения русских поляков и евреев при производстве переписей или прямого нежелания части отмечать Россию, как свою родину). В дальнейших расчетах мы вынуждены заносить эти 100.000 в рубрику „неизвестных“ и класть русские данные в основу суммарного итога.

Несмотря на явные дефекты в полученном балансе за 90 годы, сведем в единую таблицу выведенные нами цифры за два десятилетия.

Число осевших эмигрантов (и долгосрочно отсутствующих русских подданных) в тысячах и в процентах к вероятному чистому отливу русских подданных через российские границы.

		1891—1900		1901—1910		Итого за 20 л.	
1. Соед. Штаты		444	57,7	1.300	78,5	1.744	71,9
2. Канада		23	3,0	74	4,5	97	4,0
3. Аргентина		10	1,3	58	3,5	68	2,8
4. Бразилия		9	1,2	12	0,7	21	0,9
5. Южная Африка		6	0,8	4	0,3	10	0,4
6. Австралия		0,3		3	0,2	3	0,1
7. Англия	Приблизит. оценка	50	6,5	30	1,8	80	3,3
8. Второст. заок. страны		10	1,3	10	0,6	20	0,8
9. Важнейшие страны Европы, кроме Англии		35	4,5	75	4,5	110	4,6
10. Азиатские государства		30	3,9	60	3,6	90	3,7
11. Особо не учтенные, неизвестные		112	14,6	30	1,8	182	7,5
12. Разница в календар. сроках		40	5.2				
Итого		769	100	1.656	100	2.425	100

Вышеприведенная таблица показывает, что за два взятых нами десятилетия около 80% российской эмиграции оседало на американском континенте и притом почти целиком в странах умеренного климата. Подавляющее большинство эмигрантов направлялось в Соединенные

Штаты, за которыми в значительном отдалении следовали Канада и Аргентина. Доля последней возрасла в первом десятилетии XX века. На европейские и азиатские государства приходится сравнительно небольшая доля оседающих за границей российских подданных, при чем эта доля от одного десятилетия к другому остается почти неизменной, а в отношении Англии резко сокращается, в результате мер, принятых в 1905 году против иммиграции еврейской бедноты.

Растущая роль Соединенных Штатов, как притягательного пункта российской эмиграции, может быть особенно ярко выявлена нижеследующей таблицей, где сопоставляются данные о чистом отливе русских поданных за границу, начиная от 60 годов, с данными об оседании русских подданных в Соединенных Штатах.

	Чистый отлив из России	Оседание в С. Штатах	В процентах к чистому отливу
1861—1870 г.г....	195,3	4,5 [1]	2,3
1871—1880 г.г....	366,8	46,8 [2]	12,8
1881—1890 г.г....	412,2	196,9 [2]	47,8
1891—1900 г.г....	724,7	444,0 [2]	61,2
1901—1910 г.г....	1.559,1	1.300,0 [3]	83,4
1911—1915 г.г....	1.014,9	730.0 [3]	71,9
Итого....	4.273,0	2.722,2	63,7

Мы в данной таблице берем данные об отливе из России без всяких поправок на нелегальный переход границы, так как такие поправки за старые годы были бы весьма гадательны. Таблица с полной очевидностью демонстрирует постоянно возрастающее значение С. Штатов, как места притяжения русских эмигрантов. За 1911—1915 годы мы по внешности имеем понижение доли С. Штатов; фактически в это пятилетие их доля составляла более 90%, если откинуть от цифры чистого отлива те 200—300 тысяч русских граждан, которые в 1914 г. отправились на временные заработки в Германию и Австрию и были там задержаны войной. В общем итоге считая от 1861 г. С. Штаты поглотили, вероятно, почти две трети русской эмиграции, учитывая и нелегальную. Весь американский континент поглотил, вероятно, почти три четверти общего количества, или около трех миллионов человек [4].

---

[1]) По данным о въезде иммигрантов.

[2]) По данным цензов народонаселения.

[3]) По данным о въезде, обратном выезде и взаимном „обмене".

[4]) Остающийся в излишке миллион с небольшим человек не так то легко поддается распределению. Несколько более полумиллиона могут быть „размещены": 1) Англия за все время с 1861 г. поглотила около 120—125 тысяч; 2) Прочие важнейшие европейские государства за 1891—1910 г.г.— около 110.000, а считая за предшествующие 30 лет около 50.000—всего

3. Деление эмиграционного потока из Российской империи по национальным группам. Удельный вес и характеристика этих групп.

В виду отсутствия данных о местах выхода эмигрантов, деление их по национальным группам представляет основное звено, позволяющее перейти к истолкованию социально-экономических причин эмиграции. К сожалению, как уже отмечено, общегосударственная российская статистика не знала и такого подразделения. Приходится поэтому опираться преимущественно на иммиграционную статистику С. Ш. и Канады, где соответствующая классификация появилась лишь с 1899 и 1900 г.г. Данные об обратном движении иммигрантов стали собираться в С. Ш. еще десятилетием позже, цензы С. Ш. до 1910 г. по родному языку не разбивались. Поэтому нам также приходится говорить не об оседании иммигрантов, а только об их прибытии в Америку, что не корреспондирует с российскими данными о „чистом отливе" русских подданных.

По Соединенным Штатам мы за 15 лет, предшествующих началу войны, имеем такую картину распределения прибывших из России и допущенных в С. Ш. иммигрантов (в тысячах и в %% к итогу):

160.000; 3) все второстепенные в отношении притока русских подданных европейские государства—40.000 чел. за все время; 4) азиатские пограничные государства до 250.000 за все время, в том числе за один 1864 г., после завоевания русскими Кавказа, перешло азиатскую границу и не вернулось 120.000 (большей частью кавказских горцев). Итого более полумиллиона с небольшим человек. Остальные полмиллиона остаются нераспределенными. Мы видели выше, что баланс за 1890 г.г. сведению не поддается, и до 100.000 остаются „неизвестными". За предшествующие десятилетия неизвестная доля еще крупнее, и особенно велика она в 1870 г.г., когда отлив уже составил 367 тысяч человек, а заокеанская эмиграция только начиналась. Возможно, также, что здесь имеются дефекты в регистрации возвращающихся из за границы (особенно с краткосрочными свидетельствами, введенными с 1875 г.); возможно, что здесь отражаются последствия русско-турецкой войны 1877 г. и возвращение в балканские страны выселившихся в прежние годы из Турции жителей, а также уход в Турцию мусульманского населения из России. Только специальные исторические исследования могут осветить этот вопрос. Весьма вероятно, что значительная доля этого нераспределенного остатка падает на отлив в Азию, но не обязательно по азиатской границе.

	1899—1903	1904—1908	1909—1913	За 15 лет.
Всего допущено.	481 (100)	961 (100)	919 (100)	2.361(100)
В том числе:				
Евреев	185 (38)	482 (50)	297 (32)	964 (41)
Поляков	133 (28)	237 (25)	305 (33)	675 (29)
Литовцев и латышей. . .	50 (10)	82 (8)	90 (10)	222 (9)
Финнов.	61 (13)	61 (6)	52 (6)	174 (7)
Немцев.	35 (7)	48 (5)	55 (6)	138 (6)
Русских	9 (2)	45 (5)	111 (12)	165 (7)
Всех остальных.	8 (2)	6 (1)	9 (1)	23 (1)

41% от итога прибывших составляют евреи, за ними следуют поляки (29%), а остальные 30% распределяются между литовцами, финнами, немцами и русскими—в небольших сравнительно долях.

Что касается русских, то динамика их прибытия обнаруживает весьма интересную картину — наибольшего прироста, абсолютного и относительного, от пятилетия к пятилетию. В довоенной русской литературе долгое время господствовал тот взгляд, что российская эмиграция рекрутировалась из национальных меньшинств или, по терминологии старого режима, из „инородцев". „Коренное русское" население, согласно этому взгляду, за границу не уходило, оно мигрировало в пределах империи, и потому самый вопрос об эмиграции с точки зрения интересов „господствующей народности" важности не представлял [1]).

Такой взгляд, как мы видим, оказался неправильным. „Коренное население" только запоздало вступлением на путь эмиграции, и начало участвовать в ней большими партиями лишь после первой революции, начиная с 1907 г. В течение восьми лет до этого года в С. Ш. прибыло всего 21.000 русских; за последующие семь лет приехало 144.000 человек, и годовая средняя увеличилась в 9½ раз.

Российская иммиграция нередко идентифицировалась в С. Ш. с еврейской иммиграцией. Между тем в последнее пятилетие перед войной доля евреев значительно сократилась (миновали самые тяжелые для евреев, омраченные погромами годы—1903—1906 г.г.). Поляки, литовцы и латыши, немцы составляли более устойчивую и численно

---

[1]) Таков например, взгляд цитированного выше С. Я. Яновского: „В то время, как на восток—в Сибирь—двигается коренное русское население, на запад—за-границу—уходят инородцы. Laisser faire, laisser passer—есть максимум справедливости, которого можно было ожидать от правительства в этом вопросе" (l. c., p. 91). Аналогично выражается и проф. Воблый: „Наше переселенческое движение направлялась и направляется главным образом с запада на восток и отчасти на юг. Поэтому, можно сказать, что для русской народности не существовало и не существует эмиграционного вопроса. Для России же, как государства, эмиграционный вопрос, существует, и желательно было бы скорейшее его разрешение". (К. Г. Воблый, „Заатлантическая эмиграция, ее причины и следствия", Варшава, 1904 г. стр. 163).

растущую часть российской иммиграции. Финская иммиграция, не возрастая в числе, обнаруживала также гораздо большую устойчивость и регулярность; ее колебания носили чисто циклический характер.

Иное распределение по национальным группам находим мы в канадско-российской иммиграции:

	1900—1903	1904—1908	1909—1913	За 14 лет
Всего прибыло	24 (100)	50 (100)	114 (100)	188 (100)
В том числе:				
Евреев *)	8 (33)	25 (51)	27 (24)	60 (32)
Поляков *)	0,6 (3)	2 (4)	12 (11)	15 (8)
Финнов	5 (19)	5 (11)	11 (9)	21 (11)
Русских.	11 (46)	17 (34)	64 (56)	92 (49)

*) За 1900—1904 г.г., когда „русские“ евреи и поляки не выделялись из общей суммы, приняты коэффициенты 82,7 и 46,6%.

Группа „русских“ здесь, может быть, немного преувеличена за счет литовцев, немцев и т. п. Но главная масса „русских“ — это все же, несомненно, великоруссы, белоруссы и украинцы. Они занимают виднейшее место в иммиграции из России в Канаду, и евреи оттесняют их только в том же роковом пятилетии 1904—1908 г.г., вообще говоря, находясь на втором месте. Иммиграция поляков растет, начиная от малых абсолютных чисел. Вырастает в последнем пятилетии и некрупная, вообще, финская иммиграция [1]).

Относительно русских и здесь можно отметить, что до 1907 г. их прибыло около 18 тысяч, а за 1907—13 г.г.— 74.000. Годовая средняя с 1907 г. увеличилась в 4 раза.

Если мы просуммируем американские итоги (за 15 лет) и канадские итоги (за 14 лет), мы получаем следующий результат:

Всего прибыло из России и Финляндии.		В том числе:						
		Евреев	Поляков	Русск.	Литовц.	Финнов	Немцев	Проч.
Тыс. чел.	2.539	1.024	690	257	222	195	138	23
В %%	100	40	27	10	9	8	5	1

Намечающееся здесь национальное расчленение иммиграции в Сев. Америку из бывшей империи, вероятно, не так уж резко отличается от национального расчленения группы действительно осевших иммигрантов. За 1908—1913 г.г. мы составили (весьма грубый) баланс [2]) действительного оседания по национальным группам. Сопоставим его с прибытием за тот же срок.

---

[1]) Этот небольший прирост как раз компенсирует небольшой упадок прибытия финнов в Соединенные Штаты.

[2]) В нем отброшены „прочие“ национальности, прибытие via Англия в С. Ш. и оборот между С. Ш. и Канадой.

Прибыло (допущено) за 6 лет	Евреев	Поляк.	Русск.	Литовц.	Финнов	Немцев	Итого
в тысячах . .	442	355	165	81	69	90	1.201
Тоже в ‰. .	37	29	14	7	6	7	100
Осело за 6 лет.	412	263	97	62	48	87	969
Тоже в ‰. .	42	27	10	6	5	9	100

Среди „осевших" доля евреев и немцев оказывается несколько повышенной по сравнению с положением их в группе „прибывших": это оттого, что русские евреи и немцы в меньшей доле возвращались обратно. Противоположным образом обстоит дело с остальными народностями, причем особое сокращение терпит группа русских, в которой обратное движение значительно. В общем, однако, изменения не так уж значительны, и вышеприведенная суммарная характеристика с небольшими поправками остается в силе. С 1899 или 1900 года и до начала войны из общего числа русских подданных, осевших в С. Ш., 45—46% приходилось на евреев, 25—26% на поляков, приблизительно по 8% — на русских[1]) и литовцев, около 7% на финнов и около 6% на немцев.

Как обстояло дело в предшествующие годы, точно сказать никто не может. Можно намечать только те или иные предположения относительно племенного расчленения всей той людской массы, которая притекла в С. Штаты или на весь американский континент [2]). Что касается отлива из Рос-

---

[1]) Мы понижаем долю русских с 10 только до 8%, потому что обратный отлив их в нашем балансе оказывается несколько преувеличенным, так как в группу пассажиров „неэмигрантов", выехавших из С. Ш. в Россию, американская статистика неправильно включила ряд канадско-русских эмигрантов, возвращающихся домой через С. Ш. и не являющихся эмигрантами только с точки зрения С. Ш.

[2]) Вот такой предположительный расчет. Примем все оседание иммигрантов из России после 1860 г. в 3.067 тыс. человек (2.722 тыс.—Соед. Штаты, 185 тысяч—Канада, 160 тысяч—Южная Америка). Примем также во внимание, что в Южную Америку финнов ехало ничтожное количество, что евреев туда ехало меньше, чем в С. Ш. (можно принять 30% — приблизительно по канадской норме), русских же туда, по отрывочным известиям, отправлялось довольно много—и в абсолютных, и в относительных числах, но все же меньше, чем в Канаду. Тогда можно наметить такие предположительные „квоты" для каждой народности: евреи — 30%, поляки — 30%, русские—20%, литовцы—10%, немцы—8%, прочие—2%. Применяя эти квоты к южно-американской, а отмеченные в тексте квоты к северо-американской иммиграции, мы получим такое распределение всего оседания на американском континенте (в тысячах и ‰).

Евреи	Поляки	Русские	Литовцы	Финны	Немцы	Прочие	Итого
1.356	775	265	249	203	187	32	3.067
44	25	9	8	7	6	1	100

Др. Руппин в книге „Евреи нашего времени" (русское издание, 1918, стр. 70) оценивает число евреев, иммигрировавших в Сев. и Юж. Америку за 1881—1907 г.г. в 1.300.000 человек. Эта цифра, вероятно, несколько преувеличена, но тем не менее она близко сходится с нашим рассчетом.

сии в другие страны мира, то здесь всякие исчисления были бы чистейшими гаданиями.

Целесообразнее поэтому обратиться к характеристике отдельных национальных групп, представленных среди иммигрантов из прежней России в С. Ш. Эта характеристика в общих чертах приложима ко всей заокеанской эмиграции из России.

Сводная характеристика отдельных национальных групп, представленных в российской эммиграции по данным статистики Соед. Штатов

(В $^0/_0$).

	Евреи	Поляки	Русск.	Литовц.	Финны	Период, к которому относятся данные
Доля лиц полурабочего и зрелого возраста (до 14 и старше 44 л.) . .	30,4	11,7	9,7	9,7	11,7	1899—1910 г.г.
Процент женщин	43,4	30,5	15,0	29,4	33,9	» »
Знающих ремесло или специальность.	67,1	6,3	9,1	6,7	6,0	» »
С.-х. рабочих, крестьян, неквалифиц. рабочих, прислуги	25,0	93,2	88,1	92,7	93,3	» »
Торговцев.	5,3	0,1	0,9	0,1	0,1	» »
Неграмотных, старше 14 лет.	26,0	35,4	38,4	48,9	1,3	» »
Доля возвратившихся обратно:						
а) с учетом движения пассажиров не-эмигр. . .	11,1	29,7	42,4	27,2	38,1	1908—1913 г.г.
б) одни эмигранты . . .	8,3	21,9	29,2	20,6	18,9	» »
Доля иммигрантов, ранее бывавших в Соед. Штатах.	2,1	6,9	4,1	3,5	11,3	1899—1910г.г.
Оказалось денег на одного прибывшего (в долларах)	12,8	11,9	19,2	11,1	19,1	» »

Примечание. Все данные, кроме $^0/_0$ возвратившихся обратно, относятся к евреям, полякам и т. д. без разделения на прибывавших из России, Германии, Австрии. В таком виде они публикуются в Immigration Reports.

Таблица ясно показывает, что евреи в наибольшей степени представляли собой доподлинных иммигрантов, переселявшихся за океан на постоянное жительство. Они больше всех везут с собой детей и лиц, уже переступивших зрелый возраст; доля женщин близка к половине; процент обратного отлива по самому оптимистическому подсчету не превышает одиннадцати; „перелетных птиц", уже бывавших ранее в С.Ш., среди них не более $2^0/_0$.

В этом отношении все остальные национальности резко от них отличаются. Детей и пожилых людей в их среде—$10—12^0/_0$ (среди всех иммигрантов в С.Ш. их было—$17,1^0/_0$, а среди населения С.Ш. по переписи 1910 г.—$51,2^0/_0$). Доля

женщин колеблется около 30% (что соответствует общей иммигрантской норме), у русских же опускается до 15%. Надо, однако, отметить, что среди поляков, литовцев и финнов прислуга по профессии составляет 17—25%, тогда как среди русских—4%. Иными словами, в первом случае среди женщин, очевидно, преобладают едущие на заработки девушки—одиночки, а не замужние женщины. Нормы обратного отлива весьма значительны, причем только для русских надо считать сильно преувеличенным показатель, выведенный „с учетом движения пассажиров не-эмигрантов“ [1]). Для финнов норма в 38,1% подтверждается финской статистикой. Среди финнов выше всех и процент ранее бывавших в С. Ш. (11,7%); правда, для всех иммигрантов в С.Ш. он еще больше—12,4%. Это означает, что только среди финнов временная иммиграция получила многократный—или точнее—неоднократный характер. Среди остальных временные иммигранты предпочитают однократную поездку, но таких временных иммигрантов все же имеется 25—30 и более процентов, больше всего—среди русских.

Социально-экономическая характеристика еврейской иммиграции опять-таки совершенно своеобразна. Мы имеем здесь дело по преимуществу с ремесленниками и мелкими торговцами польских, галицийских и западно-русских городов и местечек (таких—почти три четверти), а также с некоторым количеством неквалифицированных рабочих и прислуги. Сельско-хозяйственных рабочих и крестьян собственно только 2,1%. Эти эмигранты очень бедны, и средняя сумма привозимых ими денег (12,8 долл.), почти вдвое ниже общей нормы (21,6 д.).

Все остальные представляют собою по преимуществу деревенскую массу, или уже побывавших в городах—неквалифицированных рабочих. Обученных ремесленников и рабочих среди них только 6—6,7%, за исключением русских, где процент поднимается до 9,1, что объясняется меньшим отделением ремесла от земледелия в русской деревне [2]). Денег, за исключением русских и финнов, эта масса имеет с собою не больше, чем бедняки-евреи. По культурному уровню, характеризуемому грамотностью, эта масса, однако, различна. Финны дают образцово низкую, близкую к нулю, норму неграмотных. Литовцы, весьма затрудненные в обучении на родном языке при старом режиме, имеют почти

---

[1]) См. выше замечание о включении возвращающихся канадских эмигрантов в группу „не-эмигрантов“. В действительности обратный отлив русских, вероятно, даже ниже финской нормы—38,1%.

[2]) Частью может быть, и тем, что в группу русских попала некоторая часть евреев. На это указывает несколько повышенная доля торговцев среди русских, а также наличие среди них большого количества портных—ремесла, особенно распространенного среди евреев.

половину неграмотных. Поляки, бывшие в лучшем положении, оказываются впереди русских, как и вообще польский крестьянин был впереди русского. Евреи, несмотря на весьма неблагоприятные условия, имеют лишь около четверти неграмотных[1]).

Относительно средней суммы денег, приходящийся на иммигранта, интересно отметить еще следующее. У русских норма оказывается выше, чем у других. Однако, в этом отношении наблюдается резкий перелом, начиная с 1907 г. (т.-е. как раз с того года, когда русская национальность начала принимать большое участие в эмиграции).

На одно лицо, об'явившее при в'езде деньги, приходилось в долларах:

1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910
38,0	27,3	33,3	42,6	53,1	36,6	16,8	15,6	16,8	27,4

Из этой таблицы можно сделать два вывода: 1) норма у русских повышена вследствие того, что перед революцией 1905 г. эмигрировало немало зажиточных людей; 2) с 1907 г. стало эмигрировать не только больше русских, но и более бедных.

Прежде чем перейти к характеристике условий, порождавших каждую из охарактеризованных выше струй эмиграции, отметим в заключение, что относительно русских немцев мы по американским данным можем установить лишь одно характерное обстоятельство: крайне низкий процент возвращающихся обратно (3.3% без пассажиров не-эмигрантов). Это—как и евреи—не „временный" тип иммигрантов. По зажиточности и культурному уровню немцев, вероятно, стояли весьма высоко, по занятиям являлись почти исключительно земледельцами.

---

[1]) Надо при этом отметить, как это было констатировано И. А. Гурвичем (Immigration and Labor, New York, 1912, p. p. 70—71), что культурный уровень эмигрантов был определенно выше среднего уровня населения на родине. Перепись 1897 г. отметила 62,6% неграмотных среди взрослых (старше 20 лет) мужчин и 89,7% среди женщин—в отношении русской национальности и 32,6% (мужчины) и 66,2% (женщины) среди еврейской национальности. „Старый Свет" отдавал „Новому" в данном случае лучшую долю своих сынов.

4. Характер и причины финской эмиграции.

Финляндия представляет собой страну, где сельское хозяйство, включая и лесное дело, является доминирующей отраслью народного хозяйства. Население Финляндии и доля в нем городских жителей выражаются в следующих цифрах:

	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
Население (в тысячах).....	2.060	2.380	2.713	3.115
% городского населения.....	8,4	9,9	12,5	14,7

Доля городского населения от десятилетия к десятилетию возрастает, но и в 1910 г. сельское население все еще составляло 85,3% от всей суммы обитателей страны.

При таких условиях естественно, что финская эмиграция носит по преимуществу земледельческий характер, как это уже обнаружилось из данных американской статистики. Их можно теперь подтвердить данными финской статистики, которые имеются уже с 1893 г. и которые мы даем в разбивке на более короткие периоды.

Распределение эмигрантов по месту прежнего постоянного пребывания

	ГОДЫ				
	1893—98	1899—1903	1904—08	1909—13	За 21 г.
Города (тыс. чел.)..	2,2	10,2	8,4	11,0	31,8
в %.....	8,8	13,6	12,4	14,0	12,9
Селения (тыс. чел.).	22,9	64,9	59 6	67,3	214,7
в %.....	91,2	86.4	87,6	86,0	87,1
Итого (тыс. чел.) ...	15,1	75,1	68,0	78,3	246,5

За весь взятый период сельская эмиграция доминирует и доля ее приблизительно соответствует доле сельского населения в стране. В то же время кривая ее относительного значения, хотя и с колебаниями, но несколько опускается вниз.

С этим интересно сопоставить распределение финских эмигрантов по занятиям (в %):

	Годы				
	1893—98	1899—1903	1904—08	1909—13	За 21 г.
Лиц, связанных с сел. хозяйством	78,3	71,3	69,2	64,8	69,4
Прислуги	7,7	6,2	6,5	6,0	6,3
Рабочих и лиц, не имеющих определ. занятий	5,5	10,6	12,0	14,8	11,7
Ремесленников	3,7	5,2	4,5	5,3	4,9
Фабричных мастеров и рабочих	0,4	1,3	1,3	1,8	1,4
Всех прочих и неизвестных	5,4	5,4	6,5	7,3	6,3

Интересно, что хотя лица, связанные с сельским хозяйством, до конца остаются доминирующими, но доля их все время понижается. Наоборот, доля ремесленников и обученных рабочих, хотя и колеблется, но не убывает. Большую часть прислуги следует, конечно, присчитать к представителям сельского хозяйства. Сюда же относится и часть „рабочих и лиц, не имеющих определенных занятий". Последняя группа обнаруживает определенный рост, причем ясно, что прирост городской эмиграции в 1899—1903 г.г. (см. предшествующую таблицу) произошел также за счет этой группы. Повидимому с начала двадцатого столетия из Финляндии усилилась эмиграция: 1) сельских поденщиков и 2) неквалифицированных и безработных рабочих, прежде занятых в промышленности; последнему способствовал кризис начала XX века, миновавший, как известно С. Штаты, но проявившийся весьма остро в Европе, и в Финляндии отразившийся на лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Обратим теперь внимание на группу лиц, связанных с сельским хозяйством, и дадим более подробное ее расчленение. Так как все ее составные части (в процентах к общему итогу эмигрантов) убывают довольно равномерно, приведем данные за все имеющиеся годы (1893—1913 г.) сразу.

	Крестьяне всех категорий и арендаторы, кроме торпарей и бобылей	Сыновья и дочери крестьян	Торпари[1])	Сыновья и дочери торпарей	Бобыли и нахлебники[2])	Прочие занимающиеся земледелием	Итого
Тыс.	13,2	60,0	6,8	24,2	66,3	0,5	171,1
%	5,4	24,3	2,8	9,8	26,9	0,2	69,4

[1]) Торпарями (шведское слово torpare) называются арендаторы, снимающие не целое имение, а отдельный участок, входящий в имение, с необходимыми строениями. В Соед. Штатах им более всего соответствуют „кропперы" северо-каролинского типа (не „кропперы" на хлопковых плантациях юга).

[2]) Бобылями или нахлебниками (по-шведски backstugusittare, по немецки—Häusler) называются сел.-хоз. или промышленные наемные рабочие, снимающие участок земли только для постройки жилища; около жилища может оказаться и огород или ничтожных размеров посев.

Здесь характерно, что дети крестьян и дети торпарей составляют 49% всех сел.-хоз. эмигрантов: это говорит о том, что сельское хозяйство не в состоянии поглотить подрастающее поколение и объясняет преобладание в эмиграции более молодых рабочих возрастов. Но к этому присоединяется еще 39% „бобылей", т.-е. безземельных наемных рабочих (не считая лиц этой же категории, скрытых в других группах) и дает явное указание на то, что экономическая структура земледелия способствует выталкиванию из него работников.

Что же это за структура? Она характеризуется: 1) значительным раздроблением участков в среде крестьян-собственников, 2) нахождением значительной части земли в руках крупного крестьянства (но не крупных помещиков: их в Финляндии можно найти только на юго-западе), 3) наличием значительной, хотя и убывающей постепенно массы „частичных" арендаторов (торпарей) и оседлых наемных рабочих, доставляющих вспомогательную рабочую силу крупным крестьянам, 4) распространенностью наемного труда в деревне вообще.

Возьмем данные, относящиеся приблизительно к середине рассматриваемого периода, а именно к 1901 г.

Распределение хозяйств и занятой ими площади между группами хозяйств по площади—обработанной земли [1]).

	Менее 0,5 гектара	0,5—3 гектара	3—10 гектаров	10—25 гектаров	25—100 гектаров	Свыше 100 гектаров	Итого
Число хоз. (тыс.)..	39	67	79	57	27	2	280
В %%.....	14,4	24,9	29,0	20,9	10,1	0,7	100,0
Площадь земли у них (тыс. г.)....	6	90	459	876	1.107	316	2.845
В %%.....	0,2	3,2	15,8	30,8	38,9	11,1	100,0

25 гектаров приблизительно равны 62 американским акрам. Средний размер обработанной площади (improved land) американской фермы в молочно-хозяйственном штате Висконсине (по направлению хозяйства аналогичном Финляндии) в 1900 г. равнялся 66,2 акра. И вот мы видим, что 10,8% финских хозяйств обладает площадью свыше 62 акров и что площадь этих хозяйств охватывает ровно 50% всей обработанной земли в Финляндии. В то же время 106 тысяч или почти 40% хозяйств располагают каждое площадью обработанной земли менее, чем 3 гектара, и в их руках находится лишь 3,4% всей

[1]) Только обработанная земля (поля и луга) принимается всюду в расчет потому, что доля лесов и неудобной земли на территории Финляндии около 91%, а потому включение этой части территории, не имеющей земледельческого значения, искусственно увеличивает размеры имений.

обработанной земли. Между этой группой парцелляристов и группой крупного крестьянства находится 29% мелких раздробленных участков (3—10 гектаров) и 21% средних (10—25 гектаров).

Кто же составляет группу парцелляристов? 101 тысяча из них или 95%—это мелкие арендаторы, остальные—парцелльные крестьяне. Из этой группы и вербуются те „бобыли", и „торпари", и „сыновья и дочери торпарей", которые покинули Финляндию в числе 97 тыс. человек за 21 год. Но эмигрировавшие крестьяне и их дети вышли по преимуществу не из этой группы, а из следующей—владельцев мелких раздробленных участков от 3 до 10 гектаров [1]), а частью и из низших слоев „средней" группы.

Если взять финскую деревню не в разрезе величины участка, находящегося в распоряжении отдельных хозяйств, а в разрезе социального типа хозяйств, мы получаем, что в 1901 г. имелось 106 тысяч (36,3%) землевладельцев, 7 тысяч „полных" арендаторов (2,4%), 97 тысяч или 33,3% „частичных" арендаторов, 64 тысячи или 22% безземельных поденщиков и 17 тысяч или 6% годовых наемных рабочих. Принимая во внимание, что часть „землевладельцев" относится на долю парцелльных и мелких крестьян, вынужденных работать на стороне у соседей, мы должны сказать, что имеем перед собой картину весьма значительной социальной дифференциации, сильного обезземеления и раздробления участков [2]).

На этой-то почве и развилась массовая эмиграция. В расчете на 10.000 населения она составила ежегодно в 1893—1898 г.г.—17 человек, в 1899—1903 г.г. поднялась до 55 чел., спустилась в следующем пятилетии до 47 человек, чтобы в последнем пятилетии перед войной опять подняться до 50 человек. В отдельных губерниях (Вазасская, 1899—1903) коэффициент подымался до 176 на 10.000, т.-е. в год из губернии выезжало почти 2% населения. По напряженности эмиграции Финляндия (берем данные 1904—1908 г.г.) отставала лишь от Швеции, Италии и Австрии, опережая Англию, Францию и Германию.

Силами, непосредственно приведшими в движение эмиграционный поток надо признать: 1) неурожаи 1865—1870 г.г. подорвавшие ряд крестьянских и торпарских участков; 2) введение с 1870—1880 г.г. сел.-хоз. машин и сокращение по-

---

[1]) Отсюда же вышла и значительная доля эмигрировавших торпарей и их детей: в этой группе арендаторы составляют 43½ тыс. или 55%. В следующей „средней" группе арендаторов уже только 13 тыс. (22%), а в группе от 25 до 100 гектаров—3 тыс. (11%).

[2]) Приводим эти данные по Статистическому Ежегоднику Финляндии за 1910 г. откуда взяты и предшествующие. Те и другие несколько расходятся между собой в итогах, объяснения чему в источнике не дано.

требности в рабочих руках; 3) усиленное развитие маслоделия с 90 годов и вытеснение продовольственных культур травосеянием, побудившие землевладельцев к сокращению аренды; 4) увеличение ценности лесов и сокращение потребности в сдаче земли в аренду под расчистку и т. д. [1]).

ИНТЕНСИВНОСТЬ ЭМИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ ГУБЕРНИЯХ ФИНЛЯНДИИ (1909–13, ЧИСЛО ЭМИГРАНТОВ НА 10.000 ЖИТЕЛЕЙ)

При всех этих условиях „бобыли“, торпарские и мелкокрестьянские сыновья и дочери предпочитали отправляться за океан, чтобы там попробовать стать на ноги, либо чтобы за-

[1]) Ср. замечания г. Кюэсти Хаатая о причинах уменьшения числа торпов („Арендные условия в Финляндии в 1912 г.“ 1. Гельсингфорс, 1916, стр. 56—59), а также выписки из донесений председателей арендных управ по тому же вопросу (стр. 231 и сл.).

работать достаточно денег и затем поправить свои дела на родине. Разница в заработной плате была огромна: сельскохозяйственный рабочий мог рассчитывать на заработок втрое—вчетверо выше, применяя свой труд в американском земледелии [1]) и на еще более выгодную разницу при поступлении на американскую фабрику. Отсюда—высокий контингент „перелетных птиц" в среде финских эмигрантов.

И отсюда же—оседание другой части эмигрантов за океаном. Насчет того, какие именно социальные группы образовывали кадры „перелетных птиц" и какие поставляли эмигрантов постоянных, финская статистика дает весьма интересные данные. Дело в том, что с 1901 г. в Финляндии возвращающиеся из эмиграции также классифицируются по их занятиям. Эта классификация весьма неполна, и в нее попадает лишь 31% всех обратных пассажиров [2]). В связи с тем, если мы за 1901—1913 г.г. выведем процент возвратившихся, опираясь на статистику занятий эмигрантов и „иммигрантов", мы получим 12,7%, а если возьмем более полные данные пароходных обществ о выехавших и возвратившихся, этот процент составит уже 40,9. Однако, несмотря на неполноту данных, они, повидимому, близки к истине, поскольку речь идет об относительных числах, о процентных отношениях.

Воспользуемся же этими данными и сопоставим отъезд и возвращение по отдельным категориям занятий. При этом мы увеличиваем каждый из процентных показателей во столько раз (3,2197 раза), во сколько истинный процент возвратившихся (40,9%) превосходит процент возвратившихся (12,7%), даваемый статистикой занятий. Тогда мы получим следующую картину за 1901—1913 г.г.

Возвращаются обратно приблизительно полностью:	%%
1. Рабочие и лица, не имеющие определенных занятий—возвращение	101
2. Крестьяне-собственники	93

Возвращаются в более обширных размерах:	%
1. Торпари—возвращение	68
2. Сыновья и дочери крестьян	41
3. Бобыли и нахлебники	30
4. Домовладельцы	29

---

[1]) В Финляндии в 1908 г. поденная плата на хозяйских харчах летом была в большинстве случаев от 1.5 до 2.5 марок. В Соединенных Штатах в 1909 г. в среднем 1,4 доллара (7,25 финских марок). В Финляндии годовая плата батрака на хозяйских харчах—от 250 до 400 марок (1908 г.), а в Соединенных Штатах батрак за 9 месяцев мог заработать (по 18 долларов в месяц) 162 доллара (839 марок).

[2]) Расклассифицированных по занятиям обратных пассажиров (или, как выражаются в Финляндии, „иммигрантов") было учтено за 1901—1913 г.г. 25.272 человека. По данным же пароходных обществ „иммигрантов" было за этот срок 82.127 человек. Относительно эмигрантов такого расхождения нет: местная статистика дает за 1901—1913 г.г. цифру 198.985 чел. расклассифицированных по занятиям, а статистика пароходных обществ зарегистрировала 200.577 человек, т.-е. лишь на 0,8% больше.

Возвращаются в минимальных или небольших размерах:

	%
1. Прислуга—возвращение	5
2. Сыновья и дочери торпарей	15
3. Арендаторы и крестьяне, не являющиеся полными собственниками	13
4. Чиновники, высшие и низшие	12 и 13
5. Ремесленники	17
6. Фабричные мастера и рабочие	20
7. Купцы и торговые приказчики	20
8. Шкипера и матросы	21

Эта таблица обладает большим внутренним правдоподобием. „Перелетными птицами" оказываются, с одной стороны, неквалифицированные рабочие, устремляющиеся заграницу, чтобы „подзаработать" в сезонном порядке и затем вернуться обратно; ими оказываются, далее, более бедные и малоземельные крестьяне, которые хотят поправить свои дела на родине временной работой за океаном, а затем вернуться на свой участок.

Более двух третей торпарей также выезжают для того, чтобы вернуться обратно и, может быть, попытаться стать самостоятельными хозяевами. Но почти треть из них уже вовсе бросает родину. Дети крестьян тоже обнаруживают довольно значительную связь с родной землей, но более половины этого молодого поколения уже не возвращается обратно. Из бобылей только 30% имеют наклонность возвратиться. Домовладельцы, раз поднявшись с места, по большей части остаются за границей; но некоторых—вероятно более мелких—тянет обратно неликвидированное недвижимое имущество.

Прислуга, которая представляет собой по преимуществу женскую неимущую молодежь [1]), почти полностью оседает за границей. В подавляющем большинстве остается за границей и молодое поколение торпарской безземельной группы. Крестьяне, не сдерживаемые узами собственности, и арендаторы, привыкшие к перемене обрабатываемого участка, склонны к постоянной эмиграции. Равным образом не возвращаются обратно, раз снявшись с места, государственные и общественные служащие (сюда включено и духовенство): они находят себе постоянную работу в возникающих за границей финских колониях. Ремесленники и промышленный пролетариат, раз попав в ряды эмигрантов, естественным образом в 80 и 83% случаев уходит с родины навсегда. Столь же социально-подвижными группами оказываются матросы, купцы и торговые служащие.

Вся эта картина в общем суммируется таким образом, что к возвращению имеют наклонность: 1) лица, привязанные

---

[1]) Из 12.156 человек прислуги, эмигрировавшей за 1901—1913 г г. 78% (9.451 человек) приходилось на женщин.

к родине узами мелкой собственности, которую они надеются укрепить или приобрести; 2) люди без собственности и без квалификации, которые не могут пустить корни и за океаном. Кадры постоянных эмигрантов образуются из 1) таких деревенских выходцев, которые не имеют шансов стать мелкими земельными собственниками у себя на родине (молодежь, и притом преимущественно безземельная молодежь, а также бобыли), 2) из ремесленных и промышленных полупролетариев и пролетариев и 3) из наиболее социально-подвижных представителей остальных групп населения, в том числе и верхних его слоев.

---

5. Характер и причины польской и литовской эмиграции.

Польская, еврейская, а отчасти и литовская эмиграция в пределах 10 губерний бывшего „Царства Польского" подвергалась обследованиям Варшавского статистического комитета, начавшего свои работы около 1890 года [1]). Данные этого комитета сильно преуменьшены, как показывает сопоставление с американскими материалами, и особенно преуменьшена эмиграция евреев. Но совокупность работ комитета доставляет ценные указания по вопросам об очагах эмиграции в пределах быв. русской Польши, о социальном составе эмигрантов, о доле эмигрантов временных и особенно о причинах эмиграции сельского населения.

Варшавский комитет учитывал всю сумму эмигрантов (не включая лиц, выехавших за границу на временные заработки) в 90.344 человек за 1891—1900 г.г. Из них 70.419 или 77,9% составляют сельские жители. Между тем, в С. Штатах осело в течение 90-х годов 444 тысячи иммигрантов из России. Финская статистика выезда и возвращения обратно эмигрантов показывает, что не более 40 тыс. финнов осело в С. Штатах за 90-е г.г. Отделяя даже весьма крупную сумму на эмиграцию евреев, поляков, литовцев и русских из губерний, не входивших в состав Польши, мы все же должны считать, что цифры Варшавского комитета преуменьшены в два или три раза. Особенно преуменьшено число эмигрантов-евреев, которых комитет насчитывает за 90-е годы лишь около 17 тысяч, между тем, как несколько сот тысяч евреев в эти годы выехало в С. Ш. и в Англию [2]). Доля сельских жителей в вышеприведенных цифрах поэтому определенно преувеличена и польская эмиграция, несмотря на

---

[1]) Эмиграции посвящены специальные обзоры в выпусках V, XXII и XXXIX трудов этого Комитета. Истолкованию причин эмиграции способствует ряд других выпусков, как-то: VIII, IX, XIV, XV, XVII, XIX, XXV, XXX, XXXIV.

[2]) При этом доля Польши в еврейской эмиграции, как будет показано ниже, была около 27%.

преобладание в стране земледелия, была не на 78% сельской эмиграцией, а в гораздо меньшей доле.

Прежде чем обратиться к рассмотрению данных собственно об эмиграции, дадим несколько общих справок о прежней русской Польше. По переписи 1897 г., население ее исчислялось в 9.402 тыс. человек, из них в городах—2.159 тысяч, или 23%. Доля городского населения была значительно выше, чем в Финляндии и Европейской России (12,5 и 12,9%), но с западно-европейской или американской точки зрения еще весьма низка. Страна по преимуществу являлась земледельческой, хотя промышленность и сделала в 80-х и 90-х годах быстрые успехи (горная и металлургическая промышленность, машиностроение и в особенности текстильная промышленность), так что польский промышленный район вслед за московским районом и наравне с петербургским районом стоял в смысле индустриального развития в первых рядах. Плотность населения (84 жителя на квадратную версту в 1897 г.) была гораздо выше не только средней плотности по всей Европейской России (22 чел. на квадратную версту), но и в Московском и Петербургском районах, что объяснялось также большей интенсивностью земледелия, но отчасти и значительным аграрным перенаселением.

Обратимся теперь к материалам об эмиграции. Поскольку еврейской эмиграции ниже посвящена особая глава, мы будем ныне рассматривать только не-еврейскую эмиграцию из Царства Польского.

В первую очередь, как и раньше, займемся вопросом о занятиях и социальном положении эмигрантов. Здесь мы наталкиваемся на то затруднение, что в соответствующих таблицах Варшавского статистического комитета, евреи и не-евреи объединены вместе. Однако, при помощи некоторых манипуляций возможно получить вполне надежную таблицу, в которой евреи оказываются выделенными [1]). Она следующим образом характеризует социальный состав город-

---

[1]) Вкратце они состоят в следующем. Берем сперва группу сельских эмигрантов и выделяем среди них крестьян с землей и без земли, а также землед. рабочих. В Польше эти категории евреев не включают. Остальные сельские эмигранты состоят из 1) „ремесленников и фабричных рабочих", 2) „лиц других занятий". Складываем вместе эти две группы и вычитаем из нее цифру сельских евреев, которая имеется в таблице „вероисповедного состава эмигрантов". После этого берем городских эмигрантов. Они делятся на 1) „рабочих", 2) „ремесленников", 3) „лиц прочих занятий". Евреи здесь заключены преимущественно в двух последних группах, ибо отношение числа рабочих к числу ремесленников в еврейской среде равнялось 1:9. Добавив для полной надежности к этим двум группам $1^1/_2$ тысячи рабочих, вычитаем из общей суммы цифру городских эмигрантов евреев, которую берем из той же „вероисповедной" таблицы. В результате этих операций мы получаем точно выделенные группы не-еврейских земледельцев и почти точно—не-еврейских городских рабочих. Остальные группы смешиваются вместе, что и составляет единственный серьезный недостаток расчета.

ской и сельской эмиграции, взятой в совокупности, за промежуток времени с 1893 г. и кончая 1903 годом [1]):

	Крестьяне с землей	Крестьяне *) без земли	Земледел. рабочие	Городские рабочие	„Остальные" в городе и деревне **)	Итого
В тысячах	18	31	10	9	6	74
%%.....	24	42	14	12	8	100

*) Имеются в виду такие лица, которые ни сами не имеют земли, ни родители их.

**) По условиям расчета здесь находится, вероятно, некоторое число фабричных рабочих, проживавших в деревне.

Эта таблица дает, вероятно, близкую к истине картину социального расчленения не-еврейской эмиграции из Польши [2]). Она, в общем, похожа на состав финской эмиграции, только доля безземельных больше.

80% этой эмиграции дают люди, связанные с земледелием и 56%—люди, связанные с земледелием, но лишенные земли. 66% составляют крестьяне, минимум 26%—рабочие и на остальных приходится всего максимум 8 процентов.

Из этого видно, что в основе не-еврейской эмиграции из Польши лежит некий „аграрный вопрос". В чем же он состоит?

Здесь надо прежде всего отметить, что освобождение крепостных крестьян в Польше (1807 г.) совершилось б е з н а д е л е н и я и х з е м л е ю, хотя бы и за выкуп (и притом тяжелый выкуп), как это было сделано в России. В последующее время проводились различные частичные реформы, в том числе и реформа 1864 г., имевшая целью привлечь симпатии крестьян на сторону царского правительства после подавления второй польской революции: за постоянными арендаторами была закреплена их земля, безземельным крестьянам и батракам она была дана вновь.

---

[1]) По городам данных за 1903 г. нет, и мы заменяем их данными за 1904 г., который отсутствует для деревень. За 1905—1907 г.г. Комитет не собирал статистики эмиграции. Он собрал и опубликовал их еще раз за 1908 г., а затем прекратил эту работу совсем. За 1908 г. классификация занятий изменена, поэтому она несравнима с предыдущими годами.

[2]) Мы говорим „не-евреи", а не просто „поляки", потому что среди эмигрантов-селян был 1% лиц православного исповедания (т.-е. русских) и 7% протестантов, т.-е. либо немцев, либо—частью литовцев, большинство которых, впрочем, придерживалось католической религии. В городах православных было 1½% и протестантов 2%. Остальные—католики и евреи. Нужно также отметить, что почти все эмигранты католического исповедания Владиславского, Волковышского, Кальварийского, Мариампольского и Сейнского уездов Сувалкской губернии являются л и т о в ц а м и (как доказывает всероссийская перепись 1897 г.). Это означает, что не менее 21.000 эмигрантов за 1890—1904 г.г. должны были быть литовцами (см. ниже).

Крестьян, не имевших постоянного права аренды, и батраков (с их семействами) в 1864 г. было 1.339 тыс. чел., или 40% от всего тогдашнего деревенского населения. По обследованию Варшавского Статистического Комитета, в 1891 г. общая сумма всего безземельного населения была 849 тысяч или только 12,5% к возросшему сельскому населению. Произведенное в 1901 году новое обследование обнаружило уже 1.432 тысячи безземельных сельских жителей, или 15,4% от их общего числа [1]).

Обследование 1891 г. дает интересное расчленение безземельных жителей. 14% из них земледелием вовсе не занимались [2]). Среди остальных почти половина (43½%) приходилась на постоянных семейных рабочих у помещиков (т. н. „фольварочные" рабочие, получающие маленький участок земли с постройками для удовлетворения своих нужд, который обрабатывают в свободное время), далее следуют поденщики (37,4%), работавшие как на помещиков, так и на зажиточных крестьян. Кроме, того имелось еще три мелких категории безземельных, в том числе только 1,9% арендаторов.

Это были преимущественно мелкие арендаторы (средний размер арендуемого участка—5½ гектаров), не предпринимательского, а мелко-крестьянского типа. Их было очень мало, т. к., несмотря на массу безземельных и на сильное малоземелье у крестьян, крестьянской аренды в Польше почти нет. „Помещики, если сами не ведут хозяйства в своих имениях, то всегда предпочитают сдавать свои земли целиком крупным арендаторам. Сдаются же крестьянам только какие-нибудь небольшие участки земли, отдельно лежащие и расположенные далеко от фольварочных строений, или отрезки, оставшиеся при размежевании полей" [3]).

Уже из предшествующего ясно, что Польша в отличие от Финляндии в значительной мере является страной помещичьего (и притом дворянского и довольно крупного) землевладения.

Вот каково было распределение земли по категориям землевладения в 1887 г. (по данным Центр. Стат. Комитета)

---

[1]) См. XXXV вып. трудов Комитета, статью проф. Есипова, стр. 43. Здесь к жителям селений присоединены также и жители т. н. „посадов". Кстати сказать, мы сильно сомневаемся в полноте также и этих обследований Варшавского Комитета, в особенности обследования 1891 г. Сильный прирост безземельных за 1891—1901 г. г. (на 44%), вероятно, объясняется особой неполнотой первого обследования.

[2]) Среди них было 6,3% ремесленников, 2,9% фабричных рабочих, 0,5% торговцев и 4,4% лиц других профессий.

[3]) XIV вып. трудов Комитета, статья Закржевского, стр. 34. Обследование 1906 г. (вып. XXX трудов, стр. 54) показало, что в аренду сдавалось всего 7,9% помещичьей земли, в том числе крестьянам лишь 1,2% (около 40.000 гектаров).

и в 1907 г. (по данным Варшавского Статистического Комитета):

	Крестьянская земля	Частные имения: Всего	в том числе дворянские	Земли шляхты (мелкое дворянство)	Все проч. земли (казенн., городские, церковные и прочие).	Итого
			1 8 8 7			
В тыс. гектаров. .	5.512	5.006	4.236	541	1.054	12.113
В %%	45,5	41,3	35,0	4,5	8,7	100
			1 9 0 7 г.			
В тыс. гектаров. .	5.610	4.685	—	755	1.260	12.300
В %%	45,6	38,1	—	6,1	10,2	100

Крестьянам, следовательно, принадлежало менее половины всей земли, частным владельцам—около 40% [1]), а дворянству—более трети. Средний размер дворянского имения был в 1887 г. 581 гектар, или 1436 американских акров—весьма крупная ферма даже с американской точки зрения, особенно если учесть, что земледелие велось интенсивно, с многопольным севооборотом. Наоборот, средний размер крестьянского надельного участка—$7^3/_4$ гектара, или около 12 американских акров.

Имеется весьма грубая и мало удачная разбивка крестьянских участков по их величине за два срока—около 1870 г. и в 1899 г. Вот что она показывает:

	Участков, площадью менее 1,6 гект.	Участков, площадью от 1,6 до 8,2 гект.	Участков, свыше 8,2 гект.	Итого
		1 8 7 0 г.		
Тыс. участков. . .	129	241	223	593
%%	21,8	40,6	37,6	100
		1 8 9 9 г.		
Тыс. участков. . .	107	319	291	717
%%	15,0	44,5	40,5	100

В дополнение к 15% безземельных сельских жителей имелось еще 15% крестьян, имевших участки, размером менее 1,6 гектара и вынужденных, конечно, постоянно наниматься на работу в крупных имениях и у зажиточных крестьян. Число таких участков за 29 лет сократилось на 22 тысячи „вследствие скупки таковых владельцами более крупных

---

[1]) К частным имениям в 1907 г. мы прибавили т. н. „майоратные имения“ по данным 1901 г., дабы сделать цифры сравнимыми с 1887 годом. Отметим, что прирост земель шляхты, вероятно, объясняется тем, что обследование 1887 г. часть шляхетских участков прибавило к частным имениям.

земельных участков“ [1]). Число участков от 1,6 гект. до 8,2 гектаров, наоборот, возросло: но это означало рост числа парцелляристов или крестьян с ничтожным земельным наделом. В общем, как видим, 60% крестьян в 1899 г. имело участки ниже среднего размера, каковым в 1887 г. была площадь в $7^3/_4$ гектара [2]).

При такой социальной структуре земледелия, при почти полном отсутствии аренды земли крестьянам, при весьма низкой заработной плате в сельском хозяйстве [3]), при неспособности промышленности, несмотря на быстрый ее рост, поглотить все „избыточное“ население (отчасти и потому, что масса евреев была искусственно сосредоточена в польских городах), заработки на стороне или эмиграция были неизбежны для польского батрака и мелкого крестьянина.

На эти заработки он и начал выходить в огромном масштабе, направляясь преимущественно за границу потому, как правильно указывает проф. Симоненко, что немецкий рынок труда был ближе южно-российского, сообщение было удобнее и дешевле, американский рынок же сулил очень высокий заработок. Эмиграция шла по пятам за временным уходом и им часто подготовлялась. В 1890 г., когда впервые Варшавский Комитет собрал данные о временной эмиграции, и притом только в Германию, туда отправилось немного более 17 тысяч человек. В 1903 и 1904 г. г. за границу на временные заработки ушло по 150 тысяч людей, а в 1908 г.— 260 тысяч.

Лишь за два года—1904 и 1908—можно сделать сопоставление временной и постоянной эмиграции в Америку. Оно дает такие результаты:

	Всего отправилось в Америку	В том числе в эмиграцию	В том числе на временные заработки	Процент временных
1904 г.	25.496	15.043	10.453	41,0
1908 г.	43.216	30.817	12.399	28,7

Несмотря на преуменьшенность абсолютных чисел, они подкрепляют данные американской статистики, говорящие

---

[1]) Выпуск XVII трудов Комитета, статья Базоня, стр. XIV.

[2]) В 1899 г. 29,9% крестьян не имело лошадей и 10,6% не имело коров (выпуск XVIII трудов Комитета, стр. 51). Процент безлошадных можно считать довольно точным показателем доли парцеллярных крестьян в общей их сумме.

[3]) Она была ниже, чем в Европейской России; в 90-х г. г., как отмечает проф. Симоненко (вып. IX трудов Комитета, стр. 2) больше, чем вдвое, составляя 36 коп. на своих харчах, а за 1901—10 г. г. на 15—23%, составляя от 51 до 67 коп. в разные моменты с.-х. сезона (по данным Министерства Земледелия).

о высоком проценте поляков, возвращающихся обратно [1]). Польский мелкий крестьянин, подобно финскому, а в меньшем масштабе и безземельный сельский бедняк, продолжал тяготеть к своему участку—существующему или ожидаемому—и в большой доле стремился обратно на родину.

В заключение обзора польской эмиграции интересно отметить главные очаги эмиграции в пределах Польши. Ими являлись три губернии—Сувалкская, Плоцкая и Ломжинская. Здесь за пятнадцать лет (1890—1904) в расчете на 10.000 жителей эмиграция составляла 58, 42 и 27 человек ежегодно. По всем десяти губерниям Польши в среднем их было 17 человек [2]), и другие губернии далеко отставали от вышеперечисленных, только Калишская и Варшавская еще имели более значительные коэффициенты—12 и 6 человек в год.

Три главных очага эмиграции были губерниями, расположенными непосредственно по германской границе (равно, как Калишская и Варшавская). Плоцкая губерния при этом имела наивысший в Польше % безземельных (25,9%) будучи исключительно земледельческой губернией; процент крестьянских надельных земель в общей площади землевладения здесь был наименьший (30%). Ломжинская губерния при „нормальном" проценте безземельных стояла на втором месте по незначительности крестьянской площади земель (33,9); это тоже исключительно земледельческая губерния. Наконец, в Сувалкской губернии (опять-таки вполне земледельческой) довольно высок процент безземельных (21,3%), самая низкая в Польше заработная плата с.-х. рабочим и весьма неравномерное распределение земли среди крестьян: большая часть площади сконцентрирована в руках крупного крестьянства (сходного с финским типа).

Аграрные условия в Варшавской и особенно Калишской губернии также были далеко не блестящи. Но Варшавская губерния была крупным промышленным районом, а в Калишской губернии население огромными массами ухо-

---

[1]) Отметим здесь еще интересные данные о том, на какую работу шли в Америку польские „перелетные птицы":

	На сельско-хоз. работу	На промышленную работу	На жел. дор. и др.
	В процентах:		
1903 г.	38	59	3
1904 г.	49	48	3

(Выпуск XXII трудов Комитета, статья Воблого, стр. 21).

[2]) Коэффициент этот преуменьшен по крайней мере вдвое или втрое, и в действительности польская эмиграция по напряженности была, вероятно, не ниже финляндской. Выведенные коэффициенты могут иметь значение только для сравнений между губерниями.

дило на временные заработки: почти половина польских рабочих за 1900—1904 г.г. вышло за границу из этой губернии, а в 1908 г. Калишская губерния поставила $108^1/_2$ тысячи человек из общего количества 260 тысяч временных польских эмигрантов.

ИНТЕНСИВНОСТЬ ЭМИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В 10 ГУБЕРНИЯХ БЫВШЕГО ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО (1890-1904, ЧИСЛО ЭМИГРАНТОВ НА 10.000 ЖИТЕЛЕЙ)

* * *

Выше затронут вопрос об эмиграции из Сувалкской губернии, откуда вышло 32% всех эмигрантов вообще зарегистрированных варшавским комитетом вплоть до 1905 года [1]).

[1]) 50.421 человек из числа 153.362. Возможно, между прочим, что в Сувалкской губернии данные варшавского комитета были несколько полнее, так как в этой губернии зародилась эмиграция и над ней уже давно было поставлено наблюдение.

Если разобраться детально в данных переписи 1897 г. о национальном составе населения по уездам этой губернии и сопоставить их с данными о вероисповедании эмигрантов по материалам варшавского комитета, можно притти к довольно точному расчету, что из этой губернии эмигрировало за 1890—1904 г.г. около 41% литовцев, или 21.000 человек, из общего числа эмигрантов этой губернии—50½ тысяч.

Тем самым устанавливается главный источник литовской эмиграции из бывшей Российской Империи [1]). Другими источниками были, повидимому, губернии Ковенская и Виленская, не входившие в царство Польское [2]). Здесь крестьянам принадлежало лишь около половины всей земли, а помещикам (менее крупным, чем в Польше)—более 40%; среди крестьян, как и в Сувалкской губернии наблюдалась концентрация участков. Более или менее сходные условия вызывали и сходные результаты.

Здесь следует отметить еще нижеследующее. Под общим наименованием „литовцев" (Lithuanian) американская статистика регистрировала также и латышей, образовавших значительные кадры сильно обезземеленного населения в бывший Курляндской губернии и в южной половине Лифляндской (ныне Латвия). Упомянутая вскользь выше картограмма, приложенная к отчету американского комиссара по эмиграции за 1902 г., отмечает несколько групп „литовских" (фактически—латышских) переселенцев на территории этих губерний.

По этому поводу надо отметить, что латышская эмиграция вообще составляла, вероятно, весьма ничтожную долю „литовско-латышской" группы. Об этом ясно говорит высокий процент неграмотных среди литовских иммигрантов в Соединенных Штатах: их было 48,9% среди иммигрантов старше 14 лет. Между тем, латыши отличались высоким процентом грамотных: таковых среди них в Курляндской губ. в 1897 г. было 76%, а в Лифляндской—79%. В то же время подсчет числа грамотных среди литовцев обнаруживает, что таковых в Сувалкской губернии было 44%, в Ковенской 43%, а в Виленской — только 24%. Совершенно, очевидно, что именно литовцы составляют подавляющую массу „литовско-латвийской" группы иммигрантов в С. Ш.

---

[1]) За 1904 г. в С. Ш. прибыло 12.707 литовских иммигрантов из России. В том же году из Сувалкской губернии выехало в Америку около 2.000 постоянных эмигрантов-литовцев и около 1.000 временных. Уже эти сильно преуменьшенные данные о выезде составляют почти 25% приезда. Фактически из Сувалкской губернии выехало, вероятно, не менее половины прибывших в С. Ш. литовцев.

[2]) По переписи 1897 г. в Ковенской губ. было 575 тыс. литовцев, в Виленской губ. — 280.000. В Сувалкской губернии их было 304½ тысячи (а поляков всего 134 тысячи).

6. Характер и причины еврейской эмиграции.

До сих пор мы рассматривали эмиграционное движение национальностей, которые составляли большинство или преобладающую массу на определенном географическом пространстве и в то же время были объектом статистического наблюдения на соответствующей территории. Это давало возможность сличать статистику стран прибытия и отправления, а также более или менее точно локализовывать места выхода эмигрантов. С еврейской эмиграцией мы попадаем в весьма затруднительное положение. Процент еврейского населения ни в одной из губерний бывшей российской империи не достигал и 20%; наивысшим он был в Варшавской губернии—18,2% по переписи 1897 года. При такой рассеянности евреев даже в пределах т. н. „черты оседлости", т.-е. 25 польских, литовских, белорусских и украинских губерний (см. ниже карту), где им разрешалось постоянное жительство, не было произведено никаких статистических исследований, которые касались бы специально эмиграции евреев. И только в десяти польских губерниях велась общая статистика эмиграции—весьма неполная, как отмечено выше. Вот почему крайне трудно дать общую статистико-географическую характеристику еврейской эмиграции; и в то же время имеются отличные материалы для установления причин этой эмиграции из России.

Но прежде всего сообщим необходимые общие справки. Численность евреев в российской империи составляла в 1897 г. 5.215.805 человек [1]).

---

[1]) Столько было подсчитано переписью лиц иудейского вероисповедания. Меньше выходит по признаку родного языка (еврейского)—5.063.156. Это число, несомненно, преуменьшено за счет евреев, усвоивших русский, польский и т. п. языки. Наоборот, если и встречались лица не-еврейской национальности, усвоившие еврейскую религию, таких было лишь самое ничтожное количество. К приведенной в тексте цифре надо еще добавить лиц других исповеданий, но с еврейским родным языком, и отдельно учтенных переписью караимов. Тогда общая цифра евреев составит 5.237. 172 чел. (см. статью И. М. Рубинова, — Reports of the Immigration Commission, vol. 4, Washington, 1911, p. 282). Последней цифрой, однако, не приходится пользоваться при более детальной разбивке материала.

Они размещались следующим образом на пространстве империи:

		В %%
В десяти губерниях Царства Польского	1.321.100	25,3
В пятнадцати губерниях—белорусских, украинских и литовских.	3.578.327	68,6
Итого в т. н. „черте оседлости“	4.899.427	93,9
В Европейской России, исключая „черту оседлости“ . .	211.121	4,1
На Кавказе, в Сибири, в Средней Азии	105.257	2,0
Общий итог . . .	5.215.805	100,0

И так, в „черте оседлости“ находилось 94% всех евреев, но в царстве Польском—только 25%. Главный массив еврейского населения располагался в других 15 губерниях „черты“.

Сколько из этих евреев проживало на территории, ныне входящей в Советский Союз, и сколько—на территории, ныне находящейся под властью других государств? Если бы размежевание между Советским Союзом и пограничными с ним государствами произошло на основе данных о преобладающей в каждой губернии национальности, то на долю нынешних советских республик—Украинской, Белорусской и Российской—пришлось бы более 60% прежнего еврейского населения Российской Империи. Но так как границы вновь выделившихся государств не находятся в соответствии с этнографическим принципом, оказывается, что на нынешний Советский Союз приходится только 45,4% всей массы евреев, учтенных переписью 1897 г., на выделившиеся государства — 50,2% этой массы и на Бессарабию—4,4% [1]).

Процент городских жителей в общей массе населения России в 1897 г. был 13,4%. Еврейское население было сосредоточено в городах на 50,5 процентов. Это, однако, не означало, что остальные 49½% жили в деревне. Большая часть их обитала в т. н. „местечках“ западной России и Польши, поселениях городского типа, не имевших ни формальных прав города, ни экономических черт современного города—развитой фабричной промышленности и крупной торговли. По самому преувеличенному подсчету, в деревне жило 15% всего еврейского населения черты оседлости, более реальный же расчет не может превышать 13½%—польской нормы по данным 1893 г. [2]).

---

[1]) В абсолютных числах: 2.366 тысяч (СССР), 2.621 тысяча (Польша, Литва, Латвия, Эстония; при этом в Польше почти столько же, сколько в СССР) и 229 тысяч (Бессарабия). Отмечаем кстати, что согласно переписи 17 дек. 1926 г. в СССР оказалось 2.672 тысячи лиц еврейской национальности, в том числе в европейской части Союза — 2.521 тыс., на Кавказе, в Сибири и Ср. Азии—151 тыс.

[2]) Сборник материалов об экономическом положении евреев в России, изданный Еврейским Колонизационным Обществом, СПБ., 1904, т. 1-й, стр. XXXVIII—XXXIX.

Будучи сосредоточено в городах и местечках более чем на 80%, еврейское население „черты оседлости" доминировало в этих городах и местечках, за исключением окраин „черты". В среднем евреи составляли здесь 40,9% всех жителей. Но в северо-западных губерниях России и в восточных губерниях Польши, которые образовывали центральную часть „черты оседлости", доля еврейского населения среди жителей городов и местечек составляла от 50 до 60%. По мере же удаления на запад (западная Польша), на восток и юг (вглубь Украины) эта доля сокращалась до 30—40%, а в последнем случае и до 10—20% [1]). В связи с этим в пределах „черты оседлости" замечалось „центробежное" передвижение евреев: они уходили из перенаселенного центра „черты оседлости" за границу и на окраины черты. Еврейское население этих окраин росло гораздо быстрее, чем население центральной части [2]).

По данным переписи 1897 г., сгруппированным д-ром А. Руппином („Евреи нашего времени", русское издание, 1918, стр. 42), еврейское и великорусское население следующим образом делилось по занятиям кормильцев:

	Сел. хозяйство.	Промышленность.	Торговля.	Обществ. должности и свобод. профессии.	Непостоянный наемный труд.	Без професс.	Неизвестно.
Великороссы.	71,6%	11,4%	5,4%	4,1%	4,6%	2,3%	0,7%
Евреи. . . .	3,8%	34,6%	43,2%	6,3%	6,3%	4,0%	1,5%

Из этого видно, насколько, в отличие от русских, евреи по своим занятиям сосредоточились на торговле и промышленности. Под „промышленностью" в девяти случаях из десяти надо понимать ремесло, а не фабрику или мануфактуру, при чем доминирующими профессиями были портняжное, сапожное и столярное ремесло [3]). Под „торговлей" в таком же,

---

[1]) Сборник материалов, т. 2, приложение 1, табл. 4-я. Это — данные специального обследования Еврейского Колонизационного Общества, произведенного в 1898 г.

[2]) Поэтому к 1918—1920 г.г., т.-е. ко времени перекройки западно-русских границ, процентные показатели распределения евреев между СССР и нынешними западными его соседями, по сравнению с 1897 г., вероятно, изменились: доли СССР и западной Польши, вероятно, выросли.

[3]) Корреспонденты Еврейского Колонизационного Общества, обследовавшие в 1898 г. экономическое положение евреев, насчитали (без семейств) 500.986 ремесленников в польской и русской части „черты оседлости", 33.936 фабричных рабочих-евреев в 12 не-польских губерниях и 12.380 таких рабочих в Польше. Польские данные сугубо неполны, но преуменьшены менее чем в два раза. Если принять число рабочих в 55 тысяч, это составит 10% от общей суммы лиц, занятых в „промышленности".

Те же корреспонденты насчитали 149 тысяч лиц с семьями, занятых в сельском хозяйстве. Из них было 51½ тыс. крестьян-хлебопашцев, 64½ тыс. занятых в специальных отраслях сельского хозяйства, 20 тысяч землевладельцев и арендаторов и 13 тысяч временно выходящих из местечек на полевые работы. Эти данные относятся только к черте оседлости; по всей империи перепись 1897 г. учла в сельском хозяйстве 171 тыс. чел., а вместе с лесным делом, рыболовством и охотой—198 тыс. человек.

вероятно, проценте надо понимать мелкую и мельчайшую торговлю и посредничество, когда подчас вся стоимость товара не превышала 3—5 рублей, и когда нередко жена и члены семьи ремесленника-паупера старались таким путем снискать себе какое-нибудь дополнительное пропитание [1]).

Подавляющее большинство еврейского населения „черты оседлости" в 1890 г. представляло собой пауперизованную массу мелкой городской буржуазии, полупролетариев и пролетариев. Весьма тонкой была прослойка более или менее крупных землевладельцев и сельско-хозяйственных арендаторов предпринимательского типа. Более значительным был слой крупной и средней торгово-промышленной буржуазии. В Польше именно крупнейшие текстильные фабрики принадлежали евреям (фабрики Шейблера, Познанского и др.). Но в общем средний размер еврейского предприятия в черте оседлости был значительно меньше, чем предприятия не еврейского. Фабрично-заводской пролетариат в еврейской среде 1890 г. сложился также еще в относительно скромных размерах, вследствие сильной конкуренции безземельных польских, белорусских и украинских крестьян. На стороне последних было при этом то преимущество, что евреи-рабочие отказывались работать по субботам, а старый режим признавал только христианский праздничный день; в то же время капиталисты-евреи считали рабочих своей собственной национальности более „беспокойным элементом" [2]).

Пауперизованное состояние огромной массы евреев в „черте оседлости" характеризуется всего ярче тем, что 19% из них, по данным Еврейского Колонизационного Общества, ежегодно прибегало к благотворительной помощи. Заработки еврейских ремесленников, по тем же данным, в наилучшем по оплате труда южном районе „черты" (куда, как мы отмечали, шел приток евреев) составляли 250—400 рублей в год (портные, шапочники, большая часть столяров); в этом районе заработок ремесленников редко спускался ниже 100 рублей. В других районах и средняя норма была ниже (от 150 и до 300 руб. для портных), и низший предел спускался до 75, 50 и даже 45 рублей в год [3]). Крайне низка была также и заработная плата еврейских фабричных рабочих.

Уже в 90-х гг. ремесленники не только подвергались усиленной эксплоатации ростовщиков, но и находились в зависимости от оптовых заказчиков (магазины готового платья, сапожного товара, столярных изделий и т. п.), а также от посредников-скупщиков, продававших их изделия на дальних рынках.

---

[1]) Сборник материалов, т. 1, стр. 223.
[2]) Обо всем этом см. в разных местах т. 2-го „Сборника материалов".
[3]) „Сборник материалов", т. 1-й, стр. 220—222 и т. 2-й, стр. 226.

Накануне революции 1905 г. эта зависимость начала переходить в полное экономическое подчинение, а ремесленники все более превращались в наемных рабочих. В Варшаве к 1904 г. все еврейские сапожники уже превратились в рабочих механического производства обуви, „положение в Белостоке уже тогда почти-что не отличалось от положения в Варшаве". С другой стороны, „положение обследованных портных немногим отличается от сапожников". Рабочий день ремесленников в это время в 70% случаев составлял от 16 до 18 часов, в 20% случаев от 18 до 20 часов и в 10% от 13 до $13^1/_2$ часов. [1]).

* * *

Изложенное ясно обрисовывает ту экономическую обстановку, одним из прямых последствий которой была еврейская эмиграция. Но эмиграция обусловливалась также и правовыми условиями, в которых находился еврейский народ и которые были повинны также и в угнетавших его экономическом застое и пауперизации.

„Единственным условием, дающим возможность рабочему не продавать свой труд, как труд чисто рабский, является в настоящее время право передвижения", справедливо замечает один из составителей многократно цитированного нами сборника [2]). Этого-то права евреи и были лишены вплоть до революции 1917 г. „Черта оседлости", границы которой отмечены выше, была окончательно оформлена еще „Положением об евреях" 1835 г. Представляя собой тогда естественный продукт крепостнического хозяйственного и правового порядка, она, однако, была сохранена и после реформы 60-х гг. и даже после революции 1905 г. Более того: ей был придан особо вредный характер тем, что с 1882 г. евреям и в пределах черты оседлости, кроме Польши, было запрещено 1) вновь селиться в сельских местностях и 2) владеть недвижимым имуществом или арендовать его вне городов и местечек. С 1893 г. ограничения в отношении недвижимых имуществ были введены и в Польше.

Именно в результате этих мероприятий масса еврейского населения оказалась запертой в черте городов и местечек западной России и Польши. Она была насильственно „урбанизирована", отрезана от земледелия и ввергнута в жестокую конкуренцию между собой и с не-еврейским городским мещанством черты оседлости, а также и с притекавшим в города обезземеленным крестьянством.

---

[1]) Данные обследования портных и сапожников в Варшаве и Белостоке, приводимые в статье Диманштейна „Революционное движение среди евреев", сборник „1905", из. 1927 г., III,1, с. 112—114.

[2]) Сборник материалов, т. 2-й, с 206.

Отсюда пауперизация еврейской массы. Отсюда же — экономический застой. При исключительной дешевизне еврейской рабочей силы переход от ремесленного производства к машинному, естественно, задерживался. Задерживалось и накопление тех капиталов, при помощи которых еврейская буржуазия смогла бы организовать этот переход [1]).

К ограничениям права передвижения присоединялась целая серия *других ограничений*, как-то неприем на государственную службу, ограничения при выборах в органы самоуправления, ограничения в занятии педагогической и юридической деятельностью, ограничение числа еврейских учащихся в школах десятипроцентной нормой и т. д. Еврей постоянно третировался государственными органами (напр., при отбывании воинской повинности), как низшее существо, как пария, заслуживающий презрения и издевательства.

Но самым ужасным бедствием, периодически обрушивавшимся на головы евреев и притом почти исключительно на еврейскую бедноту, были *погромы*. Все то бесправное и униженное положение, в котором находились евреи, вело к возможности погрома, порождая уверенность в безнаказанности погромщика. Если у погромов были экономические предпосылки, то таковыми была только та конкуренция с нееврейским городским мещанством (а отчасти и с сельскими торговцами не-евреями), которая неизбежно разыгрывалась в „черте". Но не это было реальной движущей причиной погромов. Ею были организованные усилия сторонников старого режима, стремившихся укрепить этот режим возбуждением национальной розни и обессилить революционные течения в еврейской среде. При этом в большинстве случаев местные власти либо проявляли „пассивность" перед лицом погрома, либо прямо поддерживали его [2]).

---

[1]) Еще правительственная комиссия по еврейскому вопросу, работавшая в 80-х гг., отмечала: „Евреи по преимуществу устраивают заведения, не требующие больших капитальных затрат, как напр., кожевенные, кирпичные, свечные, маслобойные, спичечные, смолокурни, мельницы и т. п. Еврейские фабрики устроены вообще несолидно, на скорую руку, как бы временно; это объясняется отчасти тем, что при шаткости юридических отношений, в которые поставлены евреи, они не решаются предпринимать что-либо прочное, долговременное". (Сборник материалов, т. 2, с. 214).

[2]) Характерным примером первого типа был Кишиневский погром 1903 г., во время которого убито и умерло от ран 43 и ранено 526 человек. Во время этого погрома губернатор с утра 7 апреля передал власть командующему войсками, но последний ничего не предпринимал, требуя письменного приказа об употреблении оружия; такой приказ был ему передан лишь в три часа дня, а передан войскам в шесть часов вечера. До этого момента было убито на глазах войск 26 человек, а через два часа после этого погром был прекращен (см. оффициальные документы, напечатанные в сборнике „Материалы для истории антиеврейских погромов в России", т. 1-й, Петроград, 1919, в частности с. 137, 143 и 210).

Примером второго рода был Седлецкий погром 1906 г., когда солдаты стреляли в евреев, при прямой поддержке их начальника, полковника Тиха-

Первая волна погромов относится к 1881 г. (с более слабыми отголосками в 1882—84 гг.). Она охватила Украину и Бессарабию, и вместе с „временными правилами“ 1882 г. послужила сильным толчком к началу массовой эмиграции евреев в С. Ш. и Англию.

Затем наступило затишье, более чем на пятнадцать лет. Оно было нарушено незначительным погромом в Николаеве (1900 г.) и антиеврейскими беспорядками в Ченстохове (Польша, 1902 г.).

Уже эти события, вероятно, содействовали новому нарастанию эмиграционного движения. Но его особенно поднял вверх кровавый Кишеневский погром (1903 г.). За ним в следующем году осенью последовал погром в Гомеле; это был первый погром в центральной части „черты“.

В октябре 1905 г., тотчас же после обнародования манифеста, обещавшего конституцию, прокатилась небывалая волна погромов, имевших явно-политический контр-революционный характер, хотя они и сопровождались массовыми разграблениями имущества. Таких погромов насчитано в течение 12 дней—690. В ходе их по умеренному подсчету убито 810, ранено 1.770 человек. Материально пострадало 201 тыс. человек, на сумму в 62,7 млн. рублей. Характерно, что на этот раз погромы были устроены и вне черты оседлости (в 24 местах, в том числе—один в Сибири, в Томске). И опять—в центре „черты“ погромов почти не было, а в Польше их не было вовсе.

В 1906 и 1907 г. г. погромы еще продолжались, хотя имели уже гораздо меньшее распространение. Зато в эти годы мы опять встречаем погромы в центре „черты оседлости“ (Гомель и Белосток) и в Польше (военный погром в Седлеце).

В последующие годы и до начала войны погромы прекращаются, и вместе с тем, как уже отмечалось в свое время, сокращается напряженность еврейской эмиграции [1]).

* * *

Причины и характер еврейской эмиграции, таким образом, выяснены. Мы оставили на конец наиболее трудный вопрос—статистико-географическую характеристику еврейской эмиграции.

Откуда, из каких районов черты оседлости выходили по преимуществу эмигранты евреи? Попробуем сперва наметить

новского, открыто заявлявшего, что „мало убитых“, и когда драгунские офицеры за две недели до погрома заявляли громогласно: „уж мы им устроим погромчик, пощады не будет“ (доклад ротмистра Петухова Варшавскому генерал-губернатору—в „Материалах по истории русской контр-революции“ т. 1, СПБ, 1908, с. 406, 408 и сл.).

[1]) Данные о погромах—из статьи „Погромы“ в „Еврейской Энциклопедии“ и „Справочной Книги“ журнала „Рассвет“, изд. 1910 г.

наиболее вероятную гипотезу на основании приведенных общих данных, а потом проверить ее имеющимся отрывочным фактическим материалом.

Всего проще было бы предположить, что распределение выхода соответствовало распределению еврейского населения.

ЗАПАДНАЯ РОССИЯ И ЧЕРТА ЕВРЕЙСКОЙ ОСЕДЛОСТИ

Разделяя губернии черты оседлости на районы, обычно употреблявшиеся оффициальной статистикой и частными исследователями, мы получаем такую картину распределения населения по данным переписи 1897 г. (ср. прилагаемую карту):

Царство Польское (10 губерний).	Северо-западный край (6 белорусско-литовских губ. [1]).	Юго-Западный край (5 губерний юго-западн. Украины) [2])	Южный край (4 губ. юга Украины и Бессарабия) [3]).	ИТОГО.
% % 27,0	29,0	29,1	14,9	100,0

[1]) Ковенская, Гродненская, Виленская, Минская, Витебская, Могилевская губ.

[2]) Волынская, Подольская, Киевская, Черниговская, Полтавская губ.

[3]) Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская губ.

Второй из взятых районов—„Северо-Западный Край“ вместе с восточными губерниями Польши составляет ту центральную часть черты оседлости, где нами отмечена особая скученность и пауперизация евреев. В этих губерниях сравнение данных переписи 1897 г. с обследованиями предшествующих годов обнаружило частью абсолютное сокращение еврейского населения, частью особо пониженный его прирост [1]). Население уходило отсюда частью в промышленные районы и на окраины „черты“, но оно особенно усиленно, повидимому, уходило и за-границу.

Надо поэтому предполагать, что в относительно спокойные периоды общественной жизни, когда экономические факторы эмиграции доминировали, выселение евреев из „Северо-Западного Края“ и из восточной Польши (а в сумме и из всей Польши) должно было составлять большую долю, чем доли их в общей массе населения „черты“, отмеченные в таблице. Польша поставляла, скажем, до 30% всех эмигрантов, Сев.-Зап. Край, скажем,— до 35%. Наоборот, из „Южного Края“, где за 1881—97 гг. обнаружился быстрый рост еврейского населения и где его экономическое положение было относительно лучше, в нормальные годы должно было выходить относительно меньше эмигрантов.

Но мы уже знаем, что такие политические события, как погромы, давали эмиграционной волне сильнейшие толчки. Погромы 1881—84 гг. сразу утроили русскую имиграцию в С. Ш.; события 1903—1907 г.г. удвоили ее. Между тем погромы 80-х гг. охватили только Юго-Западный и Южный Край, кишиневский погром 1903 г. отразился преимущественно на юге и главная масса погромов 1905—07 гг. опять-таки сосредоточилась на юго-западе и юге. Отсюда следует, что в годы, следующие за погромами, а также в напряженные годы, когда погромы считались возможными (так, напр., в начале 90-х годов) эмиграционная волна должна была особенно высоко подниматься на юго-западе и юге. А в общем итоге это должно было уравновешивать перевес Польши и Сев.-Зап. Края в другие годы и выравнивать „эмиграционную“ норму каждого района на его „демографическую“ норму.

Вот почему, мы полагаем, что долговременные средние „эмиграционных“ норм должны близко подходить к вышеприведенным процентным числам, показывающим распределе-

---

[1]) Убыль еврейского населения за 1890—97 гг. обнаружена в Ломжинской, Плоцкой, Сувалкской губерни и за 1881—97 гг. в Ковенской губернии. Прирост в $1^1/_2$—2 раза более слабый против среднего—в Виленской, Гродненской и Минской губернии. Кроме этих губерний, абсолютная убыль обнаружилась еще только в Подольской губ. (Юго-Зап. Край), в Калишской и Келецкой (Польща). В двух последних, однако, имел значение переход евреев в соседние промышленные губернии—Варшавскую и Петроковскую.

ние еврейского населения по районам. При этом доля каждого района в эмиграционном потоке, в зависимости от общей обстановки могла за более короткие сроки (5—10 лет) колебаться в таких, примерно, пределах:

Царство Польское	Северо-Запад. Край	Юго-Западный Край	Южный Край
30—20%	35—25%	35—25%	20—10%

Попробуем теперь сличить эти гипотетические предположения с отрывочным фактическим материалом. Он имеется только начиная с 90-х годов.

Сюда относятся, во-первых, данные Варшавского Статистического Комитета. Согласно этим данным, за пятнадцать лет, начиная с 1890 г., из Польши выехало 28.237 евреев [1]). Из них 18.196 человек или 64% выехало из пяти губерний, лежащих на правом, восточном, берегу Вислы. Иначе говоря, значительное большинство польских евреев выезжало, как выше предположено, из перенаселенного центра „черты". Обратимся, далее, к данным „Сборника материалов", нами уже цитированного. Характерно, что здесь мы не находим никаких упоминаний об эмиграции из Южного Края, находим пару сообщений об эмиграции из Юго-Западного Края (Подольская и Волынская г.) и целый ряд известий об эмиграции из Сев.-Зап. района. Между прочим, здесь отмечается, что в Белостокском районе Гродненской губернии „эмиграция в Америку считается обычным явлением" и что „года два тому назад (т.-е. в 1898 г.) во время последнего кризиса в Америку эмигрировало, судя по словам местных жителей, до $^1/_3$ белостокских ткачей" [2]). Отмечается также эмиграция ковенских ремесленников, происходившая уже в конце 80-х гг. (т. 1-й, с. 250) и все более усиливающаяся эмиграция ремесленников из Белоруссии (Минская, Могилевская, Витебская губернии, с. 288).

Характеристику положения дел в 1902 г. дает нам картограмма, приложенная к отчету американского „комиссара по эмиграции" за этот год. Картограмма выполнена довольно неясно, но из нее все же легко видеть, что в этом году 60% прибывших в С. Ш. евреев явилось из Польши—и притом из западного промышленного района — и 40% из остальных губерний черты, преимущественно северо-западных. Такое распределение объясняется специфическим сочетанием обстоятельств. В России, как и в Европе вообще, 1902 г. был годом тяжелого промышленного кризиса, который совершенно миновал С. Ш.; отсюда исход евреев из промышлен-

---

[1]) В отношении эмиграции из уездов — данные начинаются с 1893 г.

[2]) Т. 2-й, с. 189. Этих ткачей тогда насчитывалось свыше 3 тысяч (главным образом ручных ткачей).

ных центров. Надо еще заметить, что доля Польши, может быть несколько преувеличена еще тем, что не принята во внимание эмиграция в Аргентину, шедшая с юга „черты", эмиграция в Канаду и т. д. [1]),

Наконец, с середины 1900-х гг. мы получаем массовые материалы, хотя и косвенно, но все же могущие помочь в установлении очагов эмиграции. Еврейское Колонизационное Общество после революции 1905 года повсеместно распространило сеть своих агентур для борьбы с частными эмиграционными агентами.

К 1909 г. информационная работа общества охватывала уже до 90% эмигрирующих евреев. Количество лиц, обращавшихся за справками и помощью в общество, конечно, не соответствовало количеству выезжавших; оно также, конечно, находилось в зависимости от развития операций отдельных агентур, но все же при достаточно критическом обращении с этими данными, они вполне могут быть использованы, как показатель географического распределения эмиграции.

То же относится к материалам относительно нескольких тысяч эмигрантов, фактически отправленных в С.Ш. другой общественной организацией—Еврейским Эмиграционным Обществом. Вот что показывает нам порайонная разбивка того и другого материала [2]).

Число лиц, обратившихся в местные агентуры Еврейского Колонизационного Общества

	1906	1907	1908	1909	1910
ВСЕГО	12.128	21.238	15.477	33.380	47.088
Из этого числа приходится на в %%):					
Царство Польское	3,0	11,4	20,3	25,2	22,2
Северо-Западный Край	29,4	35,9	31,9	30,2	32,4
Юго-Западный Край	25,4	24,1	30,5	34,3	36,5
Южный Край	42,2	28,6	17,3	10,0	8,7
Места вне „черты оседлости"	—	—	—	0,3	0,2

[1]) Интересно отметить, что данные Варшавского Статистического Комитета в полном разногласии с этой картограммой относят 63,8% еврейской эмиграции 1902 г. на счет восточных губерний Польши. Однако, это, наверное, объясняется неполнотой регистрации эмигрантов-евреев. Всех эмигрантов-евреев в этом году Варшавский Комитет учел 1515 человек, тогда как по американской картограмме на Польшу падает около 23 тысяч.

[2]) См. отчеты Ц.К. Еврейского Колонизационного Общества за 1906—1913 г.г. (до 1910 г. они именуются отчетами Информационного Бюро для эмигрантов), брошюру Я. Лещинского „Гальвестонская эмиграция и эмиграционная политика" (Киев, 1912) и „Отчет о деятельности Еврейского Эмиграционного Общества„ за 1913 г.

	Число лиц, обратившихся в местные агентуры Еврейского Колонизационного Общества.			Еврейским Эмиграционным Обществом отправлено в С.Ш.	
	1911	1912	1913	1909—11	1913
ВСЕГО	44.051	49.572	70.768	2.894	2.526
Из этого числа приходится на в %%:					
Царство Польское	21,9	17,6	15,2	16,0	41,6
Северо-Западный Край	34,2	32,3	30,2	25,1	19,7
Юго-Западный Край	34,0	37,7	43,5	45,7	30,2
Южный Край	9,8	12,4	11,1	11,4	7,5
Места вне „черты оседлости“	1,0	—	—	1,8	1,0

Нет сомнения, что процент обратившихся в Еврейское Колонизационное Общество из Польши за первые годы не отражает реально польской доли эмиграции: в Польше деятельность общества просто была не развита. Наоборот, в Одессе Общество имело энергичное бюро и опытного заведующего, что особенно повысило цифры для Южного Края за 1906 и 1907 гг. Случайным является, очевидно, и рост в 1913 г. доли польских евреев, отправленных вторым из обществ.

Но если учесть и отделить в сторону все это, цифры обнаруживают внутреннюю логику. На первом месте и почти наравне стоят северо-западный и юго-западный районы; Польша, повидимому, им несколько уступает, а южный район стоит далеко позади, увеличивая свою долю лишь в погромные годы. В общем и целом распределение эмиграционного движения по районам черты оседлости соответствует размещению в них населения, и наша гипотеза, вероятно, является правильной.

7. Эмиграция русских. Немецкая эмиграция из России. Остальные народности.

Вопрос об эмиграции „коренного" населения России представляет не меньшие трудности, чем вопрос об эмиграции евреев, поскольку речь идет об определении общего о б ъ е м а эмиграционного движения, установлении районов выхода и распределения между ними эмигрировавших.

Интересно отметить, что и в С. Ш. вопрос о количестве русских, там находящихся, возбуждает разногласия и весьма неясен. Автор специальной работы „Русский иммигрант", проф. Джером Дэвис приводит для 1920 г. четыре различных оценки этого количества, варирующих от менее 300.000 до 700.000 человек [1]). Перепись 1920 г. зарегистрировала 392 т. человек, родившихся вне С. Ш. и считавших русский язык своим родным языком, и 732 тыс. человек русских по родному языку и родившихся как в Штатах, так и вне Штатов. Однако, в примечании к соответствующей таблице указывается, что сюда, вероятно, вошла „значительная пропорция евреев". Мы добавим от себя, что сюда вошла также немалая порция русинов. Мы целиком соглашаемся с автором наименьшей оценки И. А. Гурвичем и полагаем, что число всех русских в С. Ш. в 1920 г. составляло менее 300.000 человек [2]).

---

[1]) „The Russian Immigrant", by Jerome Davis, New-York, Mac Millan, 1922, page 10.

[2]) За это говорят следующие соображения. В 1910 г. число русских по языку, родившихся вне С.Ш., было 58 тысяч человек. К 1920 г. эта группа должна была сократиться до 48 тысяч, вследствие естественного процесса вымирания. Вычитая это число из приведенного в тексте количества русских, родившихся вне С. Ш., по данным переписи 1920 г., получаем прирост в 344.000 человек. За 1911—20 г.г. в С. Ш. прибыло 156 тыс. русских иммигрантов и выехало 78.000. Следовательно, в стране осело вновь лишь 78 тысяч человек. Если бы мы приняли в расчет движение пассажиров не-эмигрантов, то эту цифру нужно было бы еще больше сократить, так как среди не-эмигрантов русских выезд все время превышает въезд.

С другой стороны, за 1911—20 г.г. в С.Ш. въехало 113 тысяч иммигрантов-русин, а выехало 20.000. Следовательно, их осело 63.000. Между тем, перепись 1920 г. зарегистрировала всего 56 тысяч русин, родившихся

Статистика С. Ш. не делает различия между великороссами, украинцами и белорусами и именует их всех „русскими". Канадская статистика лишь в послевоенное время начала особо выделять украинцев (но не белоруссов). Вот почему невозможно по иностранным источникам дать расчленение „русских" эмигрантов на эти три народности. Есть основания предполагать (см. ниже), что до 1905 г. в русской эмиграции преобладали великороссы и белоруссы, а после этого момента стали преобладать украинцы и белоруссы, доля же великороссов (но не абсолютное число их) сократилось.

До 1905 г. значительную, может быть, преобладающую долю русских эмигрантов из России составляли приверженцы различных религиозных сект. Старый режим отвергал свободу совести, признавал православную религию господствующей и сурово преследовал тех подданных русской национальности, которые уклонялись от вероучения православной церкви и признаваемых ею обрядов. Уже в XVII—XVIII веке сектанты стали убегать от этих преследований на окраины страны, особенно в дикие лесные местности, затем началось движение за-границу, но лишь в конце XIX века появилась организованная эмиграция.

Известный исследователь русского сектанства В. Д. Бонч-Бруевич, составивший по нашей просьбе список известных ему случаев эмиграции русских сектантов, насчитал около 20.000 человек, покинувших Россию с конца 1890-х г.г.[1]). Сюда входит только заокеанская эмиграция в Америку и притом по весьма осторожному подсчету. Из них 18 тысяч выехало до 1905 года, при чем великороссов в их числе было тысяч до пятнадцати и по полторы тысячи украинцев и мордовцев[2]). Вся эмиграция сектантов, начиная с царствования Николая I, по материалам В. Д. Бонч-Бруевича, составляет около $26^1/_2$ тысяч, не считая, однако, выехавших на Гавайские острова, о. Цейлон (100 человек) и эмиграции в Персию[3]);

вне С.Ш., а сопоставление с данными 1910 г. (с вычетом на вымирание) дает тот результат, что число русин с 1910 по 1920 г. возросло будто бы всего на 35.000.

Отсюда ясно: 1) что число русских, даже вместе с детьми, родившимися у них в С.Ш., было, вероятно, менее 300.000 и 2) что русины недоучтены и попали частью в группу русских.

[1]) Вот конкретный список с наименованием секты, времени выезда, числа уехавших и места назначения: 1) духоборы—1898—1900 г.г., 8.500 чел. в Канаду, 2) штундисты и новые штундисты—около 1900 г., 1.000 чел. в Сев. Дакоту, С. Ш., 3) духовные молокане—в 1902 г., 8.200 чел. в Калифорнию, С.Ш., 4) Новый Израиль—в 1910—12 г.г., 2.000 чел. в Уругвай.

[2]) Мордовцы—народ финского племени, живущий в бассейне средней Волги. Часть духоборов вышла из их среды.

[3]) „Пермская Земская Неделя" в марте 1910 г. сообщала о том, что на Гавайских о.о. находится уже 1.000 русских переселенцев, а в работе А. Сахарова, „Русская колонизация Астрабадской провинции в Персии" (Петро-

30.000—вот та вероятная цифра, которая более полно охарактеризует сектантскую эмиграцию за этот период.

В среде русских сектантских общин, которые в подавляющей массе состояли из крестьян, наблюдалась значительная социальная дифференциация: наряду с зажиточными и богатыми имелось много бедняков. Но средний уровень зажиточности у крестьян-сектантов был почти всегда значительно выше, чем у рядовых крестьян, вследствие обязательной трезвости, трудолюбия, бережливости в их среде и более развитой взаимной поддержки. Повышенный размер наличных средств у русских иммигрантов, наблюдавшейся в С.Ш. до 1905 года, вероятно, объясняется большим количеством сектантов, участвовавших в эмиграции.

Поскольку в сектантской среде преобладали великороссы, они должны были занимать видное место среди русских эмигрантов до 1905 г. вообще. Рядом с ними стояли белорусссы, которых побудил к эмиграции (преимущественно временного типа) пример соседей—литовцев и евреев. Картограмма в отчете комиссара по иммиграции С.Ш. за 1902 г. помещает всех русских иммигрантов (которых в этом году было 1.636 человек) на территорию белорусско-литовской Виленской губернии. В 1903 г. Виленское с.-х. общество отмечает, что „крестьяне в последнее время усиленно эмигрируют, главным образом, в Америку“[1]). А в 1910 г. Виленский губернатор (см. отчет его, хранящийся в архиве) пишет о значительном движении крестьян в С. Америку, преимущественно на временные заработки, „из местностей с литовским или белорусским католическим населением“. За 1908—10 г.г. всего выехало около 18.000 человек, и губернатор считает это движение „одним из важных экономических основ краевой жизни“: временные эмигранты привозят обратно значительные суммы денег. Вероятно, уже ранее 1905 г. эмиграционная „зараза“ начала проникать и в соседнюю Минскую губернию, где $^3/_4$ населения состояли из белоруссов. К 1913 г. это движение приняло здесь исключительно широкие размеры.

Что касается юго-западных и южных губерний бывшей империи, заселенных украинцами и центральных и восточных губерний, где преобладали великороссы, то отсюда

град, 1915) мы находим данные о том, что число русских колонистов-земледельцев составляло 2.500 человек, из которых 27% или около 700 человек сектантов, а остальные—православные.

Что касается общей цифры в $26^1/_2$ тысяч, получающейся по материалам Бонч-Бруевича, то в состав ее входят, кроме ранее перечисленного: 1) 5.000 „некрасовцев“, эмигрировавших в 1840-х г.г. в Турцию, 2) 700 скопцов, уехавших в Румынию и Болгарию около того же времени, 3) 500 баптистов, переселившихся в разные страны Европы и 4) 500 старообрядцев, ушедших в Австрию. Последние две группы—в разные десятилетия XIX века.

[1]) Труды местных комитетов о нуждах с.-х. промышленности, IV, Виленская губерния, СПБ., 1903, стр. 39.

до 1905 г. нет известий о сколько-нибудь значительной эмиграции. Одиночки с давних пор уходили, повидимому, только из Волынской губернии[1]). Есть известие о временной эмиграции из одного уезда Киевской губернии [2]). Вообще же здесь, как и в великорусских губерниях, доминировала внутренняя миграция: отход на юг и юго-восток на сел.-хоз. заработки, отход в промышленные центры, переселение в Сибирь. Эти разновидности внутренней миграции соответствовали обоим типам заокеанской эмиграции—поездкам на временные заработки и эмиграции постоянной. В этих миграциях принимали наибольшее участие обезземеленные с.-х. рабочие и низшие, беднейшие слои крестьянства (именно к ним принадлежали, несомненно, и первые пионеры эмиграции из Белоруссии и Украины). Решающим обстоятельством в пользу именно эмиграции оказывались на западе близость к границе и наличие уже проторенных соседями путей за границу. Такова пока предварительная характеристика эмиграции „русских" (белоруссов и украинцев) до 1905 г., поскольку речь идет не о численно преобладавшей эмиграции сектантов—великороссов, вызванной религиозными преследованиями.

Иную картину мы находим после 1905 г. Выше уже отмечалось бегло, что эмиграция „русских" с этого времени усиленно возрастает. Вот данные о прибытии русских иммигрантов в С. Ш. и Канаду (в тысячах человек):

	1900—04 среднее	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
С.Ш. . . .	2,3	3,3	5,2	16,1	16,3	9,1	14,8	17,6	21,1	48,5
Канада . .	2,6	3,4	1,9	6.3	3,5	4,6	6,6	9,8	18.6	24,5
	4,9	6,7	7,1	22,4	19,8	13,7	21,4	27,4	39,7	73,0

При таком усиленном росте понятно, если составитель работы „Переселение в Сибирь"[3]), П. М. Новоселов отмечает: „со второй половины 1912 г. не было, кажется, ни одного

---

[1]) Уже в 1895 г. написан превосходный рассказ В. Г. Короленко „Без языка", описывающий судьбу волынского крестьянина эмигранта в Соед Штатах. Рассказ основан на действительных фактах и в нем сообщается, что тогда „уходили в одиночку и парами, а раз даже целым гуртом пошли за хитрым агентом-немцем, пробравшись ночью через границу. Только все это дело кончалось или ничем или еще хуже. Кто возвращался ободранный и голодный, кого немцы гнали на веревке до границы, а кто пропадал без вести". (Отдельное издание рассказа, С.-Петербург, 1903, стр. 5).

[2]) „Многие крестьяне, батраки и даже хозяева, отправляются на заработки в Сев. Америку, оставляя на несколько лет свои хозяйства и семьи на попечение родственников". Речь идет о крестьянах Пятигорской волости, Таращанского уезда, Киевской губернии. Повидимому, это явление было единичным. См. „Труды Местных Комитетов" и пр., XV, Киевская губерния, СПБ, 1903, стр. 132.

[3]) Труды Статистического Отдела Бюро Южно-Русской Областной Переселенческой Организации, Полтава, 1913.

органа русской периодической печати, в котором бы не сообщалось об эмиграции русского сельского населения в Америку, Австралию. Особенно из местностей, лежащих на западе, юге и юго-востоке империи". Автор настаивает на введении статистического учета эмиграции и отмечает, что в 1910 г. губернское земство Волынской губ. сделало опрос о количестве крестьян, выехавших в Америку. Таковых оказалось 5.226 чел. Из приведенной выше таблацы видно, что в С. Ш. и Канаду в 1910 г. прибыло 21,4 тыс. русских эмигрантов. Значит, Волынские (т.е. западно-украинские) эмигранты в это время составляли уже весьма крупную долю эмиграционного потока.

Но цитированный автор совершенно правильно говорит о „западе, юге и юге-востоке", а не об одной Волыни. Русский консул в Роттердаме, сообщая о том, что за 1909—10 г.г. через этот порт прошло 33.383 русских подданных, отмечает: „замечается уменьшение количества евреев. Значительно увеличилась эмиграция крестьян Киевской, Подольской и Волынской губерний и Царства Польского... отправляющихся, главным образом, в Канаду". Он также отмечает увеличение количества временных эмигрантов [1]). А еще в 1908 г. российская миссия в Аргентине сообщала, что „крестьяне, приезжающие в Аргентину, являются уроженцами Юго-Западного Края". В 1911 г. мы имеем сообщение из Кременчуга (Полтавской губернии), что „за последнее время в Кременчуге и ближайших к нему уездах замечается обратный возврат малороссов (украинцев), уехавших в свое время в Америку на заработки" [2]). Почти все губернии „Юго-Западного Края" (средней части Украины), таким образом, оказываются отмеченными, хотя мы и не можем точно определить число эмигрантов.

В том же 1911 г. мы находим известие о переселении т. н. „иногородних" жителей казачьих областей Сев. Кавказа в Америку, главным образом, в Бразилию. „Весной текущего года с Северного Кавказа выехало в Америку около 100 семейств. Число их с каждым месяцем растет, и к осени готовится к переселению несколько тысяч человек" [3]).

А в 1913 г. мы узнаем, что „среди крестьян Камышинского и Царицынского уездов (Саратовская губерния,

---

[1]) Извлекаем этот отчет из архива, так же как и последующие цитируемые донесения консулов и миссий.

[2]) С.-Петербургские Ведомости, 1911, № 159.

[3]) С.-Петербургские Ведомости, 1911, № 201. „Иногороднее население, поясняет газета, составляют российские переселенцы, разновременно поселившиеся в станицах, селах и слободах на „правах" временно-проживающих. Положение их было крайне тяжелым: земельных наделов не было, за усадебную землю они платили тяжелый посаженный налог, общественные натуральные повинности несли наравне с коренным населением, права голоса на сходах в большинстве случаев не имели".

нижнее течение Волги) в нынешнем году наблюдается эмигрантское движение; крестьяне толпами покидают родную деревню—уезжают в Америку. Особенное движение в Камышинском уезде объясняется, с одной стороны, неурожаем последних трех лет, а с другой,—усиленной пропагандой эмигрантского движения понаехавшими сюда агентами из Либавы и Риги" [1]).

Сев. Кавказ и нижнее течение Волги — это уже юг и юго-восток страны. К ним непосредственно примыкает Воронежская губерния, где между 1906 и 1914 г.г. также появились случаи отхода на заработки в „Америку", в Уругвай и прочие южно-американские республики [2]).

Таков один обширный район, охваченный заграничной эмиграцией после 1905 г.: это—район, заселенный преимущественно украинцами.

Другим попрежнему оставались белорусские губернии „Северо-Западного Края", где движение теперь весьма усилилось. Из Виленской губ. оно проникло в Минскую, где пропаганда эмиграционных агентов действовала „главным образом на молодежь и безземельных батраков, которые живут здесь в довольно плохих (sic) условиях". „В последнее время резко увеличивалось количество эмигрантов в Америку и Бразилию. В текущем (1913) году сказался весьма сильно недостаток рабочих рук в сельском хозяйстве. Цены на рабочие руки поднялись до невероятных (sic) размеров". [3])
В результате подобных ламентаций заинтересованных кругов, зимой 1914 г. в Минске были предприняты аресты эмиграционных агентов, нелегально переводивших через границу. Но в 1914 г. уход на заработки в Америку отмечается уже и в Могилевской губернии, прилегающей к Минской с востока (статья Турчанинова, стр. 357).

Принимая во внимание вышеприведенный материал и то, что подобного рода известий из центральных и восточных губерний не встречается, мы и высказали раньше то положение, что русская эмиграция 1907—13 гг. рекрутировалась из среды украинцев и белоруссов по преимуществу. Сектантов за эти годы выезжало немного, а они-то раньше

---

[1]) „Новое Время", 1913 г., март.

[2]) „Материалы по вопросу об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР" Москва, 1926, статья Н. Турчанинова, стр. 356.

[3]) „С.-Петербургские Ведомости" от 19 августа 1913 г. Насколько беспристрастен автор этой корреспонденции, можно видеть из того, что заработная плата (поденная, на хозяйских харчах) была в Минской губ. во время жатвы 1913 г. 75 коп. в день. Из 48 губерний Европейской России, по которым имеются официальные данные за этот год, плата была ниже только в девяти, в пяти губерниях она была равна, в тридцати четырех—выше. 75 к. равны 38,6 америк. центам, а в С. Ш. в том же году плата жнецу на хозяйских харчах была 1 долл. 57 центов, т.-е. в 4 раза выше.

ГУБЕРНИИ ДОВОЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

ГУБЕРНИИ, В КОТОРЫХ НАБЛЮДАЛОСЬ ЭМИГРАЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РУССКИХ (ВЕЛИКОРОССОВ, УКРАИНЦЕВ, БЕЛОРУССОВ) ЗАШТРИХОВАНЫ.

и поставляли великорусский элемент. Вследствие общего роста эмиграции, число великороссов, вероятно, не упало, но процентная доля их сократилась.

Рассмотрим теперь вкратце предпосылки и движущие силы эмиграции 1907—1913 гг.

* * *

В дореволюционной России существовало два района, в которых аграрный вопрос стоял с наибольшой остротой, хотя и в различной постановке. Оба района отличаются поэтому наибольшей интенсивностью аграрного революционного движения, как во время революции 1905, так и во время револю-

ции 1917 г. Это, с одной стороны, группа западных губерний (с украинским и белорусским населением), прилегавших к Литве, Польше и Австрии, и, с другой стороны, группа центрально-черноземных или центрально-земледельческих губерний (населенных большей частью великороссами); последние располагались между Днепром и Волгой, с одной стороны, и между северной границей чернозема и началом южных степей, с другой стороны [1]).

Крепостное право достигло наибольшего развития именно в этих двух группах губерний. Южные степи (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая губернии, Донская область) заселились главным образом уже после его падения, или заселялись вольными людьми (напр., казаками или иностранными колонистами). В лесистые районы севера и северо-востока (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Вятская губернии, большая часть Пермской) оно оказалось не в состоянии проникнуть, равным образом не проникло оно и в Сибирь. В нечерноземных губерниях, расположенных вокруг Москвы, оно было значительно подорвано развитием торгового оборота и промышленности еще до 1861 г., и пережитки его сравнительно быстро устранялись здесь дальнейшим ходом экономического развития. Наоборот, два указанных района остались средоточием феодальных пережитков прошлого. Эти пережитки были закреплены и теми условиями, при которых совершилось здесь освобождение крестьян.

Центрально-земледельческий район поставлял преимущественно кадры для внутренней миграции и подробнее будет охарактеризован в дальнейшем. Основной чертой взаимоотношений между крестьянами и помещиками здесь было долговременное сохранение обработки помещичьей земли крестьянскими лошадьми и инвентарем (как это было здесь и при крепостном праве). Достигалось это не путем найма крестьян за деньги, а путем предоставления им в аренду другой части помещичьей земли. Ибо крестьяне были освобождены не только с недостаточным наделом, но в большей части случаев с наделом меньшим, чем какой они имели при крепостном праве, и нередко с оставлением в руках помещика полос земли, пересекавших земли крестьян и мешавших выпол-

---

[1]) Так определяет этот район проф. Янсон („Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах", С.-Петербург, 1877, стр. 44). Это определение весьма удачно как географически, так и экономически. Правительственная комиссия 1901 г. по вопросу об „оскудении центра" включала в состав центрального района губернии Тульскую, Рязанскую, Орловскую, Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Курскую, Воронежскую, Харьковскую (последняя—с украинским населением). Следует, однако, добавить сюда еще две другие украинские губернии — Полтавскую и Черниговскую (черноземную ее часть), как это делал, например, проф. А. И. Скворцов („Аграрный вопрос и Гос. Дума", С.-Петербург, 1906, стр. 43), напрасно исключавший, однако, Пензенскую и Саратовскую губернии.

нению простейших хозяйственных операций. Отсюда возникала необходимость аренды земли у помещика, которая предоставлялась за обработку другой части его земли и в его пользу, или за предоставление помещику доли в получаемом продукте. С ходом развития аренда „за отработок" и „из доли" сокращалась (вместо нее росла денежная форма аренды), но все же продолжала существовать вплоть до уничтожения помещичьего землевладения.

Предпосылкой этой крайне тяжелой для крестьян и экономически-реакционной системы было наличие массы малоземельных крестьян, стоящих на краю разорения, но все же владеющих хотя бы одной лошадью, а также и орудиями, хотя бы и самыми примитивными.

Иначе стоял вопрос в западном районе. Здесь крепостное поместье (более крупное по размерам, часто—настоящая латифундия) было экономически централизованной системой. Здесь еще во времена крепостного права исчезла крестьянская община, а с ней и понятие об особом фонде крестьянской земли, обеспечивающем нужды крестьян. Какому крестьянину, где и сколько земли дать, определял помещик, свободно распоряжавшийся землей и трудом своих крепостных и державший в своих руках также достаточное количество собственных лошадей и орудий для обработки земли, на которой производились помещичьи посевы. Помещичье хозяйство здесь, в общем, было гораздо интенсивнее, чем в центре, и еще до освобождения крестьян появились сахарная свекла (на юго-западе) и другие технические культуры.

Уже в 1840 г. правительство Николая I решило ограничить произвол помещиков над крепостными в юго-западных губерниях (Киевской, Подольской, Волынской) и обязало составить т. н. „инвентари", в которых должны были быть зафиксированы земельное обеспечение крестьян и выполняемые ими повинности. Так как инвентари составлялись помещиками, они оказались составленными в их пользу. В литовских же и белорусских губерниях инвентари были только намечены к введению, но не введены вовсе.

„Освобождение" крестьян совершилось поэтому с передачей крестьянам только земли, записанной в инвентари, или фактически находящейся в их пользовании (литовско-белорусские губернии). И хотя в литовско-белорусских губерниях после польской революции 1863 г. была проведена дополнительная аграрная реформа [1]), основным фактом осталось то, что огром-

[1]) Она коснулась губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской и части Витебской и имела целью, как формулировал тогдашний министр внутренних дел Валуев, „предоставлением новых льгот удержать за собой сельское население сев.-зап. губерний". В местностях с белорусским населением (три последних губернии) она проводилась потому, что большая часть помещиков здесь были поляки (см. проф. Лященко,— „Очерки аграрной эволюции России", т. 2-й, С.-Петербург, 1913, стр. 201 и 205).

ная масса крестьян в западных губерниях была либо вовсе лишена земли, либо получила только усадьбу и ничтожный клочек земли, либо, наконец, надел совершенно недостаточный. Помещичьи же имения приобрели здесь относительно весьма крупные размеры.

Отсюда — своеобразная особенность аграрного вопроса в этом районе. И вот почему аграрное движение носило здесь преимущественно характер движения батраков и поденщиков, работавших в помещичьих имениях [1]). Как мы увидим ниже, заработная плата в этих губерниях была крайне низка. Крепостное право оставило здесь после себя иное, чем в черноземном центре, но не менее тяжелое наследие: огромную массу оседлых, привязанных к земле (домом, усадьбой или крохотным наделом) с.-х. рабочих, подавленных в экономическом и социальном отношении. Обстановка здесь сильно напоминает положение дел в Польше.

Таковы в общих чертах аграрные отношения, преобладавшие в западных губерниях (мы оставили в стороне отдельные местные и групповые особенности, а также степени и переходные оттенки). Эта общая характеристика относится к губерниям Виленской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской. Полтавская губерния составляет переходное звено между западным и центральным черноземным районом, и эта характеристика относится к ней частично [2]).

Следует также отметить в порядке общей характеристики, что перечисленные губернии распадаются на две географическую весьма различные части: нечерноземную и черноземную, при чем к нечерноземной относятся первые три губернии и большая часть Волынской. Разница в плодородии почвы здесь

---

[1]) Проф. Скворцов в уже цитированной работе говорит о движении 1905—1906 г. на северо-западе: „Аграрные беспорядки этой полосы носят характер недовольства батраков и наемных рабочих вообще. Речь идет ни больше, ни меньше, как об увеличении вознаграждения и об улучшении обстановки рабочих, но никакого требования об увеличении землевладения со стороны крестьян вовсе не замечается... Но и в юго-западной и вообще малорусской (украинской) области требования крестьян чаще сводились к увеличению заработной платы или сохранению всей работы, предлагающейся крупным хозяйством, за местным населением, вместо призыва рабочих со стороны“ (стр. 5).

[2]) Что касается Воронежской и Саратовской губерний, которые также упоминались выше, как источники эмиграции, то они принадлежат к центральному черноземному району, и более детальную характеристику их мы откладываем. Эмиграция с Сев. Кавказа рекрутировалась из среды „иногородних“, т.-е. выходцев из центральных губерний, „приселившихся“ на казачьи земли. Положение их вкратце охарактеризовано одновременно с констатацией самого факта эмиграции.

Здесь следует подчеркнуть, что эмигранты из Воронежской и Саратовской губерний, а также с Сев. Кавказа представляли собой по преимуществу тот великорусский элемент, который в последние перед войной годы находился в относительном меньшинстве.

весьма значительна, а потому размер надела, способного прокормить крестьянскую семью, весьма различен. В центре взятого района лежит огромный массив лесов и болот, почва отличается особой бедностью и трудностью обработки [1]). Дальше к северу (Виленская губерния, ныне входящая в Польшу) местность становится суше и менее лесистой, но и здесь лесоводство составляет важную статью дохода в крупных имениях. Как уже отмечено, эти имения (кроме расположенных в особенно неблагоприятных для земледелия местах) ведутся по сравнительно весьма интенсивной системе хозяйства. Сдача земли в аренду крестьянам мелкими участками здесь встречалась столь же редко, как в Польше, и арендование целыми имениями предпочиталось. Наконец, во всем районе обезземеленное сельское население не было в состоянии найти заработки вне сельского хозяйства, с одной стороны, вследствие слабого развития фабрично-заводской промышленности (только свекло-сахарные заводы на юге и немного лесопильных предприятий в лесном районе; лес сплавлялся по рекам преимущественно в необработанном виде), с другой стороны — вследствие конкуренции, переполнявшей города и местечки еврейской бедноты.

После этих предварительных замечаний обратимся к статистическим материалам, имеющимся в нашем распоряжении.

В нижеследующей таблице делается по официальным данным характеристика аграрных условий в семи упоминавшихся выше губерниях [1]). (см. след. страницу).

Среди юго-западных губерний положение в Подольской губернии лучше всего охарактеризовано местным Губернским Комитетом о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, состоявшим из виднейших помещиков, управляющих имениями и губернских чиновников под председательством

---

[1]) Янсон в указанном сочинении цитирует следующий отзыв одной из правительственных комиссий: „При песчаной и болотистой почве в Полесье, разбросанности крестьянских наделов на пространстве 30 — 50 верст, при трудности обработки этих клочков, лежащих среди болот, при недостатке лугов и невозможности держать необходимое количество рабочего скота, наконец при неурожайности этих... мест, крестьяне не только не могут выручить от земли средств для уплаты налогов, но и не имеют достаточно хлеба". Они „должны разводить овощи за болотом на участках, через которые устраивается сообщение по мосткам... В иных селениях покосы есть только болотные и уборку сена можно производить только в то время, когда болота замерзнут. При недостатке скота боронуют поля часто сами женщины" (стр. 111—112). Эта характеристика относится к большой части Минской и частью к Волынской губернии. „Немногим лучше положение крестьян в Могилевской губернии" (там же).

[1]) См. издание Мин-ва Земледелия „Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России", С.-Петербург, 1906 и „Статистику землевладения 1905 г." Центрального Статистического Комитета, С.-Петербург, 1907 г.

	Юго-Западные губ.				Сев.-Западные губ.			Сред. по 50 губ. Европ. России.	Период, за который даются цифры.
	Волынская.	Киевская.	Подольская.	Полтавская.	Виленская.	Минская.	Могилевская		
% безземельных..	6,5	14,7	7,5	11,4	9,7	8,3	6,7	7,0	1893
% безлошадных..	37,3	59,8	54,0	48,8	12,4	21,0	11,7	29,3	1899—190[illegible]
% хозяйств, имеющих до 5 дес. надела.....	27,2	55,5	78,6	56,1	3,1	12,3	9,7	23,8	1905
То же до 8 десятин	63,9	81,6	96,3	85,1	26,2	55,5	51,0	51,5	„
То же — до 10 десятин	77,7	90,9	98,4	94,7	34,5	74,2	79,1	66,1	„
% доли крестьян. земель (надельных и купчих) к общей площади земли	44,7	52,5	54,1	65,1	46,1	30.4	55,4	41,4	„
То же—земли частных владельцев не-крестьян.	44,0	38,3	38.1	32.3	42,4	59,5	40,2	19,5	„
% площади частных имений, приходящийся на хозяйства более 1.000 десятин	64,2	57,8	52,5	30,6	48,8	76,0	49 5	58,6	„
То же—имения более 5.000 десятин	35,6	19,5	6,6	8,2	20,1	51,1	19,7	31,8	„
Процент лиц, имеющих побочные занятия, кроме с. хозяйства ...	15,5	17,3	17,3	16,6	6,4	5,4	4,0	19,6	1897

губернатора [1]). В постановлениях комитета сказано: „Главными источниками добывания средств существования для нашего крестьянского населения в настоящее время являются его заработки на полевых работах в крупных имениях, а не его надельная земля, поэтому большую часть крестьянского населения Подольской губернии надо считать сельским рабочим классом, а не исключительно хлебопашцами“ [2]). И действительно, хотя совсем безземельных в Подольской губернии—„нормальная“ доля, но более половины крестьян не имеет лошадей [3]), а свыше трех четвертей крестьян никак

---

[1]) Эти комитеты были созваны в 1902 г. по инициативе С. Ю. Витте.

[2]) „Труды местных комитетов“, Подольская губ., стр. 136.

[3]) Часть этих крестьян вместо лошадей, как это встречается на юге, имела волов; полных данных о количестве крестьян без всякого рабочего скота нет. Но по одному из уездов (Винницкому) имеются следующие цифры. Безлошадных здесь было 59%. Что касается волов, то наличное их количество могло обеспечить 16% дворов. Без рабочего скота, след., было минимум 43% (Труды Подольского Комитета, стр. 357—358). По Подольской и Киевской губ. % крестьян без рабочего скота, вероятно, был 40 — 45%.

не могут прокормиться на участке размером не более 5 десятин (отметим при этом, что 40% имеют карликовый надел не не более трех десятин). Они являются „батраками с наделом" и работают на свекло-сахарных плантациях крупных помещиков (у последних—38% всей земли, большей частью в крупных имениях свыше 1.000 дес. каждое) и у зажиточных соседей [1]). При явном избытке рабочих рук в отношении как к своей, так и к помещичьей земле, промышленность — фабричная или домашняя — незначительно развита, так как процент лиц, имеющих подсобные не сельско-хозяйственные занятия даже несколько ниже средней нормы по Европейской России. Все это составляло солидные предпосылки, как для временного, так и для постоянного ухода населения из деревни и при том за пределы губернии.

В Киевской губернии многие показатели даже еще резче обрисовывают положение: % безземельных и безлошадных выше, а среди помещичьих имений почти 20% площади занимают настоящие латифундии—свыше 5.000 десятин каждая. В Подольской и Киевской губерниях была сосредоточена половина всех свеклосахарных плантаций бывшей империи. Относительно Волынской губернии надо помнить, что земля здесь не черноземная, как в двух предыдущих, и что надел в 8 десятин почти эквивалентен наделу до 5 десятин. Если учесть это, то характеристика получается в итоге почти такая же, как раньше; при этом крестьянам принадлежит здесь меньшая доля земли, а латифундии весьма развиты. Наконец, в черноземной Полтавской губернии помещичьей земли относительно мало, так же как и крупных имений, но крестьянское землевладение раздроблено, имеется много безземельных и безлошадных, и в самой крестьянской среде наблюдалась значительная дифференциация: 15% хозяев, имевших свыше 8 дес. надела, держали в своих руках 32% надельной земли и не менее 40% всего крестьянского земельного фонда [2]).

Три северо-западные губернии расположены в местности с весьма бедной почвой и покрыты лесами и болотами (Минская и Могилевская губернии более чем наполовину, Виленская — на 40%). По мнению Минского общества сельского хозяйства „в наших северозападных губерниях нормаль-

---

[1]) Каков был спрос крупных свеклосахарных плантаций на рабочую силу, можно видеть из того, что в одном имении „с 6245 дес. пахотной земли количество рабочих на один день на всех шести фермах вместе доходит почти до колоссальной цифры в 10.000, из которых от 1/2 до 3/4—рабочие пришлые на экономических харчах" (цитированные Труды", стр. 592).

[2]) Этот процент возрос бы еще больше (как показывают частичные исследования), если бы мы могли ввести в расчет арендованную землю.

Что касается количества крестьянских дворов Полтавской губ. без обоих видов рабочего скота (а не только лошадей), мы находим в земской переписи 1900 г. цифру в 35,3%.

ный крестьянский надел составляет около 15 десятин. При хороших почвенных условиях такой надел... еще может доставить хозяину возможность держать рабочую лошадь и добыть с этого участка средства для существования его самого и его семейства" [1]). Из таблицы видно, что наделы не свыше 10 дес. составляют в этих трех губерниях 34,5—74,2—79,1% всех хозяйств. Что касается наделов не свыше 15 дес., то мы получаем уже 63,3—88,8—97,6% всех случаев. Интересно при этом, что в Виленской губ. 37% крестьян, имеющих более 15 дес., держали в своих руках 54% всей надельной земли, а 11% таких же крестьян Минской губернии — 26% надельной площади. Иными словами, большая дифференциация имелась в самой крестьянской среде [2]). Если учесть, 1) что около 40% всей земли в Виленской и Могилевской губ. и около 60% в Минской губ. принадлежит помещикам и 2) что дополнительные заработки имеются лишь у 4—6% сельских жителей, то становится ясным, отчего именно здесь впервые зародилась эмиграция. Ясно также, какая конкуренция с местечковыми и городскими бедняками — евреями за дополнительные заработки здесь должна была происходить.

Бичом земледелия во всей (как северо-западной, так и юго-западной) дореволюционной России была еще т. н. „шнуровая" (от слова шнур — тонкая веревка) чересполосная форма землепользования и связанный с ней „пастбищный сервитут". Крестьянские наделы были разбиты на огромное множество тонких полосок — „шнуров", расположенных в перемежку с землями помещиков. В большей части западных губерний, как уже отмечено, еще до освобождения крестьян не существовало общины, а потому не было и общинных сенокосных и пастбищных земель. Пасти скот на полученных крестьянами при освобождении „шнурах" было невозможно, а потому им в 1863 г. было предоставлено право пастьбы на помещичьих землях— в лесах и на уже убранных или еще не вспаханных полях. В результате—непрерывные столкновения из-за фактической или мнимой порчи лесов, потрав и перемены севооборота, или распашки земель [3]).

Вся система землепользования была абсолютно негодной и задерживала развитие производительных сил, но переход крестьян к отрубам или хуторам и уничтожение пастбищного

---

[1]) „Труды комитетов", Минская губ., стр. 69.

[2]) И здесь, если принять во внимание купчую и арендованную землю, дифференциация обнаружится гораздо ярче.

[3]) Минское общество сельского хозяйства отмечает, что „лесные пространства и болота, обремененные сервитутами, коих насаждение истоптано скотом, истреблено пожарами — настоящие поля сражений между сторонниками и защитниками прав собственности и ее противниками" (цитированные „Труды", стр. 31). Под противниками собственности разумеются, очевидно, местные крестьяне.

сервитута означал для бедноты невозможность где-либо пасти скот и, следовательно, окончательную ликвидацию хозяйства.

Тем не менее и в западных губерниях в 1907 — 1916 г.г. проводилась т. н. „столыпинская реформа", состоявшая во введении отрубов и хуторов без дополнительного наделения крестьян землей. Количественные ее результаты были весьма слабы в Подольской губ. (она затронула лишь $2^1/_2\%$ хозяйств), сильнее в Минской (7% хозяйств) и довольно значительны в Киевской, Волынской Виленской и Могилевской губерниях (10—12—14—15%). Эта „реформа", разумеется, содействовала продаже наделов и окончательному уходу из родной деревни. Она усилила эмиграционную волну начиная с 1907 г. [1]).

Другим фактором, усилившим эмиграционное движение и вступившим в действие в 1910 — 1911 г.г., был перелом в переселенческом движении на восток, в Сибирь и Ср. Азию. Это движение поднялось на небывалую высоту после крушения крестьянского движения 1905—1906 г.г. Затем это движение резко упало, при чем все губернии, откуда происходила эмиграция, находятся в категории сокративших переселение [2]).

Предшествующие соображения (о влиянии „столыпинской реформы" и упадка переселения в Сибирь) относятся к беднейшим слоям крестьянства, имевшим, однако, свое хозяйство и свою землю. Но более мощным фактором эмиграции после 1905—6 г.г., был возросший уход за-границу сельских батраков из западных губерний.

Американские данные устанавливают, что среди русских иммигрантов было нижеследующее количество „сельско-хозяйственных рабочих" (farm laborers)—в абсолютных величинах и в $\%\%$ к общей сумме:

	1899—04 (средн.)	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913
Абсолют. числа..	40	200	1.600	6.000	7.000	5.000	7.000	10.000	13.000	26.000
$\%\%$	2,2	5,6	28,0	34,9	43,1	49,8	42,0	55,2	55,6	50,7

До 1905 г. только 40 чел. русских с.-х. рабочих в среднем ежегодно иммигрировало в С. Ш. С 1906 г. число их бы-

---

[1]) В губерниях, не входивших в район эмиграции, „столыпинская реформа" содействовала росту переселения в Сибирь. Отмечаем, что данные о результатах „столыпинской реформы" мы берем у проф. Першина („Участковое землепользование в России". Москва, 1922), но вычисляем проценты к цифрам 1905 г.

[2]) Есть ряд губерний на юге империи, где переселение в Сибирь за 1910—1914 г.г. либо возросло, либо сократилось незначительно. Таковы: Бессарабия, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская. И характерно, что, хотя они лежат рядом с Волынской, Киевской, Полтавской и т. д., мы не встречаем известий об эмиграции из этих губерний.

стро растет как абсолютно, так и относительно. Скоро они насчитываются уже тысячами, составляя 40—50% от общего числа иммигрантов[1]).

Нет сомнений, что этот массовый уход с.-х. рабочих из западной России за-границу был одним из результатов неблагоприятного исхода аграрного стачечного движения 1905—1906 гг. Летом 1906 г. на всем Западе прошла грандиозная волна стачек с.-х. рабочих, которая именно здесь была подавлена применением оружия в масштабах и формах, напоминающих еврейские погромы [2]). В тех из рассматриваемых нами губерний, где больше всего применялось наемного труда в помещичьих имениях, заработная плата составляла:

Заработная плата поденного рабочего на хозяйских харчах во время жатвы (в копейках).

Годы	Волын.	Киевск.	Подольск.	Вилен.	Минск.	Могил.	Ср. по 50 губ.	В С.Ш.
1901—05	42	56	47	40	47	48	58	1902 г. 260
1906—10	44	49	59	51	54	51	66	1910 г. 282

Заработная плата была до 1905 г. и осталась после него ниже, чем по Евр. России в среднем и во много раз ниже, чем в С.Ш. Она несколько возрасла только в Подольской и Виленской губерниях. В Киевской она даже понизилась. Понятно, что такой исход борьбы толкал с.-х. рабочих на путь эмиграции. Интересно, что в отношении „литовских" губерний (Виленская, Ковенская, Гродненская) мы имеем такое известие за 1906 г.: „много сознательных крестьян-батраков отказалось от эмиграции в Америку и осталось ждать, как решится аграрный вопрос. К ним присоединялись также и вернувшиеся из Америки литвины—промышленные рабочие, во многих случаях становившиеся во главе стачечного движения в отдельных районах" [3]). Все такие рабочие в 1907 г., понятно, и обратились на путь эмиграции.

---

[1]) Часть с.-х. рабочих регистрировалась также в качестве неквалифицированных рабочих («laborers»). Таковых в 1906—13 г.г. было 30,4%. Вместе с „с.-х. рабочими" они составляли 78,3%. За 1899—1905 г.г. соответствующая сумма была лишь 41,5%.

[2]) Вот примеры из „Юго-Западного Края": 1) с. Нерубайка—убито 2, ранено—18, 2) с. Калиновка—расстреляно 5, 3) с. Сальники—убито 5, многие ранены, 4) с. Печора—убито 20 девушек, 5) с. Тростянец—убито 5, ранено—20 и т. д. Были целые сражения между драгунами или казаками и крестьянами; напр. в с. Черепове Подольской губ. было ранено 12 драгун, из них 3 тяжело, а со стороны крестьян—5 человек. В Киевской губ. было объявлено военное положение. В Могилевской и Минской губ. также был ряд столкновений, напр., в Свитне Минской губ., где было ушиблено камнями 3 казака и 3 крестьянина тяжело ранены (А. В. Шестаков „Наемный труд в сел. хозяйстве России", Москва, 1924, стр. 148—149 и 176—177).

[3]) Шестаков, l. c. стр. 180.

Характерно, что в 1911—14 г.г. заработная плата значительно повысилась и приблизилась к средне-российскому ее уровню. Она составила:

Губ.:	Волынск.	Киевск.	Подольск.	Вилен.	Минск.	Могил.	Среднее по 50 губ.
	62	79	64	70	70	72	79

Отстают Волынская и Подольская губернии, но значительное повышение заметно везде, и эмиграция, сокращавшая предложение рабочей силы, сыграла в нем, несомненно, немалую роль [1]).

Таким образом, факторы и движущие силы западно-русской эмиграции намечены. К тяжелому общему положению батраков и беднейших крестьян, после 1905 г., присоединились: а) крушение надежд на улучшение положения—у батраков, б) действие столыпинской реформы и в) сокращение отлива в Сибирь—у мелких крестьян. При этом революция 1905 г. подорвала принудительное прикрепление крестьянина к его наделу, дала ему почти полную свободу передвижения [2]). И именно к 1906—7 г.г. эмиграционная „зараза" от соседей—поляков, литовцев, евреев—дошла, наконец, и до отсталого западно-русского крестьянина.

Можно также добавить, что хотя в отношении социального состава русской эмиграции 1907—1913 г.г., мы не располагаем точными данными, но материал, изложенный выше, позволяет с уверенностью предположить: 1) безземельные с.-х. рабочие—преимущественно из западных губерний—были самой многочисленной группой среди русских эмигрантов, 2) за ними следовала обширная группа крестьян полупролетарского типа, с ничтожным наделом, или мелких арендаторов (типа кавказских „иногородних"); 3) значительно меньше было крестьян, способных самостоятельно вести хозяйство, и 4) среди эмигрантов было и некоторое количество промышленных рабочих, особенно в годы промышленной депрессии—1908—09 г.г. [3]).

---

[1]) Я. Я. Полферов в специальном очерке „Сел.-хоз. рабочие руки" (С.-Петербург, 1913) сообщает: „Русские экономии юго-западного, отчасти новороссийского районов, получавшие часть с.-хоз. рабочих из Привислинья и северо-западного края, начинают высказывать мысль об ограничении отлива рабочих за границу,—„иначе это явление грозит кризисом и серьезными осложнениями в русском сельском хозяйстве"" (стр. 45).

[2]) Этому в значительной мере содействовала отмена „выкупных платежей", т.-е. выплачивавшихся в рассрочку взносов за полученную в 1861 г. землю. До уплаты „выкупа" правительство имело юридический предлог стеснять слободу передвижения и имущественного оборота крестьянина. Выкупные платежи были отменены в 1904 г., под давлением крестьянского движения, начавшегося еще в 1903 г.

[3]) Что часть эмигрантов состояла из промышленных рабочих видно, напр., из сообщения о наплыве весной 1908 г. в Ригу промышленных рабочих, отправляющихся в Америку (Торгово-Промышленная Газета, 18 марта 1908 г.).

Именно такого рода социальный состав и отражался на понижении среднего размера наличных средств у русских иммигрантов после 1906 г.: зажиточные или по крайней мере мелкие самостоятельные хозяева были оттеснены деревенской беднотой западных губерний. Этот состав объясняет также и большое количество „перелетных птиц" среди этих эмигрантов. Мелкие крестьяне, „батраки с наделом" и неквалифицированные рабочие, как это видно из финских данных, имеют тенденцию возвращаться обратно, а свою эмиграцию рассматривать, как временный отход на заработки, только не внутрь страны, а за-границу.

* * *

В 1897 г. в России было зарегистрировано 1.790 тыс. человек, родным языком которых был немецкий. Из них в сельских местностях восьми губерний, где имелись так называемые „немецкие колонии", проживало 900 тыс. человек. Эти колонии и были тем „Фондом", из которого черпалась русско-немецкая эмиграция. Она никогда не была специально обследована, но практически известно, что русско-немецкие эмигранты вербовались почти исключительно из „колонистов"-земледельцев.

Названные восемь губерний располагались полукольцом по юго-западу, югу и юго-востоку бывшей империи, и в конце XVIII—начале XIX века были тем рубежом, на котором начиналась степь, формально, но еще не вполне реально подчиненная Петербургу. Для заселения ее оседлыми земледельцами и действительного овладения ею, туда усиленно привлекались переселенцы из-за границы, больше всего из Германии, и в значительной мере представители гонимых там религиозных сект, особенно меннониты. Кстати сказать, последних в 1897 г. в России числилось $63^1/_2$ тысячи. Этим переселенцам предоставлялся ряд льгот, в частности и прежде всего—крупный земельный надел[1]).

Вот как размещались в 1897 г. немцы по этим губерниям, расположенным с запада на восток (берем только немцев, живших вне городов):

Бессарабская	Волынская	Херсонская	Екатеринославск.	Таврическая	Донская обл.	Саратовская	Самарская
В тысячах							
58	169	111	79	74	33	153	223

[1]) Согласно земельной статистике 1905 г. бывшие колонисты имели в среднем 20,5 дес. земли на двор, крестьяне же различных категорий—от 6,7 до 12,5 дес. в среднем.

Эмиграция с запада и юга, повидимому, была довольно интенсивной. Это доказывает и картограмма, приложенная к американскому иммиграционному отчету 1902 г.[1]).

Но и на Востоке она началась рано и приняла крупные размеры. „В Камышинском и Аткарском уездах (Саратовской губ.) в 70-х г.г. мы встречаемся с любопытным явлением массового ухода немцев-колонистов в Америку, вызванного введением в 1874 г. у них воинской повинности... Известия о неудачах первых переселенцев остановили было движение, но... движение опять началось и за короткий период, с осени 86 г. до марта 87 г. в Америку выехало... более 350 семей. Всего переселилось в Америку 850 семей". Эти сведения относятся к 1902 г.[2]).

Эмиграция русских немцев направлялась преимущественно в С. Ш. Мы видели, что за 1899—1913 г.г. их туда прибыло 138 тысяч. В 1909 г. российский посланник в Южной Америке сообщал, что „в Бразилии проживает несколько тысяч, в Аргентине же до 25 тысяч приволжских немцев-колонистов", в том же году буэнос-айресский консул описывает посещенные им колонии „саратовских и самарских немцев".

Русские немцы иммигрировали и в Канаду, что можно видеть из регистрации приезда туда меннонитов, наряду с духоборами в начале XX века. В 1911 г. в Канаде было 45 тысяч меннонитов, но не все они, конечно, были русского происхождения. Точную цифру прибытия в Канаду русских немцев установить невозможно.

Толчком к эмиграции русских немцев послужило, как отмечено в вышеприведенной цитате, введение всеобщей воинской повинности. Меннониты уходили из Германии отчасти именно потому, что там их принуждали к военной службе. Особой грамотой русского императора в 1800 г. меннонитам и их потомкам было обещано никогда не привлекать их на военную службу; впоследствии, общим законом о колонистах немецкие переселенцы были освобождены от личной воинской повинности. Но в 1871 г. был отменен „Устав о колонистах", а в 1874 г. введена всеобщая воинская повинность[3]).

---

[1]) 8½ тысяч русско-немецких иммигрантов эта картограмма означает восемью кружками. Из них три расположены приблизительно на территории Волынской губернии, один—Бессарабской, два—Херсонской, и по одному приходится на Таврическую, Саратовскую и Самарскую губернии.

[2]) „Материалы к вопросу о нуждах с.-х. промышленности в Саратовской губернии". Саратов, 1903 г. статья Н. Россова, стр. 1. Подчеркнем здесь мимоходом, что эмиграционное движение русских крестьян отмечено в 1913 г. в том самом Камышинском уезде, из которого уходили немцы, и из соседнего с ним Царицынского уезда.

[3]) Я. Штах. — „Очерки из истории и современной жизни южно-русских колонистов", Москва, 1916, стр. 56.

Начался уход части немцев из России. Однако, дело заключалось не только в воинской повинности, ибо в Аргентине, по сообщению русского консула, молодые немцы соглашались отбывать службу в войсках. Экономическими причинами эмиграции были: 1) значительная социальная дифференциация в среде колонистов, появление среди них обширной группы безземельных, работавших у более зажиточных[1]), 2) привычка их к экстенсивному степному зерновому хозяйству, которое трудно становилось вести на постепенно истощаемой земле; в соединении с ухудшением правового положения это и побуждало даже зажиточных немецких фермеров к переходу в заокеанские прерии, на свежую неистощенную землю.

* * *

Из других народностей, населявших бывшую империю, устойчивое эмиграционное движение в XIX веке можно отметить еще среди крымских татар, уходивших в Турцию. Первая волна эмиграции здесь относится к 1860—63 г.г., когда ушло 181.000 человек (больше всего в 1860 г.). Некоторые уезды почти опустели, и был издан специальный указ, запрещавший уходить более чем $^1/_{10}$ жителей каждого селения. Это было результатом разорения, принесенного Крымской войной.

Новая волна была вызвана введением всеобщей воинской повинности, ранее не распространявшейся на татар. В начале XX века общий кризис крымского хозяйства и в особенности крымского виноделия вновь усилил движение. В 1903 г. с каждым пароходным рейсом уезжало по 600—800 эмигрантов татар. Выселялись безземельные татары, но „значительный % эмигрантов составляли и земельные собственники". Шла обширная скупка земли у выселявшихся, и ею в особенности занимались немцы-колонисты, которых мы только что описывали [2]).

---

[1]) А. Клаус („Наши колонии", СПБ, 1869, стр. 154) приводит данные, из которых видно, что уже в 1867 г. среди 6.110 семей меннонитов было 39% безземельных, 22% с наделом от 12 до $32^1/_2$ дес., 11% с наделом в $32^1/_2$ дес. и 28% с наделом в 65 дес. Ясно, что две последние группы пользовались наемным трудом первой. Отсюда видно также, что у колонистов наделы были вообще крупные, и средняя их зажиточность должна была быть значительно выше средней зажиточности русских крестьян.

[2]) „Вестник Европы", 1904, IV, заметка „Эмиграция крымских татар". Дополнительные сведения об эмиграции крымских татар мы можем найти в „Трудах Комитетов" — Таврическая губерния. Здесь мы читаем, что 50% населения крымских уездов Таврич. губернии было безземельным (стр. 6), что „условия аренды становятся все более и более тяжелыми в виду сильного вздорожания земель" (стр. 100), что виноделие переживает кризис в результате введения винной монополии и установления „стеснительной регламентации для торговли виноградным вином" (стр. 28), что татарское магометанское насе-

Из остальных народностей, населявших прежнюю Россию, регулярную, но слабую эмиграцию можно отметить еще у эстонцев и латышей, и спорадические эмиграционные волны проходили по Кавказу, в связи с затрагивавшими его войнами [1]).

ление в отношении сбыта вина находится в особенно трудном положении (стр. 28), что во время отбывания воинской повинности татары лишены возможности выполнять свои религиозные обряды и принуждены есть свинину, что запрещено Кораном (стр. 163) и пр.

[1]) Выше было отмечено- что в 1864 г. после присоединения Кавказа с северного его склона ушло в Турцию до 120.000 горцев, прошедших официальную регистрацию. Кроме того, после войны с Турцией 1877 г., из Карсской области, присоединенной к русскому Закавказью, ушло в Турцию 83.000 мусульман, преимущественно турок. На их место пришли русские и армяне. Эта эмиграция не отразилась ни в статистике русских подданных, ни в статистике иностранных подданных, перешедших азиатскую границу, и не входит в приводившиеся таблицы. Известно также, что во время войны 1877 г. из окрестностей Сухума ушло до 35.000 абхазцев, но они также не попали в официальную регистрацию. Часть карсских турок и абхазцев позже возвратилась, и истинные размеры отлива определить трудно. (См. об этом Известия Кавказ. Отдела Императорского Русского Географического Общества, т. V, стр. 89 и т. VIII, стр. 234, а также Кавказский календарь на 1882 г.).

8. Миграция за Урал.

Как в заграничной, так и в русской литературе мы нередко встречаем для обозначения миграции в Азию на пространстве бывшей империи термин „переселение в Сибирь". Это словоупотребление неправильно потому, что азиатская часть прежней империи включала в себя: 1) Сибирь, т.-е. территорию, протяжением от Урала и до побережья Тихого Океана, лежащую севернее 55-й и отчасти 50-й параллели; 2) Степной Край или Киргизскую Степь [1])—территорию к югу от Западной Сибири, протяжением от южных отрогов Урала и Каспийского моря до китайской границы; 3) Туркестан (к югу от Степного Края и до границ Персии, Афганистана и Китая), включавший и Семиречье, а также и вассальные государства—Хиву и Бухару; 4) Дальний Восток, в составе: а) Амурской области—к северу от р. Амура и Манчжурской границы, б) Приморской области—часть побережья Тихого океана к северу от Владивостока и в) остального побережья Тихого океана, включая Камчатку [2]). Поэтому нам приходится говорить не о переселении в Сибирь, а во все перечисленные четыре географических района.

Эти районы во многих отношениях различны между собой. Сибирь представляет в западной части равнину, в восточной—плоскогорье, отделенное от Тихого океана цепями гор. Она перерезывается мощными, многоводными реками (Обь, Енисей, Лена и др.). Весьма суровый (сходный с западно-канадским) климат западной Сибири на востоке достигает исключительной суровости. Тем не менее большая часть

---

[1]) Тюркская народность, получившая от русских наименование „киргизов" в действительности называет себя казаками (кроме сравнительно малочисленной родственной народности, именуемой кара-киргизами). В настоящее время поэтому автономная республика этой народности, в которую вошли б. Степной Край и север Семиречья, называется Казакской АССР.

[2]) Таково подразделение в многотомном географическом труде „Россия" под редакцией Семенова-Тянь-Шанского, а также и в переселенческой статистике. Теперь, с изменением административных границ и образованием ряда национальных республик, деление существенно переменилось, однако, основными единицами остаются 1) Сибирь, 2) Казакская АССР, 3) Узбекистан и Туркменистан в Средней Азии и 4) Дальний Восток.

АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

территории покрыта лесом (тайгой), полоса которого в ширину достигает 1.000—2.300 километров. Безлесная тундра простирается только на 300—500 километров от берегов арктического моря [1]). И лишь на южных окраинах лес переходит в лесостепь. В западной Сибири (на юг от которой лежит Степной Край), эта лесостепь располагается в равнинной местности. В центре и на востоке она появляется в плодородных предгорьях Алтая и в долинах Забайкальских гор. В промежутках между названными более обширными пространствами лесостепи встречаются и меньшие отдельные ее участки.

Двигаясь по Сибири с севера на юг, мы иногда еще раньше перехода в лесостепь встречаем черноземную почву. Она в некоторой части заросла лесом. Черноземная полоса за Уралом составляет продолжение такой же полосы по ту сторону Урала и тянется через южную часть западной Сибири и северную окраину казакских степей, а затем через южную часть центральной и восточной Сибири вплоть до манчжурской границы. Сибирская железная дорога разрезает ее по продольной линии приблизительно пополам.

В западной Сибири вместе с Степным Краем ширина черноземной полосы составляет 300—500 километров. Дальше вглубь Степного Края черноземная почва переходит в менее плодородную каштановую (полоса приблизительно

[1]) Кроме Чукотского полуострова, на огромных пространствах покрытого тундрой.

такой же ширины), затем в бурую, поросшую полынью, потом в серую и, наконец—в бесплодный песок пустыни.

В Степном Крае (ныне Казакстан или Казакская АССР) главной климатической проблемой является уже не вопрос о температуре, а вопрос об осадках. Недостаток влаги делает земледелие рискованным или почти невозможным и на части каштановых почв, не говоря уже о местностях, лежащих дальше к югу.

Песчаная сухая пустыня, составляющая южное окончание Степного Края, отграничивает с севера Туркестан и занимает большую часть его пространства. Но по долинам рек, текущих в Аральское море, и на отдельных крупных площадях в сторону от них возможно земледелие при помощи орошения. А по мере дальнейшего движения на юг и восток, приближения к Тянь-Шанскому хребту, появляется и достаточно осадков, а также превосходная черноземная почва. Эти условия имеются налицо и долинах Семиречья (но не в северных его частях, примыкающих к казакской степи).

Наконец, Дальний Восток существенно отличается от всех перечисленных районов. Он обладает нечерноземной лесной почвой, избыточно увлажненной и на севере даже болотистой. Климат здесь весьма суров зимой и—под влиянием моря—влажен летом. Лес редок лишь по берегу Амура. Большую же часть территории и здесь покрывет густая тайга.

Предшествующее намечает географические предпосылки и ограничительные условия для земледельческого заселения страны. Что же касается промышленности, то в сибирских и дальневосточных лесах имели и имеют большое распространение охота и рыболовство, лесная же промышленность при колоссальных возможностях совершенно неразвита, вследствие неразвитости путей сообщения. Ископаемым, которое здесь чаще всего открывалось и разрабатывалось, является золото [1]).

В средней зоне бывшей азиатской России, вдоль железной дороги и преимущественно к югу от нее, найдена масса разнообразных ископаемых, из которых часть довольно давно уже и разрабатывалась—в небольших масштабах. Каменный уголь через известные промежутки встречается по всей линии Сибирской и Амурской жел. дороги, а также на тихо-

---

[1]) Конечно, не потому, что других ископаемых там нет. Известны, например, огромные залежи каменного угля в Туруханском Крае, богатые месторождения каменной соли на реке Вилюе и т. д. Но поиски других ископаемых были экономически бесцельными, так как только золото выдерживало огромные расходы, связанные с промышленным производством в стране холодной, безлюдной, отдаленной и бездорожной. Именно поэтому, как мы сейчас увидим, главные открытия ископаемых сделаны в местах близких к железной дороге и к другим оживленным путям сообщения.

океанском побережье. Много встречается и железной руды. Имеются все предпосылки для мощной металлургии в Алтайском районе. В Степном Крае есть ряд медных месторождений, разрабатывавшихся уже и в доисторические времена; имеются таковые и в Забайкалье. В ряде мест найдены серебро, свинец, цинк, графит, ртуть, радиевая руда. Нефть разрабатывается в Туркестане, найдена на берегу Байкала и в Приморье (не говоря уж о Сахалине). Наиболее богатыми в отношении ископаемых районами, вероятно, являются предгорья Алтая, Степной Край, Забайкалье, предгорья Тянь-Шаня и Приморье. В том же приблизительно порядке можно расположить их и по степени промышленного развития, которое везде было весьма слабым [1]).

Касаясь того, что можно назвать первоначальными кадрами народонаселения в бывшей азиатской России—также составлявшими ограничительный для иммиграции фактор—отметим только три важнейших обстоятельства. 1) Туркестан—страна с древнейшей культурой, интенсивным земледелием восточного типа, основанным на орошении, и с значительной плотностью населения в отношении к данной площади при наличных способах ее использования. 2) Степной Край с древнейших времен был транзитным районом для кочевых народов, двигавшихся из Азии в Европу, и территорией, которая и в позднейшее время, с точки зрения потребностей кочевого хозяйства, была заселена достаточно сильно (конечно, не с точки зрения хозяйства оседлого). 3) Довольно значительную массу составляли также скотоводы-монголы в Забайкалье и оказавшие первое сопротивление завоеваниям Москвы тюрко-татары в Зап. Сибири.

Имея в виду все эти обстоятельства, мы поймем, почему власть московских царей первоначально проникла в Сибирь (по следам новгородских купцов и завоевателей) в конце XV века на крайнем северо-западе, у впадения Оби в Ледовитый океан, а в течение последующих полутораста—двухсот лет постепенно продвигалась к Тихому океану в пределах почти исключительно северной лесной зоны. Московских „гостей“ (купцов) и стоявших за ними московских царей не только привлекали пушные богатства севера; отряды московских войск и казаков встречали здесь и наименьшее сопротивление со стороны северных охотничьих племен. Лишь во второй половине XVII века московские завоеватели выдвинулись из лесов в западно-сибирскую и забайкальскую лесостепь. В начале XVIII века они заняли Алтай, а затем и северную, более плодородную часть степей. И лишь с перерывом почти в сто лет (при Николае I) произошло присоединение южной

[1]) Даже текстильная промышленность, при довольно обширном производстве хлопка в Туркестане, здесь почти не была развита.

части этих степей (включая и север Семиречья), а затем в 50—60-х г. г. XIX века (при Александре II) была завоевана большая часть Туркестана и Дальне-Восточная область.

Имея в виду такое направление и последовательность экспансии, ясно, что о возможности более обширной миграции в Азию можно говорить лишь начиная с XVIII века. Московские и петербургские властители весьма заботились о вселении хотя бы небольшого числа своих подданных в завоеванные области, границы которых долго оставались весьма зыбкими. Но с начала XVII века развитие крепостного права стало сильно этому препятствовать. Добровольцев из свободных людей находилось немного. Принудительная колонизация путем: 1) создания военных казачьих поселений и 2) в особенности направления в Сибирь преступников и ссыльных стала надолго основным средством. Немало шло в Азию также и беглых помещичьих крестьян, а также приверженцев преследуемых религиозных сект, старавшихся укрыться в наиболее недоступных местах. Последние составляли авангард колонизации, напоминая отчасти американских „скваттеров".

В 1896—97 г. г. население Сибири (повидимому включая и оседлое население степной окраины) составляло 939 тыс. человек [1]). В числе их было 363 тыс. „инородцев" (т.-е. фактически—сибирских туземцев) и 576 тыс. пришельцев из-за Урала и их потомков. Во всей Российской Империи в это время считалось 36 миллионов жителей. Эти цифры (хотя и преуменьшенные, вероятно, в отношении Сибири) показывают, насколько слабы были итоги колонизационной деятельности Москвы и С.-Петербурга. Лишь в XIX веке, после падения крепостного права, да и то не сразу, население б. Азиатской России достигает более крупных размеров, и оно начинает быстро расти, за счет притока из-за Урала, после открытия Сибирской жел. дороги в 1897 г.

Сопоставим данные о наличии народонаселения в конце XVIII века, на исходе крепостного права (в 1858 г.), по переписи 1897 г. (совпавшей с открытием Сибирской жел. дороги) и в начале 1915 г., непосредственно после начала мировой войны [2]). К этим данным полезно присоединить цифру переписи 1926 г. Хотя между 1915 г. и переписью 1926 г. лежат две войны (мировая и гражданская), связанные с убылью и перемещением населения, все же данные 1926 г., как наи-

---

[1]) Так выходит по данным Гагемейстера („Статистическое обозрение Сибири", II, С.-Петербург, 1854). По другим данным, одних русских в это время было 554 тысячи человек м у ж с к о г о пола („Колонизация Сибири в связи с переселенческим вопросом", С.-Петербург, 1900, стр. 44).

[2]) За 1796—97 г. г.—по Гагемейстеру, за 1858 г. по „Статистическим Таблицам Росс. Империи" изд. 1863 г. (одна из первых работ Центр. Стат. Комитета, представляющая сводку разнообразного материала о наличном народонаселении), за 1915 г.—исчисление ЦСК.

более точные из всех, когда-либо собиравшихся на пространстве бывшей России, контролируют цифру 1915 г. и помогают раскрытию общей тенденции.

Вот что показывают нам эти данные (в тысячах человек):

	1796—97	1858	1897 (28 янв. ст. стиля)	1915 (на 1 янв. ст. стиля)	1926 (17 дек. нов. стиля)
Сибирь. . .	939	2.914	5.387	9.409	11.771
Дальний Восток . . .	—	22 [1]	372	969	1.278
Степной Кр.	—	1.295 [2]	2.466	4.017	3.884
Туркест. н. .	—	—	5.281	7.237	7.016
			13.506	21.632	23.949

[1]) Только Приморская Область. По данным 1863 г., население всего Дальнего Востока—50 тыс.

[2]) Без „Земли Дикокаменных Киргизов" (небольшая цифра) и с исчисленным населением кочевников Зауральской Степи.

За 61 год (1797—1858 г.) народонаселение Сибири увеличилось в три раза, однако, больше за счет естественного прироста (около 1,6% в год), чем за счет притока извне; за последующие 39 лет оно возросло на 85%, а затем в течение всего 18 лет (1897—1915) обнаружило возрастание в 68%. За этот последний период все азиатское население увеличилось на 56%.

Наиболее быстрый прирост обнаруживается на Дальнем Востоке, как в районе непосредственно связанном с тихоокеанскими рынками и мореходными сообщениями. Затем следует Сибирь (особенно Алтай), далее идет Степной Край (более удаленный от Сибирской магистрали) и, наконец, наиболее плотно заселенный Туркестан. Но и в последнем за 18 лет, до 1915 г. народонаселение увеличилось на 35%. Быстрый прирост населения в Степном Крае (60% за 18 лет) сигнализирует большое давление на пастбищные земли кочевников и явился одним из факторов, подготовивших кара-киргизское восстание 1916 г. и частичный уход кочевников в Китай[1]).

Возьмем теперь данные собственно о миграции. Они покажут нам, каким темпом и из каких источников происходило увеличение народонаселения б. Азиатской России в XIX веке и начале XX века, проистекавшее не из естественного размножения ее обитателей. Ниже приводятся (в тысячах человек) сведения о количестве осевших в Азии переселенцев, с разбивкой преимущественно по десятилетиям. Учету подвергались две категории: 1) переселенцы-крестьяне, регулярно регистрировавшиеся с 80-х гг. и весьма точно—с 1896 г.;

[1]) Этим, а также удалением после революции из степей части переселенцев, насильственно захвативших лучшие земли кочевников, вероятно, об'ясняется сокращение населения между 1915 г. и 1926 г. в Степном Крае и Туркестане, если только исчисление за 1915 г. здесь вообще является надежным.

2) принудительно переселяемые заключенные и ссыльные,[1]) учет которым велся постоянно, но в печати освещался отрывочно. Не подпадали под регистрацию: 1) „нелегальные" переселенцы во времена крепостного права, 2) горожане и 3) промышленные рабочие, перетекавшие из б. Европейской России в Азиатскую. Три последних категории поэтому в таблицу войти не могут. Данные же о первых двух имеют следующий вид[2]):

	Общий итог по периодам (В тысячах)			В среднем за год (В тысячах)		
	Переселен.-крестьян.	Заключ. и ссыльн.	Итого	Перес. крест.	Заключ. и ссыл.	Итого
1801—50	125	250	375	2,5	5,0	7,5
1851—60	91	100	191	9,1	10,0	19,1
1861—70	114	140	254	11,4	14,0	25,4
1871—80	68	180	248	6,8	18,0	24,8
1881—90	279	140	418	27,9	14,0	41,8
1891—900	1,078	130	1,185	107,8	13,0	120,8
1901—10	2,257	(25)	2,282	225,7	(2,5)	228,2
1911—14	696	(27)	724	174,1	(6,4)	180,5
1801—1860	216	350	566	3,6	5,8	9,4
1861—1896	1,035	864	1,899	28,8	24,0	52,8
1897—1914	3,458	(98)	3,556	192,1	2,7	194,8
1801—1914	4,709	1,312	6,021	41,3	11,5	52,8

За сто лет, начиная с 1801 г., в б. Азиатской России осело 5.433 тысячи пришедших из Европейской России людей названных двух категорий. За 114 лет вплоть до начала мировой войны, число их составило 6.021 тысяч человек. В отношении пробелов в таблице и не входивших в учет категорий предположительной восполняющей цифрой за все XIX столетие можно считать не более 600 тысяч человек, а за период

---

[1]) Заключенные, ссылавшиеся „в каторжные работы", составляли контингент рабочих на государственных рудниках и заводах, ссыльные же (к которым присоединялись и заключенные по отбытии срока принудительных работ) преимущественно занимались земледелием.

[2]) Эти данные извлечены и сведены проф. Лубны-Герцыком, на основании оффициальных печатных материалов („Колонизация Сибири", „Итоги переселенческого движения"), а также опубликованных отдельными исследователями (Ядринцев, Кирьяков, Кауфман) имевшихся в их распоряжении материалов. До середины XIX века материалы отрывочны и неполны. Их приходилось сопоставлять с данными о наличии народонаселения за разные годы и производить поверочные исчисления. Также и за позднейшие сроки (до 80-х гг.) приходилось прибегать к косвенным выводам и исчислениям при группировке данных по декадам. Обратное движение крестьян-переселенцев учтено только с середины 90-х гг. До этого оно, впрочем, было весьма незначительно.

За последние годы в данных о заключенных и ссыльных иногда имеются пробелы. Мы получили цифры за 1901—10 и 1911—14 гг. путем помножения на 10 и 4 среднего числа за имеющиеся 8 лет и 3 года. Цифры крестьян-переселенцев за 1801—50 гг. округлены с 83.800 до 125 тысяч, дабы учесть число нелегальных переселенцев.

с начала XIX века и по 1915 г.—не более 1.100 тысяч. [1]) Весь же отлив населения из Европейской части империи в Азиатскую предположительно составил: за 1801—1900 гг. около шести с небольшим миллионов людей и за 1801—1914 гг. свыше семи миллионов людей.

Припомним, что за 1828—1915 гг. чистый отлив российских подданных за границу составил $4^1/_2$ миллиона человек. Отсюда видна справедливость замечания, что отлив на Восток, в азиатскую часть империи, составлял мощный противовес отливу на Запад—в Америку и Европу; при этом до XX века первый доминировал над вторым и лишь в XX столетии они уравновесились.

Судя по цифрам миграции крестьян и ссыльных (которые составляют 85% всей миграции за 114 лет), переселение в Азиатскую Россию стало принимать обширные размеры десятилетием позже, чем заграничная эмиграция: с восьмидесятых годов, а не с семидесятых, как это имело место в отношении эмиграции. При этом кульминационным периодом азиатской миграции оказывается первое десятилетие XX века (228 тыс. переселенцев в год), во втором же десятилетии нового века движение на Восток, еще до начала войны, ослабевает (180 тыс. человек в год).

Разделяя взятые 114 лет на три эпохи: до освобождения крестьян (1861 г.), от этой даты до открытия движения по Сибирской жел. дороге (1897 г.) и, наконец, до начала войны, мы получаем, что за первый период миграция составила 9,4% от общей суммы, за второй—31,5% от нее и за последний—59,1% от общего количества переселившихся. Эти цифры ярко

---

[1]) „Нелегальные" переселенцы за 1801—50 гг. в нашей таблице учтены. Что касается промышленных рабочих, то все их количество (без семей) к концу XIX века было около 100 тысяч, а с семьями вряд ли более двухсот, причем большая их часть вербовалась из местных жителей или уже учтенных нами крестьян-переселенцев. Даже и 100 тысяч рабочих-переселенцев за все XIX столетие является преувеличенной оценкой. Что касается горожан, то перепись 1897 г. нашла в Азиатской России 283 тыс. жителей городов, родившихся за Уралом. Большая часть их прибыла туда в 80-х и даже 90-х гг., а не составляет остаток ранее прибывших и постепенно вымиравших переселенцев. Много среди них и осевших в городах крестьян-переселенцев. Общее число горожан, прибывших в XIX веке из за Урала и осевших в Азии, можно оценить в полмиллиона человек. Таким образом, получаем итог за XIX век в размере не свыше 600 тысяч, куда входят и все неучтенные мелкие категории.

За 1897—1915 гг. городское население Азиатской России возросло, по исчислению Центрального Стат. Комитета, на 1.506 тыс. человек. Примем, что 40% этого числа прибыло из-за Урала (правда, население азиатских городов было в 1897 г. лишь на 20% происхождением из Европы, но с открытием железной дороги процент пришельцев должен был увеличиться). Из полученных 600 тыс. чел. около 450 тыс. прибыло уже в XX столетии. Эту цифру можно округлить до 500 тыс., чтобы учесть возможный приток рабочих (численность которых возросла в полтора раза по сравнению с концом XIX века) и неучтенные категории.

показывают, какое значение имели эти поворотные моменты для рассматриваемого явления. Еще ярче обрисовывается разница, если взять среднее годовое количество переселяющихся: оно возрастает во втором периоде по сравнению с первым более, чем в пять раз и затем вновь увеличивается почти в четыре раза в третьем периоде по сравнению со вторым.

Наша таблица показывает также, какое значение для заселения Сибири (не Средней Азии) имела принудительная миграция, и притом не только во времена крепостного права. Принудительная миграция перевешивает вплоть до 80-х гг., с этого времени возросшая добровольная миграция опережает ее все более сильно [1]). За все 114 лет более миллиона трехсот тысяч человек были таким образом переселены в Сибирь.

Бросим теперь взгляд на динамические тенденции зауральской миграции по отдельным районам. Мы можем сделать это с полной точностью только за период 1896—1914 гг. и только в отношении крестьян-переселенцев, которых с 1896 г. правильно регистрировала статистика т. н. переселенческого управления[2]). Однако, этот период—самый важный в истории русско-азиатской миграции, а крестьяне составляли огромное большинство переселяющихся. Разбивая период по пятилетиям (последнее звено—только четыре года), получаем такую картину:

Количество осевших переселенцев (разность между прямым и обратным движением переселенцев семейных и одиноких, а также ходоков).

	1896—1900	1901—1905	1906—1910	1911—1914	За 19 лет.
Сибирь . .	514 (76,7%)	141 (57,3%)	1.204 (59,9%)	385 (55,3%)	2244 (61,9%)
Даль. Восток	23 (3,5%)	32 (12,9%)	213 (10,6%)	80 (11,6%)	348 (9,6%)
Степ. Край.	131 (19,6%)	73 (29,5%)	564 (28,0%)	181 (26,0%)	949 (26,2%)
Туркестан .	1,5 (0,2%)	0,7 (0,3%)	30 (1,5%)	50 (7,1%)	82 (2,3%)
Итого . .	670 (100%)	246 (100%)	2.011 (100%)	696 (100%)	3.623 (100%)

Здесь интересны прежде всего колебания всего движения в целом. Поднявшись на большую высоту еще до открытия Сибирской дороги (за первое пятилетие 90-х гг. число переселенцев-крестьян составило 408 тысяч, которые ехали тогда в Сибирь на лошадях, а иногда даже шли пешком, „везя на тачке детей и незатейливый багаж“[3]), движение еще более возросло во втором пятилетии 90-х гг. Затем кривая круто опускается вниз, под влиянием сперва неурожаев 1901—1902 гг. в Сибири, затем начавшихся в б. Европейской России волнений кре-

---

[1]) В 1900 г. формально была отменена ссылка в Сибирь. Фактически она сохранились в виде „ссылки в местности к тому предназначенные“, куда входили некоторые сибирские губернии и о. Сахалин. Реальным результатом было сильное сокращение ссылки.

[2]) См. „Итоги переселенечского Движения“, два выпуска (за 1896—1909 и за 1910—1914 гг.) СПБ, 1910 и 1916.

[3]) А. А. Кауфман, «Переселение и колонизация», С. Петербург, 1905, с. 35.

стьян, которые стремятся добиться „лучшей доли" в родной деревне, вместо ухода на Восток, и наконец, вследствие разгоревшейся в Манчжурии войны[1]). Крестьянское движение, достигнув кульминации в 1905—1906 гг., не дает результатов, ожидавшихся крестьянами (дополнительного наделения землей); на сцену появляется уже упоминавшаяся „столыпинская реформа". В результате—колоссальное передвижение на Восток, начиная собственно с 1907 г.; оно совпадает с таким же приливом крестьянской эмиграционной волны преимущественно в западных губерниях. „Но уже с 1909 г. началось понижение кривой движения, и все более резкое, об'яснимое лишь сокращением земель пригодных для колонизации"[2]). Ибо, как показал уже в общих чертах наш географический очерк, запас земли в б. Азиатской России, пригодной к немедленному заселению, без расчистки лесов, проведения дорог, бурения колодцев (в сухой степи), наконец, без стеснения хозяйства кочевников-скотоводов, был вовсе не безграничен. Переселенческая литература, начиная с Кауфмана, полна указаний на то, что готовых к заселению земель становится все меньше, что работа переселенческих органов даже по отводу земель (не говоря уже о дорожных, гидрологических работах и т. д.) отстает от размаха движения, что землю приходится разыскивать уже и в лесных районах, куда переселенцы из европейских степей идут неохотно, и т. п.

Порайонные цифры подтверждают только что сказанное. Доля Сибири, как поглотителя переселенческой массы, в общем убывает. Доля Дальнего Востока, возросшая с началом XX века, остается константной. Резервными районами оказываются сперва Степной Край, а в позднейшее время—Семиречье (которое выступает в таблице под заголовком „Туркестан"). При этом в Семиречье, как и в Степном Крае, этот резерв был получен только путем нажима на землеобеспечение казаков (киргизов), которому предшествовало специальное квази-статистическое обследование[3]).

Какую роль играли в переселении крестьян азиатская степь и лесостепь, показывает нижеследующая табличка, где по Сибири, Степному Краю и Туркестану выделены губернии и области, включающие степные и полустепные местности. Табличка относится только к осевшим в Азии семейным переселенцам-крестьянам за период 1896—1914 г.[4]).

---

[1]) И. Л. Ямзин в своей содержательной работе „Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян" (Киев, 1912) отмечает эти моменты на сс. 14 и 16.

[2]) Ямзин. l. c., c. 14.

[3]) См. об этом у И. Л. Ямзина и В. П. Вощинина„—Учение о колонизации и переселениях", Москва-Ленинград, 1926, с. 35—36.

[4]) Составлено по данным, приведенным в книге Ямзина и Вощинина, с. 132. Семейные переселенцы составляли подавляющее большинство в общей массе.

СИБИРЬ				СТЕПНОЙ КРАЙ		
Все губернии	Томская (включает Зап. Алтай)	Енисейская (вкл. Вост. Алтай)	Тобольск. (зап. сибир. лесо-степь)	Все области	Акмолинск. (главная масса чернозем. степи)	Тургайск (остаток чернозем степи)
2.092	1.385	350	256	919	542	210
(100%)	(66%)	(17%)	(12%)	(100%)	(59%)	(23%)

ТУРКЕСТАН	
Все области	Семиречье
76	59
(100%)	(78%)

95% сибирских переселенцев осело в предгорьях Алтая и в зап.-сибирской лесостепи; 82% переселенцев степного района осело на черноземе или поближе к нему; наконец, 78% туркестанских переселенцев осело в Семиречьи — в степи и лесостепи, примыкающей к казакскому (киргизскому) краю. Процесс этот происходил в шести из всех четырнадцати губерний и областей взятых районов, и притом не на всем пространстве этих шести губерний и областей.

Подобно тому как в отношении эмиграции мы ставили вопрос не только о том, куда направлялись российские эмигранты, но также и откуда, из каких губерний они выходили, мы должны теперь рассмотреть последний вопрос и в отношении внутренней азиатской миграции. Сгруппируем губернии европейской части б. империи в крупные районы: 1) „Черноземный центр“ в том более широком понимании, которое мы придавали этому понятию в предшествующей главе, следуя Ю. Э. Янсону; 2) „Запад“, т.-е. „Северо-Запад“ черты оседлости [1]) и украинские губернии правого берега Днепра—главные очаги эмиграции, не считая Польши, и район преимущественно батрацкого, а не крестьянского аграрного движения; 3) „Южные степи и Кавказ“, лежащие на юг от „Черноземного центра“ [2]), 4) „Восток“—географическая антитеза „Западу“, также имеющая свою северную (лесистую) и южную (полустепную и степную) части, и 5) „остальные губернии“, куда входит все остальное до берегов Белого и Балтийского морей, в том числе промышленный район вокруг Москвы; сюда же

---

[1]) Напомним, что сюда входит и Витебская губерния, весьма сходная с Минской, которая раньше у нас осталась в стороне, так как из нее не было известий об эмиграции.

[2]) Кавказ здесь обозначает преимущественно северо-кавказские степи. Из 52.700 кавказских переселенцев 1896—1914 г. 50.700 вышли из Ставропольской губернии, Кубанской и Терской области.

присчитываются ничтожные цифры переселения из Польши [1]). Такого рода группировка опирается отнюдь не на одни только географические предпосылки: наши районы определенно различаются между собой своими экономическими и в частности аграрными условиями.

ГРУППЫ ГУБЕРНИЙ, ОТПУСКАВШИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЗА УРАЛ.

Вот какова процентная доля каждого из этих крупных районов в движении переселенцев за разные сроки (подчеркиваем, что здесь берется только прямое движение и только одних семейных крестьян-переселенцев).

---

[1]) Мы пользуемся в ниже приводимой таблице сводками, сделанными Ямзиным в уже упоминавшихся двух его книгах. Мы только соединяем вместе более дробные даваемые им районы и переносим Саратовскую губернию в „черноземный центр". Кроме того, мы исправляем по „Итогам переселенческого движения" суммарную цифру переселенцев за 30 лет, которая у Ямзина почему-то оказывается на 6 тысяч больше.

	1885—8 г.г.	1890—94 г.г.	1895—99 г.г.	1900—04 г.г.	1905—09 г.г.	1910—14 г.г.	За 30 лет
	В процентах						
Черноземный центр	70	78	65	44	46	36	49
Запад	2	0,4	12	29	25	16	19
	72	78	77	73	71	51	68
Южные степи и Кавказ	—	0,2	5	15	14	27	15
Восток	27	22	14	8	9	16	13
Остальные губернии	0,5	—	4	4	6	6	4
	100	100	100	100	100	100	100
Итог в тысячах человек	84	283	659	447	1.838	1.069	4.380

При первом же взгляде на таблицу обнаруживается, что описанные в предшествующей главе два района с наиболее запутанными аграрными условиями и пережитками феодальных отношений (черноземный центр и запад) поставляют главную массу переселенцев за Урал. За тридцать лет из них вышло почти 70% от общей массы или три миллиона человек. Половина же всех переселенцев вышла из 11 губерний черноземного центра.

Оба эти района сохраняют подавляющий перевес вплоть до последнего пятилетия, когда общие размеры движения уже сократились [1]). В этом последнем пятилетии черноземный и западный районы дают лишь несколько более половины всех переселенцев. Но даже, если не считать этого пятилетия, то с ходом времени доля черноземного центра (но не напряженность эмиграции из него) в общем сокращается, а доля Запада, более отдаленного от Сибири и сперва вовсе не участвовавшего в переселении, в общем растет.

Южные степи также сперва вовсе не участвовали в переселенческом движении. С середины 90-х г.г. в них возникает миграция на Восток, в XX веке она занимает видное

---

[1]) Размеры этого сокращения вуалируются при данной группировке годов тем, что к 1911—14 г.г. присоединен 1910 г., еще сравнительно обильный переселенцами, а к предыдущему пятилетию добавлен 1905 г.—год крайнего упадка движения. Порайонная таблица осевших в Азии переселенцев, приведенная раньше, обнаруживает кризис переселенческого движения перед войной гораздо отчетливее. Там мы видим, что за 1906—10 г.г. в Азии ежегодно оседало 402 тыс. человек, а в 1911—14 г.г.—только 174 тыс. человек, т.-е. на 57% меньше.

место в общей сумме, а за последнее пятилетие начинает играть очень крупную роль. Восток, наоборот, играет значительную роль в начале взятого периода. Надо подчеркнуть, что в это время доминирует переселение с лесистого северо-востока (главным образом из Вятской губернии). Затем участие Востока в переселении слабеет, но вновь возрастает к концу периода, особенно за последнее пятилетие. И в это время доминирует переселение уже из средней и южной его части, из полустепных и степных местностей (особенно из Самарской, Уфимской и Казанской губерний). В общем итоге обнаруживается значительное усиление миграционного движения, особенно в последнее пятилетие, из всей степной полосы б. Европейской России, взятой в целом.

Остальные губернии весьма слабо участвуют в переселении, при чем более половины их переселенцев вышло из губерний Смоленской и Псковской, прилегающих к западной группе губерний [1]).

Из предшествующего ясно, что подавляющая масса переселенцев вышла из лесо-степных и степных местностей б. Европейской России (свыше 80%). Жителями лесистых районов были только выходцы из северной части Западного района и северной части Восточного, отчасти из Черниговской губернии [2]) и пары-другой „остальных губерний". Это и составляет важное дополнительное объяснение тому факту, что переселенцы оседали в подавляющем большинстве на южной окраине сибирской тайги, а также в азиатской степи. Привычный способ ведения земледельческого хозяйства толкал их именно сюда, и в более лесистые местности удавалось направлять только

---

[1]) Дабы более конкретно наметить очаги переселенческого движения, приведем здесь список губерний, отпустивших за 1885—1914 г.г. более 100 тыс. семейных переселенцев.

Черноземный центр: 1) Полтавская (422), 2) Курская (309), 3) Черниговская (295), 4) Воронежская (237), 5) Харьковская (220), 6) Тамбовская (198), 7) Орловская (161), 8) Пензенская (114), 9) Саратовская (100). Всего из района за 30 лет—2.160 тысяч.

Запад: 1) Могилевская (215), 2) Киевская (188), 3) Витебская (142). Всего из района за 30 лет—838 тысяч.

Южные степи и Кавказ: 1) Екатеринославская (203), 2. Херсонская (157), 3) Таврическая (123). Всего из района за 30 лет—635 тысяч.

Восток: 1) Самарская (157), 2) Вятская (127). Всего за 30 лет—552 тыс.

Среди „остальных губерний" нет ни одной, давшей свыше 100.000 переселенцев.

Интересно отметить, что из общего числа 4.380 тыс. переселенцев, Полтавская, Курская и Черниговская губернии дали 1.026 тысяч (23,4%) переселенцев.

[2]) Большинство переселенцев Черниговской губернии шло из ее северных лесных уездов.

тех переселенцев, которые в аналогичной обстановке находились и на родине [1]).

* * *

В предшествующей главе был достаточно подробно освещен вопрос о предпосылках и движущих силах эмиграции из Западного района. Сказанное там целиком приложимо и к объяснению внутренней миграции на Восток. Теперь можно добавить, что если эмиграция развилась на Западе, среди белорусских и украинских крестьян, сравнительно поздно (тогда как польские и литовские батраки и крестьяне уже давно массами уходили за рубеж), если, далее, эмиграция с особенным запозданием появилась в Могилевской губернии, а об эмиграции из Витебской мы не имеем известий — то, очевидно, усиленная миграция на Восток сыграла тут немалую роль, как противодействующий фактор. При этом на Восток уходили преимущественно не с.-х. рабочие, а малоземельные и бедные крестьяне. Последние хоть с трудом, но еще могли оплатить издержки переезда и обзавестись хозяйством на новом месте.

Тот же элемент малоземельного и бедного крестьянства доминировал и среди переселенцев из черноземного центра. Общая обстановка в этом районе очерчена выше. Нам остается добавить к сказанному раньше статистическую характеристику аграрных отношений в 10 губерниях черноземного центра (Полтавскую мы оставляем в стороне, так как материал о ней приведен выше). Она делается по тем же материалам, как и раньше, с добавлением данных об аренде крестьянами частновладельческой земли: 1) по оффициальным, сильно преуменьшенным данным (здесь дается процентное отношение всей площади арендованной удобной земли ко всей площади крестьянской удобной надельной земли) и 2) по земским данным (здесь в одних случаях дается процентное отношение арендованной пашни и сенокоса, или посева на арендованной земле, к соответствующей части надельной земли, в других случаях во внимание принимается вся удобная земля).

Уже с первого взгляда на таблицу (с. 93) заметна разница с приводившимися ранее данными о западном „эмиграционном" районе. Процент вовсе не имеющих земли здесь гораздо ниже. Также и процент безлошадных не может итти в сравнении

---

[1]) На это обстоятельство обращает внимание уже Кауфман: „Степные участки, особенно привлекая степняков и вообще переселенцев из черноземной России, не пренебрегаются выходцами и из местностей промежуточного характера и даже из лесных районов; напротив, лесные участки сколько нибудь охотно заселяются только выходцами из лесных районов" (1. с., стр. 242). Впоследствии это положение было вполне подтверждено точными статистическими данными.

с тем, какой мы наблюдали в юго-западной Украине и Полтавской губернии. В обоих отношениях только Харьковская губерния несколько к ним приближается. Как уже отмечено, наследие крепостного права здесь состояло не в лишении земли и лошадей массы сельского населения, а в наличии множества однолошадных и малоземельных крестьян, вынужденных арендовать помещичью землю на тяжелых условиях. Если сложить вместе безлошадных и однолошадных, то минимальный процент таковых будет 56% (Курская губ.), максимальный—90% (Харьковская), в среднем же получается 68%.

	% безземельных хозяйств	% безлошадных хозяйств	% хоз., имеющих надел		% площади надельной земли у дворов с наделом до 8 десят.	% крестьянской земли (купч. и наделын.)	Тоже частно-владельческ.	% площади имений свыше 1.000 десят.	% арендов. земли.		% лиц, имевших побочн. занятия, кроме сел. хоз.
			До 5 дес.	До 8 дес.					По официальн. данн.	По земск. данным	
За какое время приводятся цифры	1893	1899 1901	1905		1905	1905	1905	1905	1901	—	1897
1. Тульская	3,9	27,8	28,1	81,6	69,2	59,1	36,7	33,2	10,8	21,2 [1]	20,4
2. Рязанская	3,5	29,4	26,6	75,5	60,6	62,4	28,7	37,4	4,6	15,5 [6]	21,3
3. Орловская	3,4	29,0	19,0	74,3	61,1	59,7	29,9	47,4	3,4	19,2 [2]	18,7
4. Курская	2,1	25,6	31,6	63,4	42,2	71,4	25,7	31,8	4,7	20,8 [6]	19,9
5. Пензенская	3,2	26,3	23,1	58,9	41,2	60,7	29,4	69,0	8,4	12 [3]	20,0
6. Тамбовск.	2,9	29,4	25,1	64,9	49,3	56,7	30,7	63,2	5,2	15,9 [6]	18,6
7. Черниго в.	3,9	28,2	39,3	72,7	55,1	69,0	25,8	49,9	1,9	15,4 [6]	17,9
8. Харьковск.	6,4	35,8	36,4	63,9	41,8	70,6	24,4	54,5	4,5	15,2-21,6 [4]	13,7
9. Воронежск.	3,8	27,8	14,5	36,0	19,7	73,4	21,6	59,8	4,3	15,9 [6]	16,1
10. Саратовск.	5,4	25,9	21,1	43,8	21,9	63,1	24,8	78,8	14,6	37,4 [5]	16,1
Ср. по 50 губ. Евр. России	7,0	29,3	23,8	51,5	22,5	41,4	19,5	58,6	6,0	—	19,6

---

[1]) Перепись 1911 г.; отношение арендованных пашни и сенокоса к надельным пашне и сенокосу.

[2]) Перепись 1901 г.—Дмитровский и Кромской уезды, пашня и сенокос.

[3]) Выборочное обследование 1910—12 г.г.; отношение арендованной площади у д о б н о й земли к надельной.

[4]) 15,2—все уезды, кроме Старобельского, по переписи 1913 г., отношение посева на арендованной земле к посеву на надельной. 21,6—Старобельский уезд по переписи 1905 г., пашня и сенокос.

[5]) 1902 г. по данным текущий статистики, посевы на арендованной и надельной земле.

[6]) По земским данным, сведенным Комиссией „По оскудению центра" в 1901 г.; цифры представляют собой отношение у д о б н о й арендованной земли к удобной надельной.

Такое положение наблюдается в местности, почти лишенной лесов [1]), с сельским хозяйством зернового типа (только в Курской и Харьковской наблюдалось небольшое сравнительно развитие свеклосахарных посевов), типичным для полустепной или степной местности. В такой местности американский фермер запрягает в плуг три-четыре-пять лошадей и считает, что площадь „семейной" (или, как выражались русские народники, „трудовой") фермы составляет не менее 160 акров (59 десятин). Русский „фермер" в 68% случаев не имел и двух лошадей, а надел его не превышал 8 дес. (22 акров) минимально в 36% и максимально в 82% всех случаев. Однако, он не мог и перестать быть „фермером", так как побочных занятий у него, как видно из последней графы таблицы, было не выше средней нормы, или около нее.

При этом у 36—82% хозяев, имевших надел менее 8 дес., находилось в руках соответственно лишь от 20 до 69% надельной земли. Остальное сосредоточилось в руках лучше обеспеченных групп, которые владели также и большей частью купчей земли. Что касается арендуемой у помещиков земли, то: 1) с ходом времени фонд ее сокращался, так как более зажиточные крестьяне покупали землю у помещиков и 2) при росте арендных цен (которые за 1881—1901 г. г. возросли в большинстве губерний района вдвое) и конкуренции между крестьянами, большая ее часть опять-таки попадала в руки более богатых. Наша таблица не показывает нам той глубокой дифференциации, которая происходила в среде крестьянства района и которая делала положение большинства еще еще гораздо более тяжелым, чем это кажется на первый взгляд [2]).

Наш район не характеризуется столь же крупным процентом площади помещичьих земель, как западные губернии. Также и площадь больших имений (свыше 1.000 десятин) здесь, за исключением некоторых губерний, составляет меньшую долю. Это вполне естественно, так как большинство

---

[1]) Когда-то северная часть района была довольно лесистой. Но уже в 1887 г. в 10 губерниях района (без Пензенской, о которой нет данных) процент леса к общей площади составлял 13,0%. В Центральных же (прерийных) штатах Сев. Америки тот же процент равняется 14. (Zon and Sparhawk, „Forest Resources of the World", II, 521).

[2]) Вследствие того, что до войны в России не производилось сельско-хозяйственных переписей, полных и точных данных о распределении используемой земли среди отдельных групп крестьянства не имеется. Для конца 90-х г.г. В. Ильин (Ленин) на основании земских данных по 21 уезду подсчитал, что 50% более бедных крестьян имели в своих руках: от 33 до 38% надельной земли, от 0,4 до 15% купчей земли и от 5 до 16% арендуемой земли. Наоборот, 20% наиболее богатых крестьян располагали: от 29 до 37% надельной земли, от 60 до 99% купчей земли и от 51 до 84% арендуемой земли. Остальное приходилось на средние по зажиточности группы („Развитие капитализма в России", 2 изд., С. Петербург, 1908 г., с. 82—83).

крестьян района получило недостаточные наделы, но не было вовсе их лишено. Кроме того, к 1905 г. (за который в таблице приводятся данные) часть помещичьей земли уже была перепродана крестьянам: в 1877 г. в 11 губерниях района доля крестьянской земли была 57%, а доля помещичьей—36%. В 1905 г. доля крестьян составляла уже 65%, а доля помещиков—лишь 28%.

Тем не менее аренда крестьянами земли у помещиков и в XX веке здесь играла серьезную роль. Приведенные в таблице оффициальные данные касаются преимущественно коллективной аренды целыми крестьянскими обществами и дают процентное отношение удобной арендованной земли к такой же надельной [1]), а потому сильно преуменьшены. Сопоставляемые с ними земские данные, к сожалению, являющиеся разновременными и частичными, показывают, что коэффициент аренды был в действительности гораздо больше [2]). Отношение арендованной земли к надельной в среднем было 15—20 : 100, а не 5—10 : 100. По отдельным же уездам оно достигало и более высоких размеров, а по Саратовской губернии составляло 37% [3]).

Но еще существеннее, что этот коэффициент был гораздо выше также для отдельных „категорий" крестьян. Таких категорий было много, но наиболее интересными для нас являются 1) бывшие государственные крестьяне, до 1861 г. сидевшие на государственной земле и формально закрепощенные государству, 2) бывшие помещичьи крестьяне с нормальным наделом и 3) бывшие помещичьи крестьяне с т. н. „четвертным" или „дарственным" наделом.

Первая категория при „освобождении" получила (за уплату определенного выкупа) всю землю, которая находилась в ее пользовании до реформы. У второй были сделаны значительные „отрезки" [4]). Третья категория состояла из крестьян,

[1]) Между тем, крестьяне арендовали почти исключительно пашню и сенокос. А пашня плюс сенокос составляли в 1887 г. в 10 губерниях района лишь 79% удобной земли. Чтобы показать действительное значение аренды, надо сравнивать между собой лишь пашню и сенокос, или же посевы.

[2]) Показатели и здесь преуменьшены в тех случаях, когда данные касаются всей удобной земли.

[3]) По земским данным, опубликованным до 1904 г. и сведенным проф. А. А. Мануиловым, минимальные и максимальные коэффициенты (имеется в виду вся земля, а не только пашня и сенокос) по отдельным уездам составляли; в Рязанской губ.— 9—25%, Орловской—10—29%, Курской—6—30%, Тамбовской—8—30%, Черниговской—12—26%, Воронежской—6—31%, Саратовской—7—74%, Полтавской—39—70%.

[4]) По подсчетам Лосицкого („Выкупная операция", С.-Петербург, 1906 г.) в 21 черноземной губернии у крестьян было отрезано 26% ранее находившейся в их пользовании земли. В результате этого, а также того, что у государственных крестьян и до 1861 г. было больше земли, средний надел на хозяйство в 1905 г. у бывших государственных крестьян в Европ. России был 12,5 дес, а у помещичьих—6,7 десятины.

которые по соглашению с помещиком получали одну четвертую часть т. н. высшего надела, но зато получали без выкупа, бесплатно. Так как и „высший“ надел был совершенно недостаточным, то такие крестьяне фактически оказывались почти безземельными. Часть крестьян шла на это, рассчитывая арендовать землю у помещика, не будучи в то же время связана выкупными платежами. В действительности эти крестьяне попали в особенно тяжелое положение.

Совершенно очевидно, что арендой помещичьей земли в первую очередь занимались бывшие помещичьи крестьяне (обеих категорий), а не государственные: именно у них-то в 1861 г. была „отрезана“ земля, и земля эта находилась рядом, у их бывшего помещика. И в особенности были вынуждены наниматься арендой крестьяне с четвертным наделом.

Вот почему становится понятным большое переселенческое движенне из Курской губернии, хотя 71,4% земли здесь было в руках крестьян и только 25,7% в руках помещиков, а максимальный коэффициент аренды 30%. Здесь в 1905 г. было 190 тысяч хозяйств б. государственных крестьян и 145 тысяч—б. помещичьих. Но надельной земли у первых было 1.762 тыс. десятин, а у вторых—только 693 тыс. десятин, т.-е. в среднем на двор по 9,3 и по 4,8 десятины. Ясно, что б. помещичьи крестьяне здесь должны были поставлять главный контингент переселенцев. Ясно, также, что и коэффициент аренды у них должен был быть очень велик. Ибо, если отношение между всей крестьянской надельной землей и помещичьей составляло в 1905 г. 2,4 : 1, то отношение между надельной землей бывших помещичьих крестьян и помещичьей землей составляло только 0,7 : 1.

Что касается крестьян с четвертным наделом, то в Саратовской губернии таковых в момент „освобождения“ оказалось 33% от всех бывших там помещичьих крестьян. И хотя опять-таки в Саратовской губернии мы видим., что 63,1% земли находится в руках крестьян и только 24,8%—в руках помещиков и даже наделов до 8 дес. всего 43,8% от общего числа хозяйств, но ясно, что для переселения из этой „многоземельной“ губернии имеются солидные предпосылки у целой трети крестьянского населения. А что касается аренды, то здесь мы можем точно установить коэффициент ее для различных категорий: у крестьян с четвертным наделом он в 1901 г. составлял 107%, у б. помещичьих с нормальным наделом—26% и у б. государственных—9% [1]). Эти данные освещают ярким светом сказанное выше относительно Курской губернии и в ином виде представляют нам значение аренды.

---

[1]) См. „Материалы к вопросу о нуждах с.-х. промышленности в Саратовской губернии“, Саратов, 1903, статьи Серебрякова и Колобова.

То, что сказано выше о Курской губернии, приложимо к Черниговской губернии [1]), а положение в Воронежской губернии значительно напоминает Саратовскую губернию [2]).

На перечисленных выше губерниях мы особо остановились потому, что здесь показатели взаимоотношения между помещичьей и крестьянской землей не выражают положения вещей и могут породить недоразумения.

Таким образом, анализ почти одних только данных о поземельных отношениях (других мы не приводим для сокращения изложения и потому, что основная характеристика лежит в этой области), показывает, что большая часть крестьян испытывала здесь острое малоземелье и, что при отсутствии достаточных дополнительных заработков, она стояла перед перспективой полного обнищания, а в значительной мере уже ему подвергалась [3]). Вот почему и возникла тяга к миграции, как у крестьян менее обеспеченных землею уездов и „категорий", в особенности в местностях с худшей почвой или с меньшим количеством дополнительных заработков, так и повсеместно у крестьян, близких к разорению в общей тяжелой обстановке. Различные географические и исторические группировки сливались в конечном счете в единую экономическую группировку, и пауперизованный мелкий крестьянин составлял основное ядро уходящих из родной деревни. Он уходил навсегда в город или на заводы и шахты, если окончательно превращался в пролетария. И он уходил в Сибирь, если был еще с состоянии это сделать [4]).

---

[1]) В Черниговской губ. было 180 тыс. хозяйств б. помещичьих крестьян и 187 тыс. б. государственных, а надельной земли у первых 883 тыс. дес. и 1.441 тыс. дес. у вторых. Отношение всей надельной земли к помещичьей было 2,07 : 1, а отношение надельной земли б. помещичьих крестьян к помещичьей земле 0,8 : 1.

[2]) В Воронежской губернии было 17% крестьян освобожденных с дарственным наделом; б. помещичьи крестьяне, как и в Саратовской губернии, имели в средним на двор только 5½ дес.— вдвое меньше по сравнению с государственными. Если здесь вся надельная земля в три раза превышала площадь помещичьей, то у б. помещичьих надельной земли было вдвое меньше по сравнению с помещичьей.

[3]) И в этом направлении имеется масса данных—о низком уровне потребления крестьянами хлеба и различных товаров, о росте недоимок по налогам (нередко за крестьянами целой губернии накоплялся долг за два и более года), о физическом вырождении (рост процента забракованных при приеме на военную службу) и т. д.

[4]) Временный отход на заработки в промышленность был сравнительно мало развит (преимущественно в более северных губерниях района). Здесь влияла конкуренция нечерноземных губерний, высылавших в промышленные центры большие массы рабочих. Отход же на сел.-хоз. работы в южные степи из черноземного центра был в 80-х и 90-х г.г. очень велик (1½ милл. человек), в 1900-х гг.— сократился.

Кто именно уходил из нашего района за Урал, показывает таблица, представляющая итог опроса переселенцев, проходивших через Челябинск в Сибирь и Степной Край в начале XX века [1]).

	Губернии:										
	Тульская	Рязанская	Орловская	Курская	Пензенская	Тамбовская	Черниговская	Харьковская	Полтавская	Воронежская	Саратовская
% переселенцев, имевших на родине надел выше среднего по губернии или равный ему...	28,9	30,8	31,2	22,9	10,9	16,1	25,7	12,5	14,1	16,8	13,8
Тоже—ниже среднего.....	64,2	62,8	58,6	69,5	84,9	79,8	64,7	79,2	74,2	76,4	74,6
% безземельных.	6,9	6,4	10,2	7,6	4,2	4,1	9,6	8,3	11,7	6,8	11,6
Среднее количество крупного скота у переселявшихся к тому же количеству у всех крестьян губернии в процентах	46,2	50,0	83,3	60.0	43,7	52,9	57,9	52,0	50,0	40,0	48,3
То же, лошади..	73,3	75,0	93,3	77,8	57,1	64,7	70,6	90,0	87,5	81,2	94,4

Среди переселенцев—лишь от 12,5 до 31,2% крестьян, имевших на родине надел выше среднего и средний; 58,6—84,9% имели надел ниже среднего; остальные вовсе не имели земли. Если мы при этом сравним процент безземельных переселенцев и приведенный в предыдущей таблице процент безземельных крестьян тех же губерний, то окажется, что только в Пензенской (и Полтавской) губернии они равны друг другу. В остальных случаях среди переселенцев в $1^1/_2$—2 раза больше безземельных, чем на родине. А в Курской губернии даже и в $3^2/_3$ раза больше.

У переселенцев было на родине также и меньше лошадей, чем у всех крестьян их губернии в среднем. Но в особенности разница велика по крупному рогатому скоту. В семи губерниях из одиннадцати переселенцы имели лишь около половины (от 40 до 53%) того количества скота, какое в среднем приходилось на всех крестьян. Только по Орловской губернии этот коэффициент поднимается до 83%.

Отсюда вытекают следующие выводы: 1) большинство переселенцев не принадлежало ни к самым зажиточным, ни к самым обнищалым крестьянам; 2) однако, доля последних среди переселенцев была все же повышенной; 3) при этом

---

[1]) „Переселение в Сибирь", изд. Переселенческого Управления, С.-Петербург, 1906, с. 23.

в доминирующем у переселенцев среднем по земельному наделу слое крестьянства большинство все же принадлежало более бедным, имеющим меньшее количество скота.

* * *

Мы объяснили таким образом в общих чертах ту крупную роль, которую черноземный центр играл в переселении за Урал. Но чем объясняется возросшая в последние десятилетия доля переселенцев из степных местностей бывшей империи? Крепостное право там имело меньшее распространение, земельная „теснота" меньше, на юге расположен металлургический и каменноугольный Донецкий район, близость к портам давала на юге возможность с выгодой экспортировать хлеб за границу. Между тем переселение в самое последние время возрастало именно на юге.

Перед аналогичным вопросом еще в конце 80 г.г. стал один из первых исследователей зауральской миграции, И. А. Гурвич. В то время 70% переселенцев шло из земледельческого центра, 2%—с Запада и 27% с северо-востока. Были переселенцы и из Тобольской губернии, лежавшей по ту сторону Урала; эти переселенцы двигались дальше на Восток. Если переселение из центра Гурвич объяснял растущей пауперизацией среднего слоя крестьянства на почве „отрезков" и острого малоземелья, соединенного с развитием капитализма, то остальную часть движения он истолковывал как „разумное проявление народного культурного консерватизма, побуждающего крестьянина, покуда есть возможность, держаться привычных способов хозяйства" [1]). Когда при экстенсивной системе хозяйства земля в степи оказывается истощенной или (в лесистых северо-восточных местностях) все открытые пространства использованными, крестьянин предпочитает перейти на новое место потому, чтобы перейти к новой системе хозяйства [2]).

На это обстоятельство мы указывали при объяснении того, почему эмигрировали за границу и зажиточные слои немцев-колонистов. Является ли оно основным в отношении зауральской миграции из южных и восточных степей?

В ответ можно привести таблицу, аналогичную только что приведенной и основанную на опросе переселенцев, которые проходили через Челябинск в начале XX века. Данные

---

[1]) „Переселения крестьян в Сибирь", Москва, 1888, стр. 59.

[2]) Соглашаясь с тем, что это составляло один из побудительных мотивов к переселению за Урал, другой ранний исследователь переселения, проф. А. А. Исаев также считал его „благоразумным и необходимым" и отмечал, что в С. Ш. также „безостановочно совершаются переселения из восточных штатов на отдаленный запад" („Переселения в русском народном хозяйстве", С.-Петербург, 1891, стр. 131 и 133).

имеются о четырех южных степных губерниях и о Самарской, Вятской и Пермской губерниях из числа восточных. Вот что они показывают [1]):

Губернии	Екатеринославская	Херсонская	Таврическ.	Бессарабск.	Самарская	Вятская	Пермская
% переселенцев, имевших на родине надел выше среднего по губернии или равный ему . . .	14,9	17,5	20,1	14,3	8,7	22,4	13,7
То же—ниже среднего. .	57,0	45,6	44,7	14,3	78,9	70,7	79,4
% безземельных	28,1	36,9	35,2	71,4	12,4	6,9	9,6
Среднее число крупного скота у переселенцев в %% к среднему числу скота у крестьян той же губернии	35,3	36,4	57,1	29,4	50,0	57,7	41,9
То же—лошади	65,0	94,1	64,3	154,5	75,0	68,7	40,0

Таблица ясно показывает, что из южных степей за Урал направлялись в первую очередь не зажиточные, а, наоборот, малоземельные крестьяне и в очень значительном проценте даже вовсе безземельные. Доля последних среди переселенцев в 3—5 раз превышала средний процент безземельных в соответствующей губернии. Из Бессарабии большинство переселяющихся составляли мелкие безземельные арендаторы, а не батраки. Это можно видеть из того, что на родине у них имелись лошади и даже в большем количестве, чем у среднего крестьянина; но крупного рогатого скота у них не было. Меньше безземельных, но относительно больше малоземельных шло с востока.

Подобного рода состав южных переселенцев объясняется тем, 1) что хотя крепостное право здесь и имело меньшую сферу распространения (кроме Бессарабии, где оно было широко развито), но все же оно существовало в весьма значительном масштабе и здесь, 2) что и здесь были произве-

[1]) „Переселение в Сибирь", изд. Переселенческого Управления, С.-Петербург, 1906, стр. 23.

дены значительные „отрезки“ у бывших крепостных [1]), а в Екатеринославской губ. 25% помещичьих крестьян получили „дарственные“ наделы и 3) что сюда после 1861 г. переселилось из центральной России немало крестьян, попавших в положение арендаторов [2]). Одним словом, и в южных степях, наряду с зажиточным крестьянством фермерского типа имелось достаточно „материала“ для переселения того типа, которое преобладало в центре. В лице „иногородних“ имелся такой же кадр и на Северном Кавказе. Этим объясняется крупное переселение из Ставропольской губ.

Итак, и в степном районе на первом месте, как побудительный мотив миграции, стоял недостаток земли у широких слоев сельского населения и лишь на втором плане находилось стремление перейти на свежую не истощенную экстенсивным хозяйством землю.

Можно назвать и третий мотив, встречавшийся подобно второму и в С. Ш.: уход из местности, где естественные условия (особенно климатические) не оправдали ожиданий. Так это было в „засушливом треугольнике“ Монтаны и так это было отчасти в Ставропольской губ., а также в юго-восточных степях. После серии неурожаев сравнительно недавно поселившиеся здесь крестьяне решали искать лучшие места.

Останавливаясь на факторах, расширивших миграцию с юга в последние годы перед войной, надо указать на два существенных обстоятельства: 1) повышение хлебных цен на мировом рынке и растущую выгодность для помещика собственного производства хлеба (вместо сдачи земли в мелкую аренду) и 2) действие „столыпинской реформы“; если в среднем по 50 губерниям Европейской России эта реформа коснулась 11% хозяйств, то в южных губерниях она охватила: в Бессарабии—19%, в Херсонской губ.—24%, в Таврической губернии—32% и Екатеринославской губ.—33%. Последнее число является рекордным. Принимая во внимание, что в первой губернии 77%, а в остальных свыше 90% крестьян имели ранее общинное землевладение, ясно, какой переворот в земельных отношениях здесь происходил и какое количество малоземельных крестьян предпочитало продать свои недостаточные наделы и перебраться за Урал [3]).

---

[1]) В так называемых „новороссийских“ (южных) губерниях они составили по Лосицкому 30,0%, т.-е. выше средней нормы по всем черноземным губерниям.

[2]) По всем этим причинам аренда земли крестьянами была сильно развита в Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерниях, достигая иногда рекордных коэффициентов.

[3]) Мы привели здесь данные о проценте, перешедших на отруба и хутора (по материалам из цитированной выше книги Першина). Если же взять только процент вышедших из общины и закрепивших землю в единоличную собственность (по данным Дубровского „Столыпинская реформа“, Петроград, 1925, стр. 277), то цифры частью будут еще выше, а именно: 17,3—33,2—48,5—37,7%.

*
* *

В заключение надо остановиться на одном более общем вопросе. Было бы весьма существенно и необходимо проанализировать крестьянскую миграцию на Восток в ее взаимной связи с миграциями другого типа, как-то: 1) отход на временные заработки а) в промышленность, б) в другие сел.-хоз. районы, 2) уход из деревни в города и на фабрики навсегда, 3) эмиграция за границу. Нет сомнения, что наличие или отсутствие в данной местности одного из этих типов миграции оказывало сильное влияние на зауральскую миграцию (и, наоборот), ибо эти явления были конкурирующими между собой.

К сожалению, в такой синтетической постановке этот вопрос вовсе не является разработанным [1]). Лишь в самое последнее время Н. В. Турчанинов (в цитированной раньше статье) попытался сделать сводку всех видов миграции в наше время, а также составил „миграционный баланс" по данным переписи 1897 г. Но в данном случае речь идет об установлении фактов, а не зависимостей, в целях практических, а не для освещения истории переселений. А миграционный баланс, основанный на переписи 1897 г., соединяет вместе все виды миграции и не может дать того, что нам нужно.

---

[1]) В значительной мере это произошло потому, что проф. Кауфман в своей книге („Переселение и колонизация"), многими признанной „классической" и оказавшей влияние на ряд лиц, занимавшихся вопросами переселения, поставил вопрос об определяющих переселение условиях в абстрактной и неправильной форме.

Полемизируя против предшествующих исследователей, которые считали малоземелье основной предпосылкой переселения, проф. Кауфман, ставил вопрос: существует ли для массы, для большинства крестьян каждой данной губернии малоземелье в абсолютном смысле слова? На этот вопрос он отвечал отрицательно. Абсолютно малоземельными можно признать лишь тех крестьян, которые имеют меньше земли, чем их соседи в данной местности. Для всей же массы крестьян малоземелье является только относительным, означает недостаточно интенсивное использование земли. Во Франции и на 5—10 десятинах, но при более интенсивной культуре, крестьянин живет безбедно. Поэтому действительной движущей причиной переселения является не недостаток земли, как кажется крестьянам, а недостаток культуры, и на него-то и надо направить главное внимание.

Разумеется, одна и та же площадь земли при разных системах хозяйства может обеспечивать различные объем и сумму продукции. Верно и то, что кризис западного и центрального крестьянского хозяйства коренился не только в недостаточном наделении крестьян землей при их освобождении. И все-таки „абсолютное" и при том „массовое" малоземелье (по терминологии Кауфмана) вполне возможно, поскольку у крестьян не было необходимого капитала для перехода к более интенсивному хозяйству. А не было его (у большинства) потому, что они начали свою карьеру самостоятельных хозяев при сокращенной площади земли, но возросших повинностях, да еще принявших денежную форму.

Эта постановка вопроса вообще неверна и слишком абстрактна, но вдобавок она направила внимание только на мнимую „конечную причину" (недостаток культуры) и отвлекла его от исследования всей совокупности конкретных взаимозависимостей.

Поэтому, и в виду пробелов в статистических источниках, мы вынуждены ограничиться лишь общим сопоставлением разных видов миграции за последние годы перед войной. Мы делаем это при посредстве прилагаемой картограммы.

На ней различными символами обозначены показатели отдельных типов миграций, а именно: 1) эмиграция, 2) переселение за Урал, 3) отход на заработки. О последнем мы можем, при наличных материалах, судить только по количеству выданных уходящим на заработки крестьянам паспортов (брать таковые было обязательно). Этот показатель вообще неточен и не отделяет временный отход от постоянного, промышленный отход от земледельческого. Особо мы отмечаем промышленные центры, дабы наметить направление промышленной миграции и пункты притяжения для окрестного населения, отвлекающие его от других миграций.

Характерно, что все районы, отпускающие эмигрантов, лежат по сю сторону черты, которая отделяет губернии с пониженным против среднего количеством паспортов. Символ, означающий переселение, также встречается либо по сю сторону этой черты, либо (в меньшем числе случаев) в непосредственной от нее близости [1]). Эмиграция большей частью не сочетается с развитым переселением. Из всех губерний, где имеются центры фабрично-заводского производства (кроме Екатеринославской, на юге) нет ни переселения, ни эмиграции.

Мы получаем таким образом, с одной стороны, картину географического размещения очагов отдельных миграций, но она в то же время обнаруживает в общих чертах и взаимную между ними зависимость. Эта зависимость отрицательного характера и сводится к взаимному отталкиванию: один тип миграции способен до некоторой степени парализовать действие другого, но не всегда наоборот. Промышленный отход явно парализует крестьянское переселение, но последнее такой же активной роли в отношении первого не играет. Крестьянское переселение способно парализовать отход на сел.-хоз. заработки, но не, наоборот. Решающее значение при этом имеет, конечно, социальный состав мигрирующей массы. Эмиграция батраков не в состоянии ослабить

---

[1]) При этом не отход на заработки (и притом на земледельческие заработки, на которые уходили крестьяне северной части черноземного центра) отвлекал от переселения, а, наоборот, переселение сокращало отход в южные и юго-восточные степи. Разбирая вопрос о причинах уменьшения отхода сел.-хоз. рабочих из центра в степи, Я. Я. Полферов, автор книги „Сельско-хозяйственные рабочие руки“ (С.-Петербург, 1913), подтверждает это как ответами на специальную анкету, так и сопоставлением данных о росте переселения из отдельных губерний и сокращением выхода из них рабочих (стр. 43).

внутренней миграции за Урал в данной губернии; иначе обстоит дело с эмиграцией крестьянства и т. п.

Если бы могли произвести более точное расчленение миграций по их типам, а также расчленить мигрирующую

СОПОСТАВЛЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ МИГРАЦИИ.

Отделяет губернии, в которых % жителей выбравших паспорта, выше среднего от остальных губерний (1906 - 10)

губернии, в которых выбрано более 200 паспортов на 1000 жителей (1906 - 10) по данным Л Е Мин ца

эмиграция за границу после 1905 г.

20 и бол. 10-20 5-10

переселение за Урал на 1000 жителей (1910-1914).

более 150.000 промышленных рабочих по данным 1910 - 13 г.г.

массу по ее социальному составу, взаимодействие миграций и их взаимное отталкивание предстали бы перед нами в более определенных чертах. Пока же мы должны ограничиться вышеизложенным.

---

9. Иммиграция в Российскую Империю.

С древнейших времен на территории бывшей российской империи не только появлялись для временного пребывания, но и частью оседали на постоянное жительство подданные различных иностранных государств. Таковыми являлись иностранные купцы, военные специалисты, представители различных технических профессий, врачи, в позднейшее время—учителя. В России оседали англичане, немцы, голландцы, шведы, итальянцы, французы. На исходе XVII века в Москве существовала целая слобода, заселенная иностранцами. Приток их еще более усилился в XVIII веке в связи с преобразованиями эпохи Петра I. Однако, и тогда он шел преимущественно по линии внешней торговли, военного дела, а также привлечения отдельных техников-специалистов в только что зарождавшуюся промышленность отсталой земледельческой страны. Лишь в конце XVIII столетия появляется более массовая иммиграция, в которой участвовали уже упоминавшиеся колонисты-немцы[1]), славянские выходцы из Турции—болгары, сербы и хорваты, а также молдаване, греки и армяне, уходившие из Турции[2]). Выходцы из Турции оседали по Черноморскому побережью, где они основали ряд колоний, преимущественно земледельческого характера. Были также переселенцы и из более отдаленных государств—французы из Марселя, итальянцы из Генуи и Ливорно, швейцарцы и т. д.[3]).

---

[1]) Из приводимых А. Клаусом данных („Наши колонии", приложения III и IV) видно, что только в поволжских колониях немцев в конце XVIII века было около 40 тысяч. Почти столько же в первом десятилетии XIX века собралось их в южных степях.

[2]) Болгар в 1819 г. в одной Бессарабии было около 24 тыс. человек, а во всех южных колониях в 1821 г.—до 32 тысяч. После войны 1828—29 г.г. их вновь осело на юге 16 тыс. человек. Из остальных народностей в конце XVIII—начале XIX в. много переселялось молдаван, прочие же исчислялись только тысячами (см. А. Скальковский, „Опыт статистического описания Новороссийского края", Одесса, 1850, стр. 242, 246 и др.)

[3]) Скальковский, l. c., стр. 262 и сл. Здесь отметим, что мы говорим только о переселенцах конца XVIII—начала XIX века. Между тем генуэзцы имели на побережьи Черного моря весьма древние поселения. То же отно сится к грекам и армянам.

Таковы краткие данные о ранних переселениях в Россию. Статистические данные по этому вопросу появляются с 1828 г. и представляют результат регистрации паспортов при переходе иностранцами границы. Путем вычитания из цифры прибытия иностранцев цифры их обратного от'езда мы можем определить размеры оседания иностранцев в России. Эти данные за более старые годы точными и полными, несомненно, не являются.

Впрочем материалы за первые 20—30 лет имеют только историческое значение. За 1828—1860 гг. в России осело, по нашим данным, 263 тысячи иностранцев. В последующие 40 лет, до конца XIX века, разница между прибытием и обратным от'ездом иностранцев оказалась уже 2.638 тысяч человек, т.-е. в десять раз больше. А за первые 15 лет XX столетия она составила 1.251 тыс. человек. В среднем за год мы получаем 8—66—78 тысяч для каждого из трех взятых промежутков времени.

Уже из этого видно, какое влияние оказало на иммиграцию в Россию падение крепостного права и последовавшее за ним развитие крупной промышленности и расширение торгового оборота. За 88 лет (1828—1915) в России осело 4.152 тыс. иностранцев. Но только 6,3% от этого числа (или немного больше, учитывая неполноту данных) в'ехало в страну до падения крепостного права.

Отметим, что чистый прилив иностранных подданных в прежнюю Россию за 98 лет почти полностью уравновесил отлив российских подданных за-границу в тот же срок: последний составил 4.509 тыс. человек, а первый, как мы знаем—4.152 тысячи лиц. Однако, если мы сгруппируем цифры по тем трем эпохам, на которые мы разделили данные об эмиграции (см. стр. 11-ю), картина получит иной вид:

	1828—1859 (32 года)	1860—89 (30 лет)	1890—1915 (26 лет)
Чистый отлив российских подданных за границу (в тыс.) . . .	33	1.129	3.348
Чистый прилив иностранных подданных в б. Россию (в тыс). .	219	2.147	1.786

Иммиграция компенсирует эмиграцию, и притом с избытком, лишь в первую и вторую эпоху. В третью (когда эмиграция значительно развилась) эмиграция перевешивает иммиграцию более чем на $1^1/_2$ миллиона человек.

Рассмотрение иммиграции по декадам (с 50 х гг.) и по двум секторам границы—европейскому и азиатскому—может добавить новые черты к характеристике иммиграционного движения:

Чистый прилив иностранных подданных в Россию.

	Всего	По Европейской границе	По Азиатск. границе
1828—1850	68	50	18
1851—60	195	131	64
1861—70	533	461	72
1871—80	776	657	119
1881—90	864	766	98
1891—1900	465	243	222
1901—10	708	225	483
1911—15	543	225	318
	4.152	2.758	1.394

Здесь надо прежде всего отметить, что две трети иммигрировавших в б. Россию иностранных подданных прибыло через европейскую границу и в подавляющем большинстве было жителями европейских стран, и одна треть прибыла через азиатскую границу, в большинстве своем проживая ранее в Азии[1]).

Рассматривая изменение цифр оседания иностранцев во времени, укажем, что данные за первые 22 года очевидным образом преуменьшены. Известно (см. выше) что 16 тысяч болгар осело в 30-х г.г. на юге России. Между тем, оседание турецких подданных за 30-е гг. дает отрицательную величину, а в'езд их в сумме составляет менее 3.000. Передвижения, связанные с войнами, даже если они были официально оформлены, повидимому, чаще всего выпадали из общей регистрации. На это влияли, вероятно, неопределенность вопроса о подданстве переселяющихся или особый характер документов, которые они имели. Регистрировались преимущественно „нормальные" случаи.

В 50-х, 60-х и 70-х гг., в связи с происходившими тогда войнами и изменениями границ, несомненно, также имеются пробелы, но относительный масштаб их, вероятно, меньше. Какова общая сумма этих пробелов, определить невозможно, но во всяком случае относительный их размер невелик, вряд ли более 100—150 тысяч.

Уже в 50-х годах (преимущественно в конце десятилетия) иммиграция значительно расширилась, но особенно крупные размеры получила с 60-х гг., в течение последующих за 1861 г. трех десятилетий. Любопытно, что затем она сильно сок-

---

[1]) Некоторое количество выходцев из Азии (из Азиатской Турции), несомненно, прибыло через черноморскую европейскую границу. Кроме того, большинство американцев приезжало по европейской границе. Но последних за все 88 лет в России осело только 9 тысяч.

Надо также отметить, что вычитая прилив и отлив иностранцев по каждой границе отдельно, мы получаем цифру чистого прилива из Европы и Азии не совсем точно потому, что часть приехавших по европейской границе выезжала по азиатской и наоборот. Однако и, такие случаи на общий баланс влияли весьма слабо.

ратилась в течение 90-х г.г. и вновь возрасла с начала XX века, особенно же в последнем пятилетии.

Сокращение в 90-х г.г. об'ясняется сокращением чистого прилива по европейской границе. Прилив из Азии в 90-х г.г. не уменьшился, но возрос вдвое, будучи, однако, еще не в состоянии компенсировать убыль на другом секторе границы. Рост чистого прилива в XX веке опять-таки в первую очередь об'ясняется увеличением иммиграции из азиатских государств. Правда, в последнем пятилетии прилив из Европы по своей интенсивности удвоился, но уже не мог догнать азиатского прилива по своей абсолютной величине.

Таким образом, мы видим, что исторически позднейшим видом иммиграции в б. России являлась азиатская иммиграция, а европейская к XX веку сократила свое прежнее значение и лишь частью восстановила его перед началом войны. До 90-х г.г. Россия была ареной передвижения людских масс преимущественно с запада на восток, из Западной Европы в Восточную; с этого времени появляется мощная струя, идущая с востока на запад (а также и с юга на север), имеющая своим источником пограничные азиатские страны [1]).

Теперь взглянем на состав оседавших в России иностранцев по их подданству. Приведем прежде всего данные за 88 лет (1828—1915) по отдельным государствам.

Европейские страны

	Германия	Австрия	Румыния	Англия	Франция	Греция	Италия	Бельгия	Болгария	Швеция и Норвегия	Дания	Швейцария	Голандия	Др. европ. страны	Итого
Тыс. чел.	1459	888	59	39	29	24	15	12	9	9	8	7	7	4	2568
%%	35,1	21,4	1,4	0,9	0,7	0,6	менее 0,5 каждая, в сумме 1,7%								61,

	Персия	Турция	Китай	Япония	Азиат. госуд.	Соедин. Штаты	Проч. стр.	Общий итог
Тыс. чел.	828	394	290	17	1528*)	9	47	4152
%%	20,0	9,5	7,0	0,4	36,9	0,2	1,1	100

*) Включая отрицательный баланс (—1.365 чел.) с Хивой и Бухарой.

[1]) Дабы не впасть в неточность, отметим, что это относится лишь к постоянной иммиграции, измеряемой балансом прямого и обратного движения через границы б. империи. Временная же иммиграция из западной Европы в 90-х г.г. не только не сократилась, но увеличилась вдвое: в 80-х г.г. европейскую границу переехало ок. 8 милл. человек (из которых осело в России менее 10%), в 90-х же г.г. границу перешло уже более 16 милл. из которых осело лишь около 1½%. Оборот пассажиров расширился вследствие тех облегчений краткосрочных поездок, которые вытекли из заключения торгового договора с Германией в 1894 году.

Распределение осевших иностранцев на европейскую и азиатскую группу близко совпадает с данными о прибытии через европейскую и азиатскую границу. Так как Турция до войны имела значительные владения и в Европе, то часть турецких иммигрантов надо присоединить к европейцам. В общем цифры $^2/_3$ и $^1/_3$ правильно характеризуют соотношение между европейскими и азиатскими иммигрантами.

Германских подданных за все время осело в России около $1^1/_2$ милл. человек, или 35% от общей суммы. Большинство из них, несомненно, были немцами (а не поляками). Что касается 900 тыс. австрийцев—вторая крупнейшая группа—то здесь галичане, поляки, чехи, вероятно, занимали первое место. В сумме выходцы из Германии и Австрии дают более половины всех иммигрантов.

Румыны среди европейцев стоят на третьем месте, но большая их часть прибыла в третьей четверти XIX века, в связи с происходившими тогда войнами [1]). То же в общем относится и к грекам, но не к болгарам, ранняя иммиграция которых вообще пропущена.

Несмотря на то, что в прежней России было вложено много английского, французского и бельгийского капитала, в ней осело лишь немного подданных этих стран. Приток англичан и французов был довольно значителен в 70-х г.г.; в следующем десятилетии он упал. В 90-х г.г. приток англичан возобновился и одновременно появилось немало бельгийцев. В XX столетии приезд англичан, а также и французов, вновь усилился, равно опять стали притекать (в последние годы перед войной) бельгийцы. Эти колебания довольно точно соответствовали периодам усиления притока промышленного капитала, результатом чего был приезд инженеров, директоров и квалифицированных рабочих [2]).

Относительно прочих европейских стран достаточно заметить, что приток из них относится преимущественно на XX столетие и последние перед войной годы [3]). Только максимум притока из Италии приходится на 90-е г.г., да приток

---

[1]) За 1851—80 г.г. в России осело 35 тысяч румын, или 59% от общей суммы.

[2]) 70-е г.г.—эпоха обширного ж.-д. строительства, начала развития на юге металлургии (первый завод основан англичанином Юзом) и каменноугольной промышленности. 90-е г.г.—период бурного расцвета южной металлургии и угольной промышленности, а также бакинской нефтепромышленности (выплавка чугуна увеличилась в 6 раз, добыча угля почти—в 4 раза, добыча нефти—более чем вдвое). Новый подъем на юге и на Урале начался с 1909—10 г.г. На юге действовал преимущественно бельгийский и французский капитал, на Урале и английский, в нефтяной промышленности—английский и французский.

[3]) То же относится и к Соединенным Штатам.

из Швейцарии небольшими дозами распределен на все почти десятилетия с 30-х г.г.

Что касается выходцев из азиатских стран, то здесь на первом месте стоят персидские подданные, по численности почти равные австрийской группе, за ними следуют турецкие подданные (не одни турки, но немало армян и греков), наконец, китайцы. Японцы появились лишь в XX веке и составляют незначительную группу. Поскольку в азиатской иммиграции преобладают выходцы из Персии и Турции, мы и указали раньше, что это движение направлялось не только с востока на запад, но и с юга на север.

Выделим пять важнейших по иммиграции государств и рассмотрим динамику их иммиграционного движения. Из этих пяти государств вышло 93% всех иммигрантов за 98 лет.

	Германия	Австрия	Герм. и Австрия	Персия	Турция	Китай	Три азиатск. государства.
	Осело в тысячах человек						
1828—50	24	13	37	15	2	—	17
1851—60	64	43	107	41	25	—	66
1861—70	271	146	417	26	60	—	86
1871—80	328	267	595	91	53	0,06	144
1881—90	447	287	734	73	33	— 0,2	106
1891—900	78	102	180	173	52	6	231
1901—10	188	— 11	177	194	111	152	457
1911—15	59	41	100	214	58	132	404

Картина упадка в 90-х г.г. для двух ведущих европейских государств получается более резкой, чем для всего оседания иностранцев, прибывших по европейской границе (сокращение получается на 76% за 10 лет вместо 68%). Кроме того, обнаруживается, что Австрия в первом десятилетии XX века имела даже отрицательный баланс (особенно усиленный обратный отлив происходил в революционные 1905 и 1906 г.г.). Что касается последнего пятилетия, то оседание по европейской границе дает здесь цифру, равную десятилетию 1901—1910 г.г.: между тем оседание немцев и австрийцев оказывается на 44% меньше, несмотря даже на задержание части немцев и австрийцев в качестве гражданских пленных.—Таким образом, в конце XIX и в начале XX века не европейская иммиграция вообще уступала дорогу азиатской, а в особенности и специально сократилась иммиграция германо-австрийская.

Повидимому, судьбы германской и австрийской иммиграции в Россию стоят в связи с судьбами иммиграции из тех же стран в Америку. С 90-х г.г. германская иммиграция в С. Ш. упала почти в три раза; одновременно в $5^3/_4$ раза сократилось оседание германцев в России; одни и те же факторы, повидимому, задерживали эмиграцию из Германии в Россию и С. Ш. Наоборот, иммиграция из Австро-Венгрии

в С. Ш. увеличилась в $1^1/_2$ раза за 90-е г. г., а в следующем десятилетии вновь возрасла в пять раз: соответственно с тем мы имеем сперва уменьшение оседания в России в 2,8 раза, а затем и отрицательный баланс. Американская эмиграция здесь являлась конкуррирующим фактором.

Что касается азиатских источников иммиграции, то Персия издавна и непрерывно является руководящим государством: Прилив из Турции особенно усиливается в XX веке. Наконец, китайская иммиграция появляется лишь в XX веке, сразу в крупных и возрастающих размерах. Это—самая „молодая" из всех категорий иммиграции.

О том, куда направлялась иностранная иммиграция, можно получить некоторые, хотя и весьма неточные и неполные указания по данным переписи 1897 г. о географическом размещении иностранных подданных и лиц, имевших родным языком иностранные языки [1]).

Так мы узнаем, что из 158 тысяч германских подданных лишь немного более 3 тысяч находилось на Кавказе, в Сибири и в Средней Азии, а из 1.790 тысяч жителей, имевших родным языком немецкий, в этих трех районах находилось лишь 15 тысяч. Из 122 тысяч австрийских подданных вне европейской России находилось лишь $2^1/_2$ тысячи, из $7^1/_2$ тысяч англичан—менее 500 человек. Это дает ясное указание на то, что европейские иммигранты оседали преимущественно в европейской же России.

Некоторое дальнейшее уточнение районов оседания германцев и австро-венгерцев дает нижеследующая таблица, касающаяся местонахождения подданных этих стран в 1897 г.:

	Всего	10 губ. Польши	Литов. губ. [1])	Прибалт. губ. [2])	Волынская	Подольская	Бессарабская
Германских подданных	158,1	55,7	10,4	14,8	11,6	2,4	0,8
%	100	35,2	6,6	9,4	7,3	1,5	0,5
				60,5			
Австро-венгерских подданных	121,6	49,6	1,3	0,8	18,0	10,2	16,0
%	100	40,8	1,1	0,7	14,8	8,4	13,2
				79,0			
Немцы по родному языку	1.790,5	407,3	35,9	165,6	171,3	4,1	60,2
%	100	22,7	2,0	9,2	9,6	0,2	3,4
				47,1			

1) Виленская, Гродненская, Ковенская.
2) Курляндия, Лифляндия, Эстляндия.

[1]) Неточности здесь получаются оттого, что 1) иностранные подданные зарегистрированные переписью, частью находились в кратковременном пребывании в стране, остальные вовсе не обязательно собирались осесть в ней, навсегда, 2) группировка по языкам соединяет вместе потомков старых немецких колонистов с новыми иммигрантами и временно пребывающими за-

60% германских подданных и почти 80% австро-венгерских подданных находилось в Польше и приграничных губерниях, а также в Литовских и Прибалтийских (германцы). И хотя на юге и на востоке находилось весьма значительная масса колонистов-немцев, поселившихся там еще в конце XVIII—начале XIX века, все же в перечисленных западных губерниях было сосредоточено 47% всех немцев по родному языку, проживавших в России.

Это дает основание предполагать, что главными районами оседания вновь прибывавших немцев (германских и австрийских) были Польша, Прибалтика и западные пограничные губернии, а главными районами оседания австро-венгерцев вообще—Польша и пограничные с Австрией Волынская, Подольская и Бессарабская губернии. И поэтому-то царское правительство беспокоилось об успехах немецкой колонизации в Польше и на Волыни.

Где же преимущественно оседали персидские, турецкие и китайские подданные? Что касается персидских подданных, то из 74 тысяч, учтенных переписью 1897 г., 60½ тысяч находилось на Кавказе и 10 тысяч—в Средней Азии; между теми же двумя областями распределялись почти полностью и 32 тысячи лиц, родным языком которых был персидский [1]). Весьма вероятно, поэтому, что главными районами оседания персидских иммигрантов были: Кавказ, восточное побережье Черного моря, западное побережье Каспийского и Туркестан.

Кто касается 121 тыс. турецких подданных (данные 1897 г.), то 86 тысяч (71%) из них находилось на Кавказе. 21½ тыс. (18%) в Таврической губернии и 7 тысяч (6%)—в смежной с ней, Херсонской. Остальные были рассеяны по Европейской России (не Сибири и Средней Азии). Из 209 тысяч турок по родному языку 67% находилось опять-таки на Кавказе, 27% в Бессарабии [2]), остальные рассеяны по Европейской России.

граничными немцами, соединяет поляков российского подданства с немецкими и австрийскими поляками, „русских" турок и турок прибывших извне, „русских" армян и армян, прибывших извне и т. п.; детальной же группировки иностранных подданных по родным их языкам не опубликовано, наконец, 3) потомство иностранцев от смешанных браков усваивало русский язык, и таким образом следы более ранней иммиграции уже не могли быть уловлены переписью.

[1]) Интересно, что при 828 тыс. осевших за 88 лет персидских подданных персов по языку насчитывалось лишь 34 тысячи, да и персидских подданных без различия языка насчитано 74 тысячи. С одной стороны, это заставляет думать, что число осевших персидских подданных значительно преувеличено, вероятно, в результате пробелов в регистрации обратного отъезда персов-рабочих морским путем (через Каспийское море). С другой стороны это показывает, что значительная часть прибывших из Персии не были персами по народности. К каким другим народностям они принадлежали, определить невозможно.

[2]) Здесь, однако, мы имеем дело не с вновь осевшими иммигрантами, а с потомками древнего тюрко-татарского населения Бессарабии.

Отсюда видно, что выходцы из Турции, вероятно, оседали там же, где и выходцы из Персии, не попадая, однако, в Среднюю Азию, но зато оседая также на северном берегу Черного моря.

Что касается китайцев (по подданству), то в 1897 г. по всей европейской части империи и на Кавказе их было насчитано около ста человек, а лиц, родным языком которых был китайский, там же насчитано всего 47 человек. В средней Азии китайцев по подданству было 2 тыс., по языку—16 тыс. Вся остальная масса (общее число китайцев было 48 тыс. по подданству и 57 тыс. по языку) была сосредоточена на Дальнем Востоке, преимущественно в Приморской области [1]). Тогда китайцы еще не появились по сю сторону Урала. В настоящее время (перепись 17 дек. 1926 г.) в европейской части СССР насчитывается около 4.000 китайцев по подданству и около 5.000—по родному языку.

Дальнейшая характеристика иммиграции по данным паспортной регистрации ограничивается распределением иммигрантов по полу. При этом комбинационная группировка по национальности и полу отсутствует, и мы имеем только разделение на мужчин и женщин подданных всех государств в сумме. Эти данные опубликованы за 1884—1888 и затем с 1896 г. по 1915 г. включительно.

	Мужчины.		Женщины.		Итого	
	Прибыло	Осело	Прибыло	Осело	Прибыло	Осело.
1884—1888.....	2.633	253	1.107	131	3.740	384
%% к итогу....	70	66	30	34	100	100
1896—1900.....	4.876	278	5.240	90	10.116	368
%% к итогу....	52	75	48	25	100	100
1901—1910	14.902	561	15.542	147	30.444	708
%% к итогу	49	79	51	21	100	100
1911—1915	7.880	485	5.893	58	13.773	543
%% к итогу	57	89	43	11	100	100

Женщин прибывает (кроме 80-х г.г.) почти столько же, сколько и мужчин, но их доля в оседании иностранцев убывает с 34% до 11%.

Какова одна из наиболее существенных причин этого явления, показывают данные переписи 1897 г. о проценте женщин среди пришлого из-за границы населения:

	Германия	Австро-Венгрия	Турция	Персия	Китай
Группировка по подданству ..	50,8	47,5	36,7	27,9	9,6
Группировка по месту рожд ..	51,9	46,4	35,3	17,9	24,8

[1]) Мы видели выше, что итог оседания китайских подданных за 90-е г.г. составил всего 6 тыс. Между тем цифра китайских подданных и китайцев по языку во много раз выше. А по месту рождения в 1897 г. насчитано даже 82.500 выходцев из Китая. Следовательно, мы, вероятно, имеем недоучет в регистрации прибытия.

Здесь мы имеем хотя и косвенное, но совершенно ясное указание на то, что азиатская иммиграция (особенно персидская и китайская) отличалась от европейской низким процентом женщин. Расширение доли азиатской иммиграции в общей массе оседавших иностранцев неизбежно должно было понижать процент женщин и в общем итоге.

* * *

Никакой классификации прибывших иностранцев по социальному положению и занятиям не делалось. Перепись 1897 г. также не дает группировки иностранцев по занятиям. Невозможно поэтому с точностью определить и те социально-экономические каналы, в которые они, вероятно, вливались и которые притягивали их к себе [1]). Ограничимся поэтому приведением лишь некоторых косвенных данных и соображений в отношении пяти важнейших для эмиграции государств.

Предварительно отметим, что важнейшими категориями оседавших в России иностранных подданных можно в порядке убывающей численности предположительно считать: 1) неквалифицированных рабочих—сельско-хозяйственных, промышленных и транспортных, 2) крестьян-земледельцев, 3) ремесленников и мелких торговцев, 4) купцов и торговых агентов—особенно по внешней торговле (лесом, хлебом, птицей и яйцами, пушниной и т. п.), 5) интеллигенцию (учителей, врачей и т. п.), 6) квалифицированных рабочих и мастеров в горной промышленности, металлургии, машиностроении, электропромышленности, текстильной промышленности и т. д.[2]), 7) иностранных директоров, инженеров и коммерческих специалистов в крупных фирмах. Многие из них прибывали на временные заработки, но затем оседали на постоянное жительство.

Обратимся теперь к иммигрантам из отдельных государств.

Германия. Из всех находившихся в России в 1897 г. немцев по родному языку, имевших занятия, 38,9% были заняты в сельском хозяйстве (в широком смысле слова, включая лесоводство), 25,3%—в промышленности, 5,4%—в торговле и в банках, 3,7%—в свободных профессиях.

---

[1]) Что касается факторов, выталкивавших население иностранных государств в Россию, то анализ их потребовал бы изучения экономических и социальных условий по крайней мере в пяти странах, и мы совершенно оставляем его в стороне.

[2]) В 1892 г., по данным, приводимым Брандтом („Иностранные капиталы и их влияние на экономическое развитие страны", СПБ, 1900, т. 3, стр. 130) в русской и польской промышленности числилось 1½ тыс. иностранных техников, а на посещенных им в конце 90-х г.г. 8 польских и южнорусских металлургических заводах было свыше тысячи рабочих-иностранцев и мастеров. В 80-х г.г. их там было гораздо больше.

Хотя эти цифры относятся и к потомкам давно поселившихся в России немцев, все же не приходится сомневаться что крупная доля вновь оседавших в России германских подданных приходилась на земледельцев-крестьян. В тех взятых нами выше западных губерниях бывшей империи, которые мы признали главным районом оседания европейской иммиграции, 65% германских подданных и 69% немцев по языку проживало вне городов[1]).

Хотя 25% немцев по языку и были заняты в промышленности (здесь объединены промышленные рабочие, ремесленники и квалифицированные техники), но германские промышленные рабочие ни в коем случае не могли стоять среди немецких иммигрантов на втором месте, после крестьян. Эти 25% состоят преимущественно из „внутренних" немцев, иммиграции же промышленных рабочих из Германии (преимущественно в Польшу) считалась, вероятно, только тысячами. На втором месте, вероятно, стояли купцы, торговцы, торговые агенты (имея в виду обширные операции немцев по экспорту леса, хлеба и т. п. и по внутренней торговле), затем шли ремесленники и промышленные рабочие, потом, наконец, интеллигенция и квалифицированные специалисты, а также директора предприятий. Что касается неквалифицированных рабочих, то всякому жителю России известно, что выходцев из Германии этой категории в бывшей империи вовсе не встречалось.

Австро-Венгрия. 82% от общей суммы австро-венгерских подданных, находившихся в 1897 г. во взятых нами 19 губерниях, проживало вне городов. В этой группе иммигрантов деревенское население должно было занимать еще более крупную, сильно преобладающую роль. Но здесь, вероятно, было больше сел.-хоз. рабочих и пауперизованных крестьян из Галиции, чем сравнительно зажиточных крестьян-колонистов. В 1903 г., разбирая вопрос об отливе польских с.-х. рабочих в Германию, проф. Г. Симоненко отмечал, что галицийские провинции Австрии „не только не предъявляют спроса на рабочие руки..., но сами каждое лето наводняют Келецкую, Люблинскую, Радомскую и Седлецкую губернии рабочими, приходящими из малоплодородных прикарпатских местностей. Такие рабочие, известные под именем горалей и бандосов, во время уборки сена и хлебов представляют серьезную конкуренцию нашим рабочим"[2]). Интересно, что по данным переписи 1897 г., произведенной в се-

---

[1]) Если же мы оставим в стороне прибалтийские провинции, где 80% немцев жило в городах, мы для всех остальных губерний вместе получаем уже 73 и 81% внегородского населения.

[2]) Труды Варшавского Стат. Комитета, вып. XIX, стр. 5. В дальнейшем (стр. 31) Симоненко отмечает, что галичане начинают проникать и в более северные губернии Польши, замещая рабочих, уходящих в Германию и Сев. Америку.

редине зимы, когда все сел.-хоз. работы были давно кончены, в упомянутых Симоненко четырех губерниях находилось 62% всех австро-венгерских подданных, насчитанных в Польше и 73% всех насчитанных вне городов. Таким образом, галицийская беднота также и оседала здесь на долговременное пребывание.

То же происходило, очевидно, в Волынской, Подольской и Бессарабской губерниях, где 91% всех австро-венгерских подданных в 1897 г. находилось вне городов [1]).

Таким образом, большая часть иммигрантов из Австро-Венгрии, наверное, принадлежала к сельскому населению и притом к сел.-хоз. рабочим или беднейшим крестьянам; за ними следовали промышленные рабочие (остаток австро-венгерцев, находившихся в Польше, мы застаем в 1897 г. в промышленных ее губерниях), а также более зажиточные крестьяне. Другие категории вряд ли были сильно представлены.

Персия. Здесь нам приходится останавливаться только на персах, оставляя в стороне персидских иммигрантов других национальностей (число которых, однако, было значительно). Вот разделение самодеятельных персов по занятиям в 1897 г.:

Сельское хозяйство	Промышленность	Транспорт и связь	Торговля и кредит	Частн. служба, прислуга, поденщики	Все остальные
12,5	21,2	10,4	22,5	26,5	6,9

Здесь в отличие от предыдущего, мы, очевидно, имеем дело не с крестьянским земледельческим населением и не с иммиграцией аграрного типа. Мы имеем дело преимущественно с неквалифицированными рабочими, ремесленниками и мелкими торговцами; работа персов на транспорте также сводилась больше к погрузке грузов. Хотя среди них были и богатые купцы, подрядчики на рыбных промыслах и т. п., но персы занимались „преимущественно торговлей, особенно домашней и в развоз, а также черной работой в мастерских, фабриках, заводах и строительных предприятиях“ [2]).

Турция. Турки, жившие в 1897 г. на Кавказе, занимались в 77,5% случаев сельским хозяйством, в 7,8%—случаев

---

[1]) Сюда приходили, между прочим, не только русины, но и чехи: в Волынской губернии в 1897 г. находилось 55% всех чехов по родному языку, насчитанных переписью. 97% волынских чехов зарегистрированы вне городов.

[2]) Б. Ишханян—„Народности Кавказа“, Петр. 1917 г., стр. 87. Главным центром, притягивавшим персидских неквалифицированных рабочих, были нефтяные промыслы около Баку. Здесь, по данным нефтяной статистики, 1 сентября 1915 г. находилось 13½ тыс. персов. Другим притягательным пунктом были каспийские рыбные промысла; на ловле одних только сельдей, по данным Каспийской Экспедиции Министерства Земледелия, в 1912 г. находилось 12.181 чел. По данным переписи г. Баку 1913 г., в нем, кроме нефтяных рабочих, находилось еще 9.507 рабочих-персов.

промышленной деятельностью, в 4,4%—торговлей и в 7,0%—частной службой, поденной работой и личным услужением. Это относится, правда, и к коренному турецкому населению Кавказа; но не приходится сомневаться, что иммигранты-турки были сельско-хозяйственными рабочими или неквалифицированными рабочими по преимуществу [1]), в меньшей доле—крестьянами, ремесленниками и мелкими торговцами.

Кроме турецких подданных—турок, в России оседало и много турецких греков и армян. Та группа турецких подданных, которую перепись 1897 г. застала в Таврической и Херсонской губерниях (см. выше), в большинстве своем состояла из греков [2]) .Занятие их—по преимуществу торговля, а также виноградство и табаководство (на восточном побережье Черного моря и в Крыму). Торгово-промышленным населением по преимуществу были и армяне.

Китай. Среди китайцев по языку мы в 1897 г. находим следующее распределение занятий:

Сел. хоз.-во.	Промышлен-ность.	Торговля.	Частн. служба, присл., поденщ.	Транспорт и связь.	Все остальное.
23,9	27,9	14,1	26,5	5,3	2,3

Эта группа иммигрантов в общем сходна с персидской группой. Среди занятых в промышленности—более половина строительные рабочие, а из занятых в сельском хозяйстве—почти треть приходится на лесоводство (т.-е. на неквалифицированных лесных рабочих). В общем неквалифицированные рабочие среди китайских иммигрантов, несомненно, преобладали, за ними следовали ремесленники, мелкие торговцы, а также мелкие сел.-хоз. арендаторы и крестьяне. Последние уже в начале 1900-х годов из Манчжурии [3]) стали проникать через Амур и Уссури в Амурскую и Приморскую области, оказывая значительную конкурренцию русским переселенцам и попадая частью в зависимость от них: русские, занявшие лучшие земли в избыточном количестве, сдавали их в аренду китайцам за высокую плату [4]).

В общем, как видно из предыдущего, состав иммиграции в довоенную Россию был сложен и разнообразен, тем более, что иммиграционный поток выходил из ряда государств с различной социально-экономической структурой и оседал преи-

---

[1]) Рабочие по постройке шоссейных дорог на Кавказе и в Крыму вербовались преимущественно из турок.

[2]) Сопоставление различных данных переписи 1897 г., на способах которого здесь мы не будем подробно останавливаться, доказывает это с большой ясностью.

[3]) А также из Кореи, откуда шла большая эмиграция, не выделенная особо нашим источником.

[4]) Кауфман, l. c. c. 336 и сл.

мущественно на окраинах империи, находившихся также в весьма различном положении.

Западно-европейский крестьянин, рассчитывающий при небольших сравнительно затратах получить в свое распоряжение более значительную площадь земли в отсталой стране и расширить свое хозяйство; купец, торговый агент и посредник, надеющийся обогатиться на развитии торгового оборота и закупке дешевых товаров; инженер и квалифицированный рабочий, привлекаемые более высокой оплатой труда в государстве, где крупная промышленность только-что начинает развиваться при помощи импортированного капитала; ремесленник-специалист, вытесняемый с родины конкуренцией машины и переходящий на Восток,—такова одна серия социальных типов. Сельскохозяйственный рабочий и бедняк-крестьянин, доход которого ниже у себя дома, чем в прилегающем районе соседней страны и который подчас замещает подобного себе бедняка, ушедшего дальше; ремесленник и мелкий торговец еще более отсталой страны, передвигающийся в менее отсталую страну; обнищавший азиатский крестьянин, притягиваемый новым промышленным центром (Баку), который возник на окраине соседнего государства,—такова другая серия социальных типов.

Основной силой, объединявшей все эти миграции и сливавшей их в один поток, была та же сила, которая порождала и встречное (эмиграционное) движение: развитие крупной промышленности и торгового оборота, с середины XIX века начавшее нивеллировать между собой отдельные страны и устанавливать между ними все более тесную связь.

10. Эмиграция, иммиграция и переселение после войны.

Эмиграция и иммиграция. Начало мировой войны привело в России, как и везде, к остановке рассматривавшихся выше миграционных процессов. Они заменились миграциями чрезвычайного типа, также приведшими в конечном результате к перемещениям населения из страны в страну, из одной части света в другую. Такое же, и даже большее значение имела гражданская война, последовавшая за мировой войной. Но мы не можем здесь заниматься рассмотрением этих перемещений, как вследствие отсутствия или неразработанности материалов, так и вследствие того, что данный вопрос не относится к нашей теме. Проследим, насколько это возможно, дальнейший ход нормальных миграционных процессов, нас интересующих.

В 1913—1915 г. г. цифры выезда и въезда русских и иностранных подданных (в тысячах человек) изменялись следующим образом:

	Российские подданные			Иностранные подданные		
	Выехало	Прибыло	Разница	Выехало	Пр было	Разница
1913 г. . . .	9.124	8.965	—159	3.899	4.085	+186
1914 г. . . .	5.245	4.719	—526	1.880	1.980	+100
1915 г. . . .	143	141	—2	231	288	+ 49

Из этого видно, насколько сократились к 1915 г. как оборот пассажиров с за границей, так и оседание русских подданных за границей и иностранных—в России. Нормальная эмиграция остановилась, иммиграция же сильно упала [1]).

---

[1]) Она продолжалась только по азиатской границе (через которую и вообще в 1915 г. шло более 90% пассажирского оборота). Чистый прилив иностранцев в 49 тыс. сложился из чистого прилива 36 тыс. китайцев, 20 тыс. персов и небольшого числа представителей других наций, наряду с чистым отливом 8 тыс. германцев и австро-венгерцев.

1915-м годом кончаются разработанные данные старой паспортной регистрации. Дальнейшие данные появляются лишь с 1921 г.

О том, что происходило за 1916—1920 г. г. в отношении эмиграции из б. империи, можно судить только по статистике заокеанских стран о движении иммигрантов. Эти данные, которые мы не будем приводить в подробностях, показывают, что если эмиграция за это время и происходила, то лишь в самых ничтожных размерах. В Соед. Штатах за 1916 г. осело лишь 2.600 человек иммигрантов из России, в 1917 г.— 6.800 человек, в последующие три года выезд все время превышал въезд. В Аргентине возвратное движение почти все время перевешивало над въездом. Прибытие в Канаду ограничивалось десятками людей, и только в 1920 г. составило 1.300 человек. Прибытие в остальные заокеанские страны в среднем за пять лет ежегодно не достигало даже и тысячи человек.

Все это является вполне естественным, поскольку с 1918 г. страна была блокирована почти по всем границам, и военные фронты простирались в ней по всем направлениям.

Что касается иммиграции, то, за полным отсутствием статистических данных, можно лишь предполагать, что в 1916—1917 г. г. приток китайцев и персидских подданных еще продолжался, а с 1918 г. приток первых стал сильно убывать, приток же последних вовсе остановился или сильнейшим образом упал.

В 1921 г. вновь появляются данные о переходе границы, что совпадает с окончанием гражданской войны и блокады, а также с началом хозяйственного восстановления. За первые три года имеются лишь материалы о выданных разрешениях на выезд и въезд, с 1924 г.—также и о фактическом отправлении и прибытии через границу.

Приступая к рассмотрению этих данных, надо подчеркнуть, что советское государство в том виде, как оно вышло из гражданской войны, имеет на Западе иные очертания границ, чем прежняя империя. От СССР не только отделены Финляндия, Польша, Литва (вместе с соответствующими источниками эмиграции), но и более половины б. Волынской губернии (откуда шла интенсивная украинская эмиграция), а также западная часть б. Минской губернии (главный источник белорусской эмиграции). Наконец, 55% еврейского населения России в 1897 г. также приходится на перешедшие во вновь образовавшиеся государства территории. Таким образом, существенно сократились человеческие фонды эмиграции вместе с составом самого государства. Но и переворот в политических и социальных отношениях, произведенный революцией, в особенности уничтожение всех ограничений для

евреев, а также ликвидация помещичьего землевладения и наделение землей безземельных крестьян сократил кадры возможных эмигрантов и на территории, оставшейся в пределах Советского Союза. Изменения границ создали новую обстановку и для иммиграции из Европы, поскольку главные районы оседания прежних выходцев из Германии и Австро-Венгрии находились большей частью в местностях, не входящих теперь в состав СССР. В то же время географическая обстановка для азиатской иммиграции почти не изменилась.

Посмотрим теперь, что показывают нам данные об обороте с заграницей советских граждан.

	1921	1922	1923	1924	1925	1926
	в тысячах человек					
I. Дано разрешений на:						
а) выезд	4,4	10,7	50,7	53,9	44,2	27,0
б) въезд	111,8	8,6	29,8	37,6	31,8	24,1
Разница	+107,4	—2,1	—20,9	—16,3	—12,4	—2,9
II. Перешло границу:						
а) выезд	—	—	—	40,0	46,9	39,4
б) въезд	—	—	—	32,1	40,0	36,6
Разница	—	—	—	—7,9	—6,9	—2,8

Примечание. За 1921, 1922, 1923 и 1925 г. дети лиц, получивших разрешение на выезд, не учтены. Это преуменьшает цифры на 10 — 20%.

Данные о разрешениях и о фактических переходах границы различаются между собой вследствие: 1) неиспользования части разрешений, 2) использования другой части разрешений лишь в следующем году, 3) наличия небольшого местного приграничного оборота. В общем расхождения все же не так уж значительны и не препятствуют пользованию материалом.

Этот материал показывает нам прежде всего, что оборот советских граждан с заграницей сильнейшим образом сократился по сравнению с довоенным временем [1]). Далее мы видим, что в 1921 году въезд (судя по полученным разрешениям) колоссально перевешивал над выездом. Это объясняется возвращением из-за границы, преимущественно из Европы, бывших военнопленных (и частью эмигрантов), которое стихийно совершалось и в предшествующие годы гражданской войны. В 1922 г. эта волна спадает и оборот вообще сокращается. Но с 1923 г. оборот опять увеличивается (в связи

[1]) Это объясняется, с одной стороны, отпадением колоссального краткосрочного оборота на польско-германской и польско-австрийской границах (передвижение рабочих). Западная граница СССР проходит по местностям экономически гораздо менее оживленным. Точно также отпала и большая часть районов, поставлявших „постоянных" эмигрантов. Крупнейшее значение имеет и сохраняющаяся до сих пор система виз, и то состояние „полублокады", в котором находится до сих пор Советская Россия.

с развитием внешней торговли и улучшением взаимоотношений с рядом государств). Наконец, в 1926 г. намечается новое сокращение, отчасти вследствие стремления экономить на расходах советских путешественников за-границей и значительного увеличения в связи с этим паспортного сбора.

Оседание за-границей, судя по разнице между выездом и въездом, также оказывается весьма незначительным и особенно сокращается в 1926 г. Это оседание на деле, впрочем, несколько больше, чем разница между выездом и въездом, так как среди въезжающих продолжает и после 1921 г. присутствовать элемент возвращающихся военнопленных и эмигрантов, на ряду с представителями текущего пассажирского оборота. Это подтверждают и данные об иммиграции из России, относящиеся к главным странам прибытия:

	1921	1922	1923	1924	1925	1926
	Разница между въездом и выездом в тыс. чел.					
Соед. Штаты	—9.831	+10.736	+15.173	+12.677	+1.216	+1 585
Аргентина	—88	+1.247	+3.124	+1.195	—	—
	Прибытие в тысячах человек					
Канада	1.172	975	5.151	8.357	6.953	—
Остальные страны (Бразилия, Австралия, Куба, Южн. Афр., Палестина)	3.438	3.151	4.527	3.844	—	—

Динамика иммиграции в С. Ш. и Канаду в общем напоминает движение цифры чистого отлива по советским данным. Суммарные цифры получаются, однако, несколько большие. Впрочем, не надо забывать, что по Канаде и „остальным странам“ обратный отъезд не принят во внимание, и фактическое оседание меньше цифр прибытия, приведенных в таблице [1]). Специальных данных о распределении эмигрантов по национальностям, занятиям и т. п. в советской статистике, так же как и в дореволюционной, не имеется (соответствующая регистрационная карточка вводится с 1 октября 1928 г.). На основании косвенных (заграничных) данных можно предполагать, что среди эмигрировавших в 1922/24 г. г. по прежнему было много евреев. Правда, черта оседлости была уничтожена, все ограничения для евреев отменены, погромы при советской власти стали немыслимыми. Но хозяйственный упадок, пережитый в результате обеих войн западными и юго-западными районами СССР, воспоминания о погромах, перенесенных во время мировой войны и при господстве белых, сперва по прежнему толкали евреев за границу. Это движение слабело

[1]) Кроме того, в Канаде регистрируется не прибытие из СССР, а прибытие „русских“, т.-е. следовательно, и тех выходцев из России и СССР, которые выехали с родины задолго до прибытия в Канаду. Таковыми являются, напр., русские белые эмигранты.

вместе с расселением евреев по ранее закрытой для них части страны, улучшением хозяйственной обстановки в бывшей „черте", усилением работы по созданию еврейских земледельческих колоний на юге Украины.

Другим видным элементом эмиграции были, повидимому, немецкие колонисты (в частности меннониты). Среди них было, вероятно, также небольшое количество зажиточных русских крестьян (в частности сектантов). Аграрная революция, связанная также с сокращением наделов богатых крестьян в пользу бедных, и усиленным обложением первых, создавала стремление у небольшой части зажиточного крестьянства уходить за границу, в особенности поскольку пути, ведущие за океан, уже были разведаны соседями в прежние годы [1]). Наоборот, стимулы к уходу за границу у деревенской и городской бедноты сократились. В результате социальный состав эмигрантов, принадлежавших к русской народности в широком смысле слова, несомненно, сильно изменился. Сельско-хозяйственные рабочие, бедные крестьяне, промышленные рабочие заменились более зажиточными слоями населения сельского, а отчасти и городского. Вместе с тем эмиграция количественно сильно сократилась и вряд ли имеет перспективы на дальнейшее расширение [2]).

---

[1]) В отношении русских сектантов замечалось, впрочем, и прямо противоположное явление: возвращение части их обратно из-за океана.

[2]) Имеется группировка разрешений на выезд и въезд (за 1925 и 1926 г. г.) по социальным категориям—рабочих, крестьян, служащих, кустарей, представителей свободных профессий и нетрудовых элементов. Она относится ко всем пассажирам в сумме, и характеристики эмиграции дать не может. Интересно, впрочем, что среди отъезжающих рабочие составляют 4%, крестьяне 22—31%, служащие 51—53% (среди служащих, конечно, много представителей прежних господствующих классов), все остальные—23—12%. Среди приезжающих рабочих было 15%, крестьян 28—34%, служащих 40—37%, всех остальных 14—18%. В общем это характеризует группу отъезжающих, как более состоятельную, чем группа приезжающих и дает косвенное подтверждение высказанному положению.

Отметим здесь же, что за три года (1924—1926) имеется и группировка разрешений на отъезд и приезд советских граждан по полу. Среди отъезжающих процент мужчин растет в такой последовательности: 57—65—74, а в среднем за три года составляет 63%. Он растет и среди приезжающих (67—70—77), составляя в среднем 70%. Более высокий процент мужчин среди приезжающих надо, вероятно, объяснить продолжающимся возвращением военнопленных и бывших солдат белых армий. Общий рост доли мужчин зависит, вероятно, от того, что в обороте пассажиров убывает доля эмигрантов и реэмигрантов и растет доля лиц, едущих для выполнения краткосрочных деловых операций и поручений.

За те же три года имеется группировка фактического оборота по участкам границы. По европейской границе за это время выехало 92,7 т. человек, а приехало 66,7 тыс. человек; след., здесь имеется перевес отлива в 26,0 тыс. человек. По азиатской границе выехало 33,6 тыс. человек, а приехало 42,1 тыс. человек, т.-е. приезд здесь перевешивает на 8,5 тыс. чел. Оборот по европейской границе преобладает над оборотом по азиатской: выезд по европейской границе составляет 73,4% от общей суммы выезда, а приезд по европейской границе—61,3% от общей суммы приезда.

Перейдем теперь к данным об иммиграции в СССР, точнее к данным о движении иностранных подданных через советскую границу, которыми мы здесь вынуждены ограничиваться. За 1921—1926 г. г. они имеют следующий вид [1]):

	1921	1922	1923	1924	1925	1926
			в тысячах человек:			
I. Дано разрешений на:						
а) выезд	159,2	312,8	25,1	30,8	24,9	28,8
б) въезд	0,2	4,0	18,6	31,4	38,4	60,4
Разница	—159,0	—308,8	—6,5	+0,6	+13,5	+31,6
II. Перешло границу:						
а) выезд	—	—	—	32,2	36,8	41,2
б) въезд	—	—	—	25,8	40,5	56,2
Разница	—	—	—	—6,4	+3,7	+15,0

Картина получается в некоторых отношениях аналогичная с движением советских граждан. За первые два года сильно перевешивает выезд, в котором, несомненно, самое крупное участие принимают бывшие австро-германские военнопленные, не успевшие выехать до начала гражданской войны и блокады Советской России союзниками; в нем участвуют также и „оптанты", т.-е. лица, пожелавшие принять подданство того или иного из вновь образовавшихся на территории бывшей империи государств [2]). Наконец, уезжает, в особенности после голода 1921 г., немало иностранных подданных, ранее осевших в России и ныне напуганных экономической разрухой, а частью и лишившихся прежних заработков.

В 1923 г. отъезд сильно сокращается и начинает возрастать приезд. По одним данным уже в 1924 г., по другим лишь в 1925 г. появляется чистый прилив иностранцев в СССР. Он совпадает с растущим хозяйственным восстановлением страны и развитием внешней торговли. В 1926 г. появляется уже довольно заметное положительное сальдо. Иммиграция возобновляется также в значительно меньших, чем раньше—но увеличивающихся размерах.

За первые три года, к сожалению, нет данных о делении иностранцев по подданству. Но за 1924—1926 г. г. мы такое деление уже имеем, и оно позволяет нам дополнить характеристику новейшей иммиграции.

---

[1]) В таблицу не включены лица, подданство которых неизвестно.

[2]) Эта категория составляла также часть советских граждан, прибывших в Советскую Россию в 1921 г. В нее входили те жители вошедших в Польшу, Латвию и т. д. местностей, которые пожелали стать советскими гражданами.

Фактический приезд и выезд, а также разница между ними за трехлетие 1924—1926 г. [1])

	Приезд	Выезд	Разница
Германия	9.545	8.349	+1.196
Австрия	1.335	1.154	+181
Чехо-Словакия	3.265	2.270	+995
Венгрия	385	629	—244
	14.530	12.402	+2.128
Англия	1.947	2.012	—65
Франция	981	1.115	—134
Италия	763	893	—130
	3.691	4.020	—329
Латвия	7.193	8.800	—1.607
Польша	3.484	7.508	—4.024
Эстония	4.164	3.744	+420
Литва	1.613	1.270	+343
Финляндия	2.592	2.609	—17
	19.046	23.931	—4.885
Греция	216	10.235	—10.019
Др. европейские государства	3.695	3.557	+138
Итого Европа	41.178	54.145	—12.967
Китай	47.596	12.942	+34.654
Персия	20.922	28.918	—7.996
Турция	5.868	6.842	—974
Япония	2.519	2.581	—62
Афганистан	1.924	1.935	—11
Др. азиат. государств.	447	830	—383
	79.276	54.048	+25.228
С.А.С.Ш.	1.498	1.604	—106
Др. америк. госуд	436	324	+112
	1.934	1.928	+6
Австралия	28	1	+27
Африка	14	8	+6
	122.430	110.130	+12.300

65% приезда и 49% выезда приходится на азиатские государства. На Европу соответственно падает лишь 34 и 49%. При этом около половины европейского приезда и выезда относится на Латвию, Польшу и др. государства, ранее входившие в состав российской империи. Оборот с Азией, таким образом, теперь подавляюще доминирует над оборотом с Центральной и Западной Европой [2]).

Оседание иностранцев в СССР также происходит преимущественно за счет Азии, или вернее — одного Китая. Персия сохранила довольно значительный пассажирский оборот с СССР, но отлив здесь преобладает, частью, вероятно, вследствие вытеснения мелких персидских торговцев кооперативной и государственной торговлей, частью вследствие сокращения числа рабочих—персов на нефтяных промыслах после введения новых американских способов добычи. Из европейцев стали опять оседать немцы, а также австрийцы и чехо-словаки, что соответствует довоенной иммиграции из Германии и Австро-Венгрии. Но этот приток пока очень слаб. Ему противостоит отлив подданных вновь образовавшихся пограничных государств, появление которых вообще отрица-

---

[1]) В таблицу не входят 25.032 человека, въехавших в СССР и 36.876 человек выехавших, гражданство которых неизвестно.

[2]) Так стоит вопрос, поскольку речь идет об иностранных подданных. Что касается советских граждан, то, как отмечено выше в примечании, 73,4% их выезжало и 61,3% приезжало по европейской границе.

тельно влияет на иммиграцию из Европы. Англия, Франция и Италия имеют перевес отлива. Наконец, крупный отлив замечается в отношении греческих граждан и объясняется кризисом табаководства и виноделия на Черноморском побережье в 1923—1925 г.г.; в 1926 г. этот отлив уже прекратился.

Данные переписи 17 декабря 1926 г. о численности иностранных подданных дают косвенный контрольный материал к материалам паспортной регистрации; сопоставим их с данными переписи 1897 г., относящимися к нынешней территории Советского Союза [1]).

	Германия	Австро-Венгрия	Англия	Франция	Италия	Греция	Др. госуд-ства Европы	Европа
			Тысяч человек					
1897	64,7	35,9	7,5	7,9	4,9	10,8	13,1	144,5
		Австрия.	Чехо-Слов.	Венгрия.				
1926	8,0	7,1	3,5	1,9	0,5	0,7	1,3	46,0	8,7	77,7
			12,5					

	Китай	Корея	Персия	Турция	Япония	Азиат. гос-ва	Все др. гос-ва.	Итого.
1897	47,6	12,9	73,8	119,1	2,6	256,0	3,0	403,5
1926	81,8	84,0	92,3	25,9	1,3	285,3	7,7	370,7

Общая сумма иностранных подданных в 1926 г. по сравнению с 1897 г. сократилась на 8%. Но при этом количество европейцев понизилось почти вдвое и составляет теперь 21% от общей суммы вместо прежних 36%. Количество же выходцев из Азии даже возросло. — Сильно упала численность выходцев из Германии и из района б. Австро-Венгрии, но они все еще преобладают над другими западно-европейскими государствами. Несмотря на значительный отлив греков, их все же и теперь гораздо больше, чем в 1897 г. Среди азиатских государств значительный прилив из Китая и Кореи (последняя в паспортной статистике, повидимому, присоединена к Китаю, или же находится в рубрике „неизвестных", а между тем иммиграция из нее была весьма сильна) уравновешивает убыль турецких граждан; последняя была естественным последствием участия России и Турции в мировой войне на различных сторонах.

Все эти указания, конечно, являются только косвенными и далеко не точными. Но в общем все же они подтверждают и даже несколько детализируют выводы, полученные по данным паспортной регистрации, о значении отдельных государств, как источников иммиграции в СССР.

[1]) Данные переписи 1926 г. берем из неопубликованных материалов. 18,0 тыс. подданных вновь образовавшихся пограничных государств в расчет не принимаем.

Иммиграция в СССР в общем имеет тенденцию к восстановлению. Но при затрудненности пассажирского оборота на западных границах, при сравнительно медленном восстановлении деловых связей с Европой, азиатская иммиграция получает еще больший относительный перевес, чем раньше, в особенности иммиграция из сильно перенаселенных стран Востока—Китая и Кореи. Однако, и европейская иммиграция уже делает свои первые, более слабые, чем раньше, шаги [1]).

Переселение за Урал. Мировая война остановила не только эмиграцию и иммиграцию, но задержала также и внутреннее переселение за Урал. Если мы возьмем данные народного комиссариата земледелия о движении крестьян переселенцев, направляющихся в азиатскую часть страны, мы получаем следующую картину:

	1913	1914	1915	1916	1917
Тысячи человек . . .	234	242	28	11	6

В 1914 г. мы еще наблюдаем значительное движение переселенцев: война началась осенью, когда переселенческий „сезон" уже заканчивался. Но уже в 1915 г. движение сокращается более, чем в восемь раз, затем опять более, чем вдвое, и в 1917 г. от прежних сотен тысяч остаются лишь немногие тысячи. Поскольку к 1917 г. почти все мужское работоспособное население оказалось мобилизованным в армию, ни о каком переселении для массы крестьян, конечно, не могло итти речи.

Кончилась война, сильно подорвавшая сельское хозяйство страны. Разразилась революция, приведшая к передаче крестьянам почти всей помещичьей земли и к уравнению наделов богатых и бедных крестьян. Но вместе с тем началась гражданская война, обостренная и удлиненная интервенцией и блокадой. Стала неизбежной система продовольственной разверстки 1918—1920 г.г. Посевные площади сократились,

---

[1]) Группировка разрешений на въезд и выезд иностранцев по социальным категориям за 1925—26 г. г. показывает, что среди въезжающих было 18% рабочих, 6—7% крестьян, 20% служащих, 4—10% кустарей-ремесленников, 9—8% лиц свободных профессий и 41—36% нетрудового элемента (куда включаются торговцы и предприниматели). Таким образом, новейшая иммиграция, очевидно, не носит аграрного характера, и в ней, вероятно, преобладает торговый элемент (купцы и торговые агенты). Среди отъезжающих больше рабочих (28—19%) и крестьян (16—12%), а также служащих (35—31%) и меньше „нетрудовых элементов" (7—23%); доля кустарей (7—10%) и лиц свободных профессий (6—5%) почти та же, что и в прибытии. Выезд, очевидно, совершается еще за счет „старого запаса", а потому и распределение по группам является иным.

Распределение разрешений на въезд и выезд иностранцев по полу (за 1924—26 г. г.) показывают, что мужчины составляют 81% въехавших (81—83—80%—по отдельным годам трехлетия). Среди выезжающих процент мужчин ниже—76%, но он постепенно возрастает (68—78—82%), стремясь уравновеситься с процентом мужчин среди приезжающих.

количество скота убыло весьма сильно, процент безлошадных крестьян еще больше возрос. Наибольшие тяготы пали на крестьянское население черноземного центра, которое давало всего больше людей в красные армии, больше всего снабжало их хлебом и непосредственно находилось под ударом военных операций.

При таких условиях совершенно понятно, что у многих крестьян, которым не хватало средств для быстрого восстановления хозяйства на увеличенном, но все же требующем довольно интенсивного хозяйства наделе, по окончании гражданской войны вновь возникла тяга к переселению. На свежей, неистощенной и притом более обширной площади земли они рассчитывали скорее проделать процесс хозяйственного восстановления. Несмотря на то, что свободные земельные запасы западной Сибири и Казакской степи, как отмечено раньше, были почти истощены еще до войны, все же даже и там возможно выделение новых участков, и еще более это возможно в Центральной Сибири и на Дальнем Востоке [1]).

Таким образом, для переселения оказались как субъективные, так и объективные предпосылки, и оно возобновилось в последнее время, хотя в меньшем, чем до революции, масштабе. Впрочем, оно не прерывалось и во время гражданской войны, продолжаясь по инерции и стимулируемое хозяйственным упадком этого времени.

Вот каковы данные регистрации тех же крестьян-переселенцев за последующие после 1917 годы:

	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927
Тыс. чел.	64	Регистрации не было.	85	71	7	3	13	94	81	74

Данные эти за первые годы считаются сильно преуменьшенными [2]). Много переселенцев шло, минуя регистрацию. Ямзин считает, что „за первую половину 1918 г. за Урал... проследовало... до 175.000 переселенцев", после чего движение вообще прекратилось, т. к. перед Уралом протянулся фронт гражданской войны [3]). Вряд ли, однако, цифра Ямзина характеризует количество действительных переселенцев: она охватывает, очевидно, и беженцев гражданской войны. Точно также, если после голода 1921 г. около миллиона (Ямзин, с. 79) поволжских крестьян снялось с места и ушло в другие места (не только в Сибирь, но и на Северный Кав-

---

[1]) Более целесообразная колонизационная политика позволила в последние годы произвести немалое переселение на Урал, в Поволжье и на Сев. Кавказ, т.-е. и в пределах Европейской части СССР.

[2]) Они и вообще не совсем полны, так как не охватывают ходоков, посылаемых для подыскания и осмотра земель, которых надо, конечно, присчитывать к переселенцам.

[3]) „Учение о колонизации и переселениях", с. 72.

каз), то их вряд ли можно назвать переселенцами; большая доля таких беженцев потом вернулась обратно.

Что касается нормальных и зарегистрированных случаев, то мы видим сперва подъем движения (в годы гражданской войны и голода), затем резкий упадок его в течение трех лет, как реакцию на предшествующую волну переселения и беженства, и, наконец, новое повышение, но до уровня значительно более низкого, чем в предвоенное время. Движение за последние годы имеет тенденцию входить в нормальное русло внутреннего колонизационного процесса и не является, как до войны массовым б е г с т в о м из районов с особенно обостренными аграрными отношениями [1]).

В общем, если учесть и не включенных в предшествующие таблицы ходоков, за время после окончания войны и начала революции в Азию прошло более 500 тысяч зарегистрированных переселенцев. Из них вернулось обратно менее 100 тысяч и осело более 400 тысяч. Сколько прошло и осело незарегистрированных переселенцев-беженцев—сказать невозможно, но во всяком случае их было не меньше, чем зарегистрированных переселенцев.

О т к у д а выходили переселенцы послереволюционного периода? Разобьем губернии выхода на те же группы, которые применялись нами раньше при анализе районов выхода дореволюционных переселенцев, т.-е. „запад“, „черноземный центр“, „степной юг“, „восток“ и „остальные губернии“. Возьмем только годы более обширного переселенческого движения. У нас получается следующая картина [2]).

	1918	1920	1921	1925	1926
	В процентах				
Запад	3	—	—	8	19
Черноземный центр	40	80	71	76	53
Степной юг	—	—	—	9	8
Восток	32	1	10	4	12
Остальные губернии	25	19	19	3	9
	100	100	100	100	100

[1]) Напомним, что в 1908 г. движение семейных переселенцев дало цифру в 653 тысячи, а в 1909 г. 598 тыс. человек. За два года их прошло $1^1/_4$ милл. человек!

[2]) При рассмотрении таблицы надо иметь в виду, что наш „запад“ сократился за счет перешедших в Польшу частей б. Волынской и Минской губерний, а от „юга“ отделена Бессарабия. Отметим также, что вследствие изменения административных границ наши расчеты не совсем точны, так как поуездных данных в нашем распоряжении не было. Материалы относятся ко всему переселенческому движению—не только в Азию, но и (меньшая часть) в Поволжье, на Северный Кавказ и т. п. Мы пользуемся за первые три года цифрами сборника Наркомзема „Сельское хозяйство России в XX веке“ (Москва, 1923) и за два последних—рукописными материалами того же ведомства, при чем данные за 1926 год относятся к периоду с 1 октября 1925 года по 1 октября 1926 года. За первые три года материал охватывает лишь семейных переселенцев, за два последние года — и одиноких.

Переселение 1918 г. окрашено явно „беженским“ (и вообще анормальным) оттенком: в нем принимают первостепенное участие восток и „остальные губернии“, обычно стоящие на втором плане; запад и юг почти или совсем не в состоянии принять участия в переселении, вследствие расстройства транспорта, препятствующего более дальним переездам. В 1920 г. восток уже стушевался, но неблагоприятные условия для запада и юга остаются в силе. Доминируют центр и „остальные губернии“. Такое же положение в общем сохраняется и в следующем году, при увеличении роли неурожайного востока. Зато в последние два года явно обнаруживается тенденция к восстановлению взаимоотношений довоенного периода. На первом месте остается центр. Однако, и запад заявляет свои права на второе место. Вновь появляется на сцену степной юг. Рядом с ним стоит восток, а „остальные губернии“ утрачивают прежнее значение.

Все это подтверждает, что переселенческое движение входит в свое нормальное русло, однако, в русло, сильно суженное аграрной революцией.

Если мы спросим теперь, куда именно направлялось переселенческое движение, то ответ на это даст нижеследующая таблица, построенная в отношении моментов времени по образцу предшествующей, с добавлением, однако, и 1927 г. (географические деления берем довоенные):

	1918	1920	1921	1925	1926	1927
	в процентах					
Сибирь	80	70	75	69	74	62
Дальний Восток	1	—	1	5	14	28
Степной край и Туркестан	19	30	24	26	12	10
	100	100	100	100	100	100
В тысячах человек	64	85	71	94	81	74

В три первых взятых нами года Дальний Восток почти не привлекает к себе переселенцев; доля его понизилась даже по сравнению с довоенным временем. В Степной же Край и Туркестан (Семиречье) направляется прежняя доля пришельцев. Они оседают в более доступных с транспортной точки зрения районах. Но затем значение Дальнего Востока быстро вырастает. Район средне-азиатских степей освобождается от давления переселенцев. В 1927 г. на Дальний Восток прошло уже 28% всех переселенцев (20,7 тыс. человек), и он становится центром внимания в смысле перспектив на будущее. Как это всегда бывает, под давлением нужды на Дальнем Востоке найдены значительные запасы еще свободных земель, его девственные почвы теперь признаны высокоценными, но только трудными для первоначальной обработки; на Дальнем Востоке начинается „рисовый

ажиотаж", и замечается переход туда крестьян даже из Сибири [1]).

Характер и направление азиатской миграции, таким образом, существенно изменились. Изменился также и самый состав переселенцев. В новейшее время не произведено еще исследований о сравнительном уровне благосостояния переселенцев и остающихся на родине крестьян, но прежнее резкое различие теперь, несомненно, сгладилось, ибо переселенец вообще не является уже более прежним забитым бедняком. „Уровень культурного и политического развития большинства современных переселенцев, а следовательно и запросы их, значительно выше, чем у прежних переселенцев и даже, чем у местных старожилов", говорит М. Большаков, обследовавший в 1927 г. положение на месте. „Переселенческая молодежь проявляет огромный интерес к организации правильного хозяйства на новом месте. Переселенцы немедленно по прибытии осведомляются о кредитном товариществе, о кооперации, о больницах, школах, избах-читальнях. Женщины, ранее знавшие только деревенских повитух, теперь требуют акушерок. При своевременно и в надлежащих размерах оказанной помощи переселенцы могли бы стать большой культурной силой, опираясь на которую можно было бы достигнуть значительных успехов в подъеме культурного и хозяйственного уровня заселяемых окраин" [2]).

---

[1]) См. „Дальневосточное и сибирское переселение" М. Большакова в „Вестнике Землеустройства и Переселения", 1928 г., № 4, с. 7, 11, 13.

[2]) М. Большаков l. c., стр. 24.

11. Заключение.

Общие выводы, к которым приводит предшествующее изложение, можно вкратце суммировать нижеследующим образом.

1. В течение XIX столетия, главным образом, начиная с 1860-х г. г., и в XX веке вплоть до начала мировой войны на пространстве бывшей российской империи наблюдается движение потоков дальней миграции, в результате которой значительные человеческие массы меняют свое оседлое местопребывание из страны в страну, из одной части света в другую.

Более $4^1/_2$ миллионов людей покинуло пределы российской империи за 88 лет с 1828 г. по 1915 г. включительно. Около трех миллионов (считая только с 1860-х г. г.) поглотил американский континент. Большая часть остального приходится на Европу и Азию, при вероятном перевесе последней.

За тот же срок в России осело около 4,2 миллионов иностранных подданных, так что прилив почти уровновесил отлив. Две трети этого количества прибыло из Европы (преимущественно из Германии и Австрии) и одна треть из пограничных стран Азии (в особенности Персии, Турции, Китая; при этом цифра притока из Персии, может быть, преувеличена против действительного размера, в связи с чем и общая сумма тогда подлежит уменьшению). Оседание иммигрантов в общем совершалось преимущественно в местностях прилегающих к исходным районам движения. Лишь немногие европейские иммигранты проникали в Азиатскую Россию.

Наконец, за период времени с начала XIX века и до мировой войны в пределах самой России совершилось передвижение из Европы в Азию (в Сибирь и прилегающие области) свыше 7 миллионов людей, из которых 4,7 миллиона было крестьян-переселенцев, 1,3 миллиона заключенных и ссыльных и более миллиона представителей других групп населения. Оседание происходило преимущественно в Сибири (62% переселенцев-крестьян за 1896—1914 г. г. и большая часть подневольных переселенцев), в Степном Крае (26% кре-

стьян-переселенцев), на Дальнем Востоке (10% крестьян-переселенцев) и наконец в Туркестане (2%).

До 16 миллионов людей в общем приняло участие во всех этих передвижениях.

2. Эмигранты из России по своей национальности распадались на евреев (44% всей эмиграции в Америку), поляков (25% от той же суммы) и кроме того русских (украинцев, белоруссов, великороссов), литовцев, финнов и немцев (от 6 до 9% на каждую группу). Абсолютное и относительное число русских сильно возрасло с 1907 г. Евреи представляли собой массу городской бедноты-ремесленников, поденщиков, мелких торговцев. Среди всех остальных сельское население преобладало. Только у немцев (и у русских до 1907 г.) была сильна прослойка зажиточного крестьянства. Среди всех остальных (в том числе и русских после 1906 г.) преобладали сельско-хозяйственные рабочие, беднейшие крестьяне и мелкие арендаторы. За исключением евреев и немцев множество отправляющихся заграницу ехало на временные заработки и не во всех случаях оседало заграницей навсегда. Вот почему только у евреев и, вероятно, немцев процент женщин среди эмигрантов был близок к нормальному. Среди остальных преобладали мужчины-работники.

Социальный состав иммигрантов в Россию был весьма различен по отдельным странам, отпускавшим этих иммигрантов. Среди германских иммигрантов преобладали т. н. средние социальные группы: самостоятельные хозяева-крестьяне, ремесленники, торговцы и торговые служащие и т. п. Австро-венгерская иммиграция состояла по преимуществу из батраков и беднейших крестьян. Такой же характер носила и турецкая иммиграция (кроме турецких греков и армян, среди которых было много торговцев и мелких предпринимателей). Среди китайцев и персов преобладали неквалифицированные рабочие, но имелось немало мелких торговцев и ремесленников. По полу европейская иммиграция характеризовалась нормальным или почти нормальным процентом женщин, тогда как в азиатской иммиграции они были представлены очень слабо.

Наконец, внутренние переселенцы в Азию являлись по большей части мелкими хозяевами-крестьянами, однако, более бедными, чем средний мелкий русский крестьянин, и часто стоявшими на пороге обнищания.

3. Изменение миграционных процессов во времени сводится к тому, что эмиграция, чем дальше шло вперед время, все более усиливалась. Переломными эпохами — в смысле резкого подъема движения — являются здесь 1860-е и 1890-е годы. После 1906 г. в эмиграционное движение оказалась втянутой украинская и белорусская деревенская беднота,

ранее в эмиграции не участвовавшая, чем и объясняется усиление эмиграции „русской“ национальности.

Для иммиграции, также усилившейся с 60-х г.г., 90-е г.г., наоборот, являются моментом перелома в сторону сокращения, за счет упадка германской и особенно австрийской иммиграции. Растущая азиатская и особенно китайская иммиграция не могли восполнить целиком этого снижения.

Наконец, и во внутреннем переселении 60-е и в особенности 90-е годы являются периодами сильного повышения. Характерно, однако, что в самые последние годы перед войной, переселенческое движение, испытавшее особенно бурный подъем в 1908 и 1909 г.г., значительно сократилось.

4. Эмиграционное движение непосредственно определялось теми экономическими и социальными условиями, в которые была поставлена соответствующая группа населения. Эмиграция евреев определялась невыносимым экономическим положением еврейских ремесленников и мелких торговцев, искусственно удерживаемых старым режимом в городах и местечках черты оседлости и ввергнутых в жестокую конкуренцию между собой, а также с остальным городским мещанством „черты“; ряд ограничений в правах и постоянная угроза погромов создавала не менее тяжелую социальную обстановку. Финские, польские, литовские, белорусские и украинские батраки и беднейшие крестьяне эмигрировали под давлением низкой заработной платы и подавленного социального положения, которые были результатом массового обезземеливания в пользу крупных помещиков (прямые пережитки крепостного права) или зажиточных соседей (развитие капиталистических отношений в деревне при относительно медленном росте промышленности и сохранении феодальных пережитков в общей социальной структуре). В основе их эмиграции лежал „аграрный вопрос“ того типа, который мы наблюдаем на западе бывшей империи.

Другого типа аграрный вопрос лежал в основе массового внутреннего переселения в Азию, которое шло преимущественно из земледельческого центра страны и мест, к нему прилегающих. Здесь была сосредоточена масса мелких крестьян, не вовсе лишенных земли и рабочего скота, но имеющих совершенно недостаточные наделы и по преимуществу лишь одну лошадь. Вынужденная аренда земли, отрезанной у крестьян при уничтожении крепостного права, за отработки или по высоким ценам, тяжелые платежи, не покрываемые доходами от хозяйства, рост внутренней дифференциации крестьянства при закабалении их помещиками и зажиточными соседями, также выражали наличие крепостнических пережитков и развитие капиталистических отношений, искривленных и обостренных остатками феодализма. Эти противоречия выше обрисованы одними только данными аграрной статистики, ярче

всего раскрывающими ближайшую причину переселений — малоземелье и кабальную аренду.

Что касается иммиграции в Россию, то ближайшие причины, определившие появление каждой из образующих ее струй, весьма различны, но в общем сводятся к одной основной причине: развитию крупной промышленности, торговли и кредита, которое увеличивало оборот между странами и создавало тягу одних групп населения в менее развитые страны, в целях приложения капитала, извлечения торговых прибылей и получения повышенной оплаты квалифицированного труда, и с другой стороны — тягу иных групп в более развитые страны, где заработная плата необученного труда и доход мелкого ремесленника все же выше.—Эта основная причина действовала и в отношении российской эмиграции за океан.

5. Развитие в стране крупной промышленности и торговли наряду с сохранением в ней феодальных пережитков—тормазов развития—стимулировало рост эмиграции и внутреннего переселения. Но оно же проложило путь к распаду старого государства, крушению старого порядка и всего довоенного экономического строя России. Вместе с тем радикально изменились и предпосылки для происходивших ранее процессов дальней миграции.

Вместе с отпадением территорий, бывших источниками финской, польской и литовской эмиграции, половины еврейской эмиграции, части украинской и белорусской эмиграции, прежний эмиграционный „фонд“ сильнейшим образом сократился. Уничтожение черты оседлости и полное уравнение евреев в правах с остальными гражданами должно в постоянно возрастающей степени сокращать тягу к эмиграции. Наделение землей безземельных крестьян и переворот в экономическом и социальном положении сельско-хозяйственных рабочих суть мощные факторы, сокращающие их тягу в эмиграцию.

Ряд вновь образовавшихся в западных районах бывшей империи государств отделяет СССР от прежних европейских источников иммиграции. Территории этих государств были главными районами оседания европейских иммигрантов. Состояние блокады, в котором пребывал СССР в 1918—1920 г.г. и пережитки этого состояния, сохраняющиеся доныне, также являются внешними моментами, задерживающими европейскую иммиграцию. Наконец, экономический кризис, связанный с гражданской войной, интервенцией и блокадой, затем национализация крупной промышленности, установление монополии внешней торговли, господство кооперативной и государственной торговли на внутреннем рынке также оказались в ряду препятствий для массовой иммиграции иностранцев определенных категорий, напр., торговцев и торговых агентов (приезд которых в меньшем количестве, повидимому, однако, продолжается).

Для других категорий (крестьяне, рабочие и ремесленники, квалифицированные специалисты и проч.) таких препятствий не существует.

Аграрный переворот, переход к крестьянам помещичьих земель и уравнение наделов должны были значительно ослабить (и фактически ослабили) стремление к внутренней миграции, но не уничтожили его вовсе.

6. Эмиграционное движение почти замерло с началом мировой войны, на момент слабо оживилось в первый год революции и выхода из войны (1917 г.), затем совершенно затихло вплоть до конца гражданской войны и блокады; реэмиграционное движение преобладало над ним после 1917 г. и достигло максимума в 1921 г. (возвращение военнопленных). С 1922 г. эмиграция опять появилась, но в размере вдесятеро меньшем, чем до войны. В 1926 г. она вновь почти совершенно иссякла.

Участниками эмиграции 1922—1925 г.г. были евреи—под давлением экономического кризиса в бывшей черте оседлости, который еще не был уравновешен изменением общего положения евреев и расселением их по стране. В эмиграции, повидимому, участвовали также немецкие колонисты и небольшое количество русских зажиточных крестьян (под действием уравнения наделов).

Иммиграция в Россию во время войны остановилась, вероятно, лишь по европейской границе, по азиатской же только ослабела. Гражданская война и интервенция создали перерыв и здесь. В 1921—1922 г.г. над приливом иностранцев преобладал отлив (отъезд военнопленных, оптанты, голод в Поволжье и неблагоприятная оценка дальнейших перспектив). В 1924 г. уже происходит перелом, и в 1925—1926 г.г. прилив преобладает над отливом, хотя чистый прилив все же в несколько раз ниже довоенного.

Вновь восстанавливается иммиграция из Центральной Европы. Но ее значительно опережает азиатская иммиграция—точнее китайская, ибо в отношении Персии и Турции отлив даже перевешивает. 10.000 греческих подданных выехали в 1924—1925 г.г. обратно на родину под давлением кризиса табаководства и виноградарства на Черноморском берегу. Но в 1926 г. эта реэмиграция уже остановилась.

Наконец, внутренняя миграция за Урал, также остановившись во время мировой войны, вновь вспыхнула в 1918 г., имея в значительной мере характер движения беженцев гражданской войны. В такой же оттенок она окрашена и в 1920 г., отчасти и в 1921 г. После этого движение на три года резко упало. Оно вновь расширилось с 1925 г., хотя и составляло в 1925—1927 г.г. лишь около трети того, каким оно было в последние годы перед войной (когда переселенческое дви-

жение было в пониженном состоянии, после максимума 1908—1909 г.г.).

В современной зауральской миграции попрежнему участвуют преимущественно крестьяне-середняки черноземного центра СССР и прилегающих к нему местностей. Она все в большей степени направляется теперь на Дальний Восток. Она стремится превратиться в нормальный процесс внутренней колонизации, освоения еще неиспользованных территорий на окраинах и одновременно способа улучшить положение части крестьянских хозяйств без дополнительных затрат на интенсификацию хозяйства в старых районах, способа частично разгрузить эти районы от унаследованного из прежних времен избыточного населения.

7. Эмиграция из СССР с точки зрения внутренних условий, господствующих в стране, не имеет перед собой больших перспектив. В советской деревне, правда, существует унаследованное от старого порядка перенаселение, создающее также приток избыточной рабочей силы в города. Это перенаселение не сразу может быть ликвидировано развитием промышленности и интенсификацией сельского хозяйства. Но в обоих направлениях ведется весьма энергичная работа, поддерживаемая в последнем случае самими крестьянами, общественная сознательность и культурный уровень которых сильно поднялся. Подавляющая масса крестьян будет теперь предпочитать добиваться улучшения своего положения внутри страны, путем использования ее собственных ресурсов и возможностей, эмиграции за границу.

Значительно более широкие перспективы имеются для иностранной иммиграции, не только азиатской, которая шла почти не прерываясь, но и для европейской, поскольку индустриализация страны не только позволит, но и сделает желательным приток квалифицированных рабочих, иностранных специалистов и т. п. Если в СССР получат большее развитие иностранные концессии, это также явится предпосылкой для усиления иммиграции. Не исключена (и фактически продолжается) иммиграция заграничных крестьян, как носителей более высокой техники земледелия.

Наконец, что касается внутренней крестьянской миграции за Урал, то она имеет шансы остаться в тех приблизительно границах, которые теперь для нее сложились, постепенно превращаясь лишь в одно звено планомерно осуществляемого агрикультурного и индустриального развития и заселения окраин огромной страны. Вместе с тем весьма вероятно увеличение потока переселенцев, направляющихся в Азию для усиления ее промышленного населения, по мере развития лесной, горной, металло-обрабатывающей и других отраслей промышленности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

1. Юридическое положение российской эмиграции. Статистические материалы о российской эмиграции и иммиграции. Об'ем работы 5
2. Общий размер отлива населения бывшей российской империи за границу. Три эпохи в этом отливе. Сопоставление отлива из России с приливом в странах иммиграции 10
3. Деление эмиграционного потока из российской империи по национальным группам. Удельный вес и характеристика этих групп 21
4. Характер и причины финской эмиграции. 28
5. Характер и причины польской и литовской эмиграции 36
6. Характер и причины еврейской эмиграции. 45
7. Эмиграция русских. Немецкая эмиграция из России. Остальные народности. 57
8. Миграция за Урал. 78
9. Иммиграция в Россию 105
10. Эмиграция, иммиграция и переселение после войны. 119
11. Заключение 132

Цена 2 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЯ ЦСУ СССР
Москва, 11, Б. Вузовский, 2. РИО ЦСУ. Тел. 59-32.